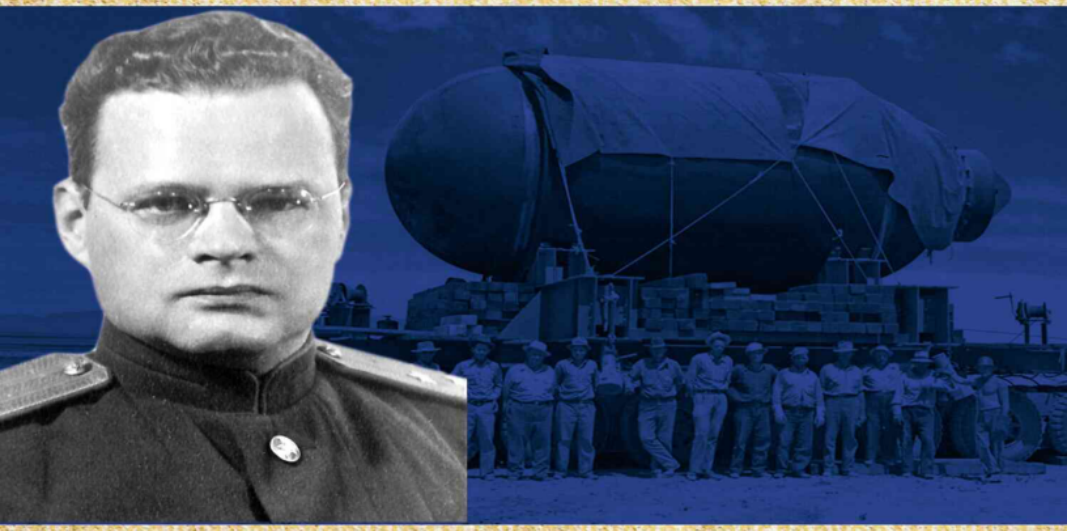
МЕМУАРЫ ПОД ГРИФОМ <СЕКРЕТНО>

АНАТОЛИЙ МАКСИМОВ



ЛЕОНИД КВАСНИКОВ

РАЗВЕДЧИК ЭПОХИ АТОМА И КОСМОСА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга А. Максимова посвящена Герою России, легендарному сотруднику Службы внешней разведки Л.Р. Квасникову, которого называют идеологом и стратегом атомной разведки. С юношеских лет жизненный путь Леонида Романовича был связан с техникой; четверть века он отдал разведке, причем ее чрезвычайно специфическому направлению — научно-техническому. Придя в стены НТР, Квасников начинал руководить коллективом разведчиков в четыре человека в канун войны, десятками — в годы войны, в Центре и за рубежом, и многими десятками в период «холодной войны». Автор не мог (и не смел) умолчать о нем еще и потому, что тот был его наставником в оперативных делах в 60-е годы XX века. Анатолий Максимов — ветеран флота, военной контрразведки, разведки; почетный сотрудник госбезопасности, член Союза писателей России; автор книг «Разведчик атомного века» (о В.Б. Барковском), «Атомная бомба Анатолия Яцкова» и других трудов о спецслужбах.

- Анатолий Максимов
  - От автора
  - Предисловие
  - Глава 1
    -
    - Детище разведчика-ученого
    - «Атомные шаги» к «верхам» разведки
    - НТР в преддверии войны
    - В Старом и Новом свете
    - «Гвардейцы Квасникова» в тайной войне
  - Глава 2
    -
    - Война закончилась — разведка воюет
    - Трудное время реорганизации
    - Операции НТР: от войны к миру
    - Из-за «стены секретности»
    - 1940–1949. Хронология взлома «стены секретности»
  - Глава 3
    -
    - Атомный триумф — предтеча космоса
    - Против «запрещающего монстра»
    - «Кузница кадров» НТР
    - Слово о выдающихся «гвардейцах»

- Заключение
- Послесловие
- Основные даты официальной жизни Леонида Романовича Квасникова
- Иллюстрации

Анатолий Максимов
Леонид Квасников. Разведчик эпохи атома и космоса

Памяти разведчиков, занятых в создании отечественного ракетно-ядерного щита, посвящается.

От автора

В середине 90-х годов созвездие Героев Отечества пополнилось шестью именами. Это было эхо с тайного фронта Великой Отечественной и со времен холодной войны.

В 1995 и 1996 годах Указом российского президента звания Герой России были удостоены разведчики Леонид Квасников, Владимир Барковский, Александр Феклисов, Анатолий Яцков и спецагенты-интернационалисты Морис и Леонид Коэны.

Жизненный путь легендарной четверки разведчиков — удивителен, а разведывательный — уникален. Они проникли за стену секретности, возведенную американскими спецслужбами вокруг объектов создания атомной бомбы в США. Их подвиг заключается в главном — предотвращение угрозы ядерного нападения на Советскую Россию с целью ликвидации российской государственности, попытки которой Запад не прекращает уже тысячу лет.

В 80-е годы первая книга об «атомных» делах советской госбезопасности в годы войны появилась из-под пера атомного разведчика Александра Феклисова. А вот описание работы его трех коллег — идеологе и стратеге атомной разведки Леониде Квасникове, историографе научно-технической разведки Владимире Барковском и воспитателе молодых разведчиков Анатолии Яцкове в виде отдельных рукописей было начато только в новом столетии.

И когда рукопись об оперативном, общественном и жизненном пути Владимира Барковского увидела свет (2015), автор оказался перед фактом: многие любопытные сведения о Леониде Квасникове, крупнейшем разведчике-ученом, и его коллеге Анатолии Яцкове, разведчике блестящего оперативного опыта, как и о других коллегах научно-технического направления разведки, остались на страницах и в записях архивного материала — «наследии Барковского».

Автор не мог (и не смел) умолчать об этих двух героях еще и потому, что они были его наставниками в оперативных делах в 60-е годы, а в 70-80-х Анатолий Яцков, руководитель факультета НТР, и Владимир Барковский, профессор Института разведки, стали на многие годы коллегами автора по работе в «кузнице кадров».

Почему автор взял на себя столь большую ответственность и столь почетную миссию по подготовке триады рукописей о разведчиках научно-технического направления в работе отечественной госбезопасности? Причем о столь уникальных

личностях, с их удивительными судьбами?

Кроме большого желания поработать над их яркими биографиями, появилось еще несколько причин. Одна из них — автор был коллегой Квасникова (он принимал его на работу в НТР в конце 50-х годов), а его непосредственными руководителями на оперативной ниве в штаб-квартире разведки и «кузнице кадров» на многие годы стали Барковский и Яцков (с перерывами в 70-90-х).

О еще одной причине уже упоминалось — «наследие Барковского». Архив стимулировал интерес к этим замечательным личностям, ибо содержал не только открытые публикации, но и пометки на полях, некоторые неизданные страницы и заметки-рассуждения…

И была еще третья, как представляется, далеко не последняя причина: огромное стремление и благодарное желание «поговорить» о замечательных личностях и старших коллегах, сыгравших значительную роль в оперативной судьбе и жизни автора.

Вот так случилось, что появление в поле зрения автора «наследия Барковского» подвигло его к работе над биографиями трех выдающихся личностей гражданского и профессионального накала. Удивительные судьбы и уникальные профессиональные успехи Леонида Романовича Квасникова, Владимира Борисовича Барковского и Анатолия Антоновича Яцкова стремительно увлекли автора на часы и дни, месяцы и даже не на один год…

Автор, опасаясь показаться нескромным, все же хотел бы признаться еще в одной причине безудержной тяги к перу и бумаге, когда речь зашла о судьбах этих блестящих профессионалов с уникальным оперативным опытом. Это могло случиться только тогда, когда автор всей душой проникся благоговением к патриотическому подвигу Леонида Романовича Квасникова и Анатолия Антоновича Яцкова.

Их деяния ради Отечества еще не одно поколение людей будет воспринимать как свет звезды совершенного ими подвига!

Предисловие
Разведчик-провидец

Прошло сто десять лет со дня рождения и близится двадцать пять лет со дня ухода из жизни уникальной личности в делах научно-технической разведки и всей системы госбезопасности — Леонида Романовича Квасникова.

Его жизненный путь с юношеских лет был связан с техникой: железнодорожное профтехучилище, машинист паровоза, студент технического вуза, инженер-рационализатор, аспирант… Это — вехи его первой трети жизни; затем четверть века в разведке, ее чрезвычайно специфическом направлении — научно-техническом.

Придя в стены НТР, Леонид Романович начинал руководить коллективом разведчиков в четыре человека в канун войны, десятками — в годы войны, в Центре и за рубежом, и многими десятками в период «холодной войны».

О Леониде Романовиче говорили и говорят до сих пор, как о талантливом организаторе работы этого многоаспектного направления разведки госбезопасности. В делах разведки ему были по праву присущи такие характерные черты, как «провидец» и «идеолог-стратег». А его «детище» — НТР — расценивается специалистами в нашей стране и за рубежом как самое эффективное в «мировом разведывательном сообществе» в делах проникновения «за стену секретности» Запада.

Наиболее верным в оценке его личности, как разведчика-ученого, справедливо считается следующее: ***«Человек с инженерным образованием, глубокими знаниями физики и редчайшей проницательностью».***

Леонид Романович обладал профессиональной **интуицией,** которая помогала ему через **знание** обстановки **предвидеть** ситуацию и **упреждать** ее осложнения конкретными действиями. Так было с «военным атомом», с «идеологической отсталостью в кибернетике», с участием в создании ракетно-ядерного щита и в работе в интересах космических программ…

Духовным настроем Леонида Романовича было глубокое осознание роли личности в жизни с опорой на нравственную позицию — долг перед Отечеством.

Очень важными деловыми и личными качествами обладал Леонид Романович в момент перехода от инженера к аспиранту и затем — к разведчику-ученому: интуицией и отличными аналитическими способностями. Он смог направить их на

реализацию собственного принципа — приоритет ученого знания в практической деятельности. И тогда его девизом стало: **целесообразность — это сила, которая превращает возможность в действительность.** Только и всего? Но из этого возведенного в принцип понятия выросла НТР — «дом, который построил Леонид Романович Квасников»! А это — многолетнее встраивание ее масштабной структуры во времена стремительно меняющихся органов госбезопасности: в системе НКГБ-НКВД-МИД и, наконец, в течение «спокойных» пятнадцати лет в составе КГБ, правда, во время «холодной войны» с ее экономическим аспектом.

* * *

Следующие строки — это все о нем, как о Гражданине, Ученом, Офицере и Профессионале, причем в трех ипостасях: в делах разведки в целом, в собственных делах НТР и в ее проявлениях с атомной проблематикой:

♦ «война в условиях мира» и «ей нельзя нанести удар разоружением»; «Союз овладел ключевыми элементами обороны свободного мира»;

♦ «в годы войны с помощью НТР закладывался потенциал наших вооруженных сил», «НТР… в потребностях обеспечения национальной безопасности», «создали такую базу и такую кадровую основу для решения задач удивительного свойства…»;

♦ «…существует возможность создания атомного оружия», «речь шла о прекращении американской монополии на атомную бомбу», «были существенно сокращены сроки изготовления первой атомной бомбы», «если бы мы опоздали…, то испытали бы этот заряд на себе», «без атомной бомбы мы были бы второстепенной державой…»

* * *

Судьба Леонида Романовича, разведчика-ученого, весьма необычна: он получал досрочные воинские звания и дважды — звание «полковник» (в госбезопасности и обычное, войсковое, — после образования КГБ); его дважды награждали орденами в один год; он входил в два списка — и для поощрения, и для перевода на… нары, в зависимости от успеха либо неуспеха в испытании первой отечественной атомной бомбы.

После «успеха» был награжден орденом Ленина в числе пятерых своих коллег по «атомным делам». Всего он имел семь

орденов за двадцать пять лет руководства НТР. Однако после незаслуженного и преждевременного, в ущерб делу, увольнения в отставку, коллеги Леонида Романовича «пробивали» ему персональную пенсию.

Его портрет помещен на скромном стенде «НТР и атомная разведка» в кабинете истории внешней разведки в ее штаб-квартире в Ясенево. И там же его имя занесено в книгу «Почетные сотрудники госбезопасности».

На родине героя, в местном краеведческом музее, представлена широкая экспозиция о жизни и разведывательном подвиге легендарного земляка. На школе, где учился будущий Герой России, установлена мемориальная доска: **«Школа носит имя Героя Российской Федерации, легендарного сотрудника Службы внешней разведки Квасникова Леонида Романовича 2.06.1905 — 15.10.1993».**

Леонид Романович почитаем среди своих единомышленников и последователей в Клубе «Титан» Ассоциации ветеранов внешней разведки, этой замечательной общественной организации с ее многосторонней помощью ветеранам в их повседневной жизни. Однако только в 2016 году зашла речь о заслуженном переносе праха Героя России Леонида Романовича Квасникова на Аллею Героев Троекуровского кладбища. А пока урна Героя «ютится» в одной ячейке с урнами двух его родственников…

…Именно о таких личностях говорил Наполеон: ***«Гениальные люди — это метеориты, призванные сгорать, чтобы озарить свой век!»***

Леонид Романович не только ярко «осветил» своим участием в делах научно-технической разведки, но и оставил нам, всем людям Советской и нынешней России, безоблачное небо, правда, с ракетно-ядерным прикрытием на многие десятилетия и, дай-то Бог, на столетия…

* * *

Эта рукопись не столько биография Леонида Романовича Квасникова, но и «биография» НТР под его началом и судьбы его ярких единомышленников, с теплотой названных «гвардейцами Квасникова».

Это — и сложные отношения руководства разведки и госбезопасности с правительством и ученым миром в начале «эры атома и кибернетики», в послевоенное время и в «капитализированной» России. И конечно, «моменты истины»,

когда действия и правота разведки во главе с Леонидом Романовичем в интересах Отечества признавались и оценивались по заслугам.

Леонид Романович Квасников… Яркая личность, яркая жизнь ради Отечества, яркая память в душах его коллег и сограждан о старшем товарище — РАЗВЕДЧИКЕ-УЧЕНОМ!

Тульская Земля богата на значительные для Отечества личности еще со времен Куликовской битвы и становления княжеской Руси, царской, императорской и Советской России.

На Среднерусской возвышенности родилась, возросла и проявила себя плеяда талантливых людей культуры и труда, военачальников… И здесь, вблизи знаменитой «кузницы обороной мощи Отечества», в самом начале века появился на свет Леонид Квасников.

Жизненный путь Леонида Романовича Квасникова начинался так, что он мог бы стать педагогом, ученым, крупным инженером в промышленности. Но ему суждено было иное — сыграть исключительную роль в истории становления и развития научно-технического направления разведки госбезопасности и ее судьбоносного вклада в оборонную мощь Советского Союза.

Родился Леонид Романович 2 июня 1905 года в семье железнодорожника, которая в то время проживала на небольшой станции Узловая вблизи Тулы. Трудовую деятельность Леонид начал в семнадцать лет рабочим на строительстве моста. После окончания в 1926 году железнодорожного техникума в городе Туле работал помощником машиниста, затем машинистом паровоза. Сам Квасников вспоминал: ***«Мне было четыре с половиной года, когда я увидел паровоз — движение вперед… Выбрал механический факультет Московского института химического машиностроения».***

В 1934 году Леонид Романович с отличием окончил институт. Год работал на химическом комбинате города Дзержинска, затем поступил в аспирантуру МИХМа. В 1938 году, будучи аспирантом, принял участие в работе специальной комиссии Наркомата оборонной промышленности по обследованию заводов, выпускающих боеприпасы. Внес предложение по автоматизации нескольких операций при снаряжении артиллерийских снарядов, которое было внедрено в производство. Готовил кандидатскую диссертацию по боеприпасам. Но…

В сентябре 1938 года Квасников был направлен на работу в органы госбезопасности. Свой путь в разведке он начал в должности оперативного уполномоченного отделения научно-технической разведки (НТР). Неоднократно выезжал в командировки в Германию и Польшу для выполнения

разведывательных заданий. В период с 1939 по 1942 год работал некоторое время заместителем, а затем — начальником отделения НТР.

С наукой не прерывал и внимательно следил за появлением новых научных достижений. Не прошел мимо открытия в 1939 году цепной реакции деления атомов урана-235, ведущей к созданию атомного взрывчатого вещества и оружия с его использованием. Затем обратил внимание на тот факт, что со страниц американских научных журналов исчезли имена видных ученых, до этого регулярно печатавшие свои статьи по проблеме ядерной физики.

Появились и другие настораживающие моменты. Как вспоминал Леонид Романович об этом времени: ***«Меня все время интересует… новое пока направление в области науки…»*** Позднее, со слов Квасникова, говорили, что для него «***это было как озарение, подсказанное интуицией…».***

В конце 1940 года Леонид Романович становится инициатором направления в резидентуры в США, Англии и Германии директивы: приступить к получению сведений о возможных работах в этих странах над созданием атомного оружия. Первые результаты подтвердили, что Квасников дал очень точную ориентировку. Уже в сентябре 1941 года в Лондоне Дональд Маклин передал в лондонскую резидентуру доклад «Уранового комитета» в адрес Уинстона Черчилля. В этом документе говорилось о начале работ по созданию в Британии и США атомной бомбы, о ее конструкции и о перенесении в Америку центра тяжести исследований и производства. Поэтому руководство разведки приняло решение о направлении Квасникова в командировку в США. Ему поручили наладить добывание информации об атомном оружии, а также возглавить резидентуру для всей работы НТР в Нью-Йорке. В январе 1943 года Леонид Романович выехал к новому месту работы.

В Нью-Йорке он занимался организацией получения научной и военно-технической информации. Проявил высокий профессионализм и глубокое понимание проблем, над которыми работали подчиненные ему сотрудники. Принимал непосредственное участие в разведывательной работе. Из резидентуры в Центр поступала в большом объеме секретная документальная информация и образцы техники по авиации, радиолокации, химии, медицине, которые представляли значительный интерес для отечественной промышленности, работавшей для фронта. Работа в научно-техническом направлении разведки госбезопасности прошла «красной нитью» через всю жизнь Леонида Квасникова. Но здесь он был тем, кто

зародил атомную разведку и довел ее до триумфа, начав первым охоту за атомными секретами.

Под руководством Квасникова были добыты важнейшие материалы по атомной энергии и ее использованию в военных целях. О предстоящем первом испытании американцами атомной бомбы нью-йоркская резидентура информировала Центр заранее. А когда 16 июня 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства атомной бомбы и материалов, примененных в ее конструкции, уже находились в распоряжении советских ученых.

После успешного завершения командировки в декабре 1945 года Леонид Романович вернулся в Москву и продолжил работу в центральном аппарате. С 1948 по 1963 год он являлся бессменным начальником отдела разведки — НТР. В этой должности широко проявились его блестящие организаторские способности. Под руководством Леонида Романовича НТР добилась серьезных успехов в решении стоящих перед ней задач. При реализации разведывательной информации он поддерживал тесный контакт с нашими видными учеными-атомщиками, в том числе с И.В. Курчатовым, а также с министрами и руководителями промышленных предприятий.

Подбор Леонида Квасникова, как руководителя научно-технической разведки, себя полностью оправдал. Этот разведчик-ученый прекрасно работал и в «поле» за рубежом, и в Центре. С таким человеком, как Курчатов, далеко не каждый разведчик мог бы сотрудничать. В Квасникове увидели именно того человека, который мог общаться с Игорем Васильевичем, фактически, на равных. Регулярно передавая ему разведывательную информацию, он теснее других разведчиков работал с главой советского атомного проекта. И это время, проведенное среди ученых, по его словам, ***«было самым счастливым в жизни».*** Как вспоминали близкие Леонида Романовича: ***«они были соратниками и друзьями в таком важном деле***…»

В пятьдесят семь лет, еще полный сил, Леонид Романович в 1963 году был отлучен от прямого управления своим «детищем» — НТР. До 1966 года работал старшим консультантом при начальнике ПГУ КГБ по научно-технической разведке. В декабре 1966 года вышел на пенсию.

За достижение высоких разведывательных результатов полковник Квасников был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. Ему было присвоено звание «Заслуженный работник НКВД», «Почетный сотрудник госбезопасности» и «Почетный сотрудник

Службы внешней разведки России».

Умер Леонид Романович 15 октября 1993 года. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище, в колумбарии.

В 1996 году Леонид Романович Квасников был удостоен высшей награды Отечества — «Золотой Звезды» Героя России, посмертно.

«…Обеспечить секретное ознакомление по урану узкого круга лиц из числа видных ученых и специалистов для оценки разведывательной информации и соответствующего ее использования…»

Леонид Квасников, глава отделения НТР разведки НКВД, март 1942 год

Глава 1
Когда отечество в опасности

Итак, нацеливание советской разведки госбезопасности на атомную проблематику произошло в конце 1940 года по инициативе Леонида Квасникова, сотрудника, занятого вопросами науки и техники. От него в промышленно развитые страны Европы и за океаном поступило в резидентуры указание — пока в общем виде.

Инициатива Квасникова проходила в резидентуры среди нескольких заданий «первой важности» — о планах Гитлера, намерениях Черчилля и… информации о новейшей секретной технике. Именно в это время была получены документальные сведения, которые в лондонской резидентуре расценили, причем без сомнения, как то, что ***«Британия твердо стоит на пути к атомной бомбе…».***

Детище разведчика-ученого

Информация пришла в руки Леонида Квасникова фактически одновременно от двух источников (оба из «Кембриджской пятерки») в МИДе и от сотрудника в Комитете, связанного с военной проблематикой. Об этом серьезном событии в работе лондонских разведчиков вспоминал историограф НТР Владимир Барковский: ***«…с английской стороны нам помогал, сам того не подозревая, лорд Хенки, сотрудник правительственного комитета по использованию науки в военных целях…»***

Разведчик Барковский отмечал, что даже без специальной подготовки в области ядерной физики можно было понять, что информация заслуживает самого пристального внимания по двум причинам — речь шла об оружии и, к тому же, о новом оружии: ***«…это был доклад…о возможности создания атомной бомбы… На самом деле уже тот факт, что документы получены из аппарата лорда Хенки, говорил об их подлинности и важности. Возможность ловушки здесь была исключена…»***

В основе такой уверенности лежало кредо советской разведки (да и серьезных разведок мира!) в отношении добываемой информации: она должна быть документальной по форме, достоверной по содержанию и секретной по значимости.

Все это относилось к полученной из Комитета информации, оказавшейся в руках агента «Пятерки» Джона Кернкросса, помощника лорда. А информация говорила, что научной работой британских физиков в области атомной энергии руководила специальная группа ученых во главе с авторитетным физиком Джорджем Томсоном.

Два доказательства в пользу серьезности проблемы — «комитет лорда» и «известный физик» — исключали даже намек на случайность в выходе на подобную (и тревожную) информацию. Случайность? Ни в коей мере! Без сомнения, нашей научно-технической разведке начала сороковых годов с ее штатом в четыре человека повезло с проницательностью Леонида Квасникова. А ему, пытливому разведчику-ученому, вероятно, было известно изречение грека Цицерона: ***«Если человек думает, что в историческом движении общества имеют место случайности, то он полный идиот».***

И много позднее не раз отмечалась роль Леонида Квасникова, специалиста в масштабных делах НТР, как обладающего способностью выстраивать принцип — приоритет ученого знания в практической деятельности. Будь то авиация или ракетная техника, радиоэлектроника или атом, или другие

проблемы науки и техники в оборонных интересах Страны Советов.

* * *

Естественно, возникает вопрос о появлении «ядерной физики» в разведке: ***«что же касается внешней разведки, то здесь был только один человек, хорошо разбирающийся в этом вопросе, Леонид Романович Квасников, выпускник Московского химического института (почему-то в те годы проблему ядерной физики наиболее полно преподавали в химических институтах)».*** И потому не случайно одна из характеристик личности Леонида Квасникова в вопросе по «теме» заключается в том, что «это был сама проницательность».

Слово об идеологе НТР. В это зарождающиеся подразделение разведки (тогда оно называлось «техническое») активно в предвоенные годы вошел Леонид Романович. И именно они — их было четверо — начали формировать «атомное направление». Однако термин «атомное оружие» появился позднее, а в то время речь шла о новых видах сверхмощных взрывчатых веществах.

Это был настоящий подвиг: Леонид Романович смог предвидеть начало работ за рубежом над созданием атомного взрывчатого вещества необыкновенной мощности и инициировал работы над этой проблемой в нашей стране **(первое предвидение!).** Прагматично размышляя, он упредил сбор комплексной информации об авиаракетной технике **(второе предвидение!).** Судьбоносно для оборонной и хозяйственной области упредил отсталость в нашей науке в области кибернетики **(третье предвидение!).** Им начата мощная «кампания» по компьютеризации НТР и затем всех аспектов разведки госбезопасности **(четвертое предвидение!).**

Только три инициативы-предвидения уже обессмертили бы Леонида Романовича… Но в памяти разведчиков, ученых и специалистов различных областей науки и техники разведчик-ученый остается идеологом, стратегом НТР и бессменным ее руководителем долгие и чрезвычайно плодотворные двадцать пять лет. После вынужденной отставки Леонида Квасникова его дело продолжил Владимир Барковский и когорта «гвардейцев Квасникова».

Имея прямой контакт с учеными-физиками, создающими атомную бомбу, Леонид Квасников снискал их глубокое уважение

— они «отдавали должное его интуиции». И он, талантливый руководитель, зачислил в свои ряды Барковского еще тогда, когда тот под фашистскими бомбами и ракетами работал в лондонской резидентуре и был известен как разведчик-инженер и руководитель обширной сети ученых и специалистов, работающих «над проблемой атома» с его возможностью распада в форме взрыва колоссальной силы.

Леониду Квасникову были известны работы советских ученых-ядерщиков Харитона, Зельдовича, Флерова и Петржака о возможности цепной реакции, а также датчанина Нильса Бора, Джона Уиллера (США) и Отто Фриша (Британия). От его внимания не ускользнул тот факт, что в западных научных журналах стали исчезать все публикации по ядерной физике. Причем в тот момент, когда в этой области были сделаны интереснейшие и многообещающие открытия.

Справка. В конце 1938 года ученые теоретически рассчитали, что процесс распада урана может протекать в форме взрыва колоссальной силы. После начала Второй мировой войны по инициативе венгерского ученого Лео Силарда, переселившегося в Америку в годы фашизма, Альберт Эйнштейн написал письмо на имя президента Рузвельта. В нем он указал на возможность появления бомб нового типа и высказывал опасение, что фашистская Германия может первой создать такую бомбу.

Рузвельт понял суть опасности и учредил консультативный комитет по урану с целью наблюдения за исследованиями и ввел строгую цензуру на публикацию по атомной проблематике — ив научной прессе Запада наступило полное молчание.

Идея возможности создания ядерного оружия родилась приблизительно одновременно в США, Англии, Германии и СССР. Но у ученых этих стран были неравные стартовые позиции. В США к началу войны с Германией было сформировано государственное управление, которое занималось организацией работ по созданию бомбы. В Англии образовался Урановый комитет, который занимался тем же, а в СССР такого государственного центра не было.

Первым забил тревогу президент АН СССР академик Владимир Вернадский. Он написал письмо в президиум АН и зампредсовета народных комиссаров Булганину. Зампред на письмо не ответил, а президиум ограничился созданием Урановой комиссии (комиссия прекратила свое существование

после начала Великой Отечественной войны в связи с трагическими событиями первого периода противостояния германскому вторжению и переводом всех работ АН по 200 военно-прикладным тематикам).

Историческая справка. Академик Владимир Иванович Вернадский, естествоиспытатель, философ, историк науки, социолог и многолетний президент АН СССР, был одним из крупнейших ученых-провидцев русской и советской науки. И в своем «сигнале» в адрес советского правительства о вероятности и возможности появления в мире взрывчатого вещества особой мощности он опирался на свое предвидение, высказанное им еще в… 1887 году.

Ученому было 24 года, когда его посетила гениальная догадка о принципиальной возможности существования в природе сил, которые многократно превышают по своей мощности все известные до сих пор человечеству. В своих предположениях русский ученый был весьма конкретен. Вернадский писал, что эти таящиеся в природе силы необходимо, во-первых, «открыть», практически «извлечь» из природы, и, во-вторых, силы эти способны не только «удесятерить» мощь человека, расширить «возможности новых приложений», но и реально выступить перед людьми в «отталкивающем, пугающем обличии» — как силы страшные.

Владимир Вернадский был человеком своего времени — вторая половина XIX и первая половина XX века **(1863–1945). И был он ученым «Ответственно Впередсмотрящим».**

На факт исчезновения публикаций по атомной проблеме обратил внимание Леонид Квасников, инженер-химик по образованию и по долгу службы следивший за всеми научными публикациями в иностранной прессе (об этом «исчезновении» из Нью-Йорка сообщил также резидент разведки Гайк Овакимян). И осенью 1940 года по инициативе Квасникова в резидентуры в США, Англии, Франции, Германии и Австрии была направлена директива: выявлять центры поиска способов применения атомной энергии для военных целей.

Квасников знал положение дел в Союзе и, получив сведения из Штатов о том, что «… ***по сообщению агента Бира, ядерные исследования в США проводятся с некоторого времени секретно: ученые опасаются, что их публикации могут помочь немцам создать свою атомную бомбу…»,*** еще более уверовал в факт начала реальных работ над атомным оружием в Германии и в подготовку таких работ в Англии и США.

Так случилось, что ознакомление с шифровками помогло Квасникову предусмотреть и начало работы разведки «по теме», ибо ***«умолчание о каком-то секрете — лучшее доказательство его существования. Теперь главное — не затерять атомный след. А еще уговорить начальника разведки Фитина не докладывать пока об этом наркому Берии».*** Квасников опасался, что Берия может не поверить и обвинит разведчиков… в дезинформации. А пока в резидентуры ушло его новое указание: продолжить собирать сведения по атомной проблематике — где ведутся работы, уровень их успеха, научные силы…

Прозорливость разведчика-ученого? Несомненно. Однако здесь сказалось следование триаде факторов наступательной позиции в деяниях советской разведки и ее особого значимого для обороны страны направления — НТР, а именно: **знать, предвидеть, упреждать.** С момента прихода в разведку Леонид Квасников овладел этой триадой блестяще — тому свидетельством вся его жизнь в госбезопасности.

У резидентуры в Лондоне на связи были члены знаменитой «Кембриджской пятерки». Естественно, им было поставлено задание добывать нужную «урановую информацию». И в сентябре 1941 года резидентура уже переслала сотни страниц документа Уранового комитета, в котором содержался категорический вывод: атомную бомбу можно сделать.

Так нашей НТР удалось получить не только ценные сведения — схему бомбы, принцип ее действия и описание способа выделения урана-235 из руды, но были также перечислены исследовательские и промышленные центры Британии, где велись работы по созданию бомбы. Последние — это объекты разведывательного интереса. Информация ушла в Москву, и в последующем на десятилетия вперед «все, что вокруг атомной бомбы и ядерного оружия» оказывалось на столе Леонида Квасникова и далее в руках ученых и специалистов.

Справка. На примере с «атомной проблематикой» можно проследить работу НТР советской госбезопасности над широким кругом заданий военно-прикладного значения во время войны и после нее. Можно говорить о «краеугольных камнях» эффективности разведработы, ибо именно в повседневную практическую деятельность идеолог НТР внедрил наступательный характер развед-мастерства — знать, предвидеть, упреждать (*во-первых*). Причем в основу реализации этого принципа в «делах НТР» был заложен его творческий подход в выборе «целесообразности, как силы, которая превращает возможность в действительность»

(Аристотель).

Естественно, опорой в решении конкретных задач НТР стал «инструментарий» разведмастерства — разведчики, агенты, операции (*во-вторых).* А сведения о занятости атомной проблемой конкретных НИИ и предприятий Британии способствовали решению вопросов проникновения в интересующие центры сосредоточения нужной информации, в частности, «в третьих» по отношению к Англии и США странах (*в-третьих*).

Опора на указанную триаду — наступательность, «инструментарий», территории — в последующей разведработе НТР была с эффективностью применена Леонидом Квасниковым по таким оборонным операциям: **«Воздух»** (авиация и ракетостроение), **«Радуга»** (радиолокационная техника и электроника), **«Зелье»** (взрывчатые вещества), **«Парфюмерия»** (ХБО). Такая ситуация сложилась в годы войны и после нее, что именно специфика проведения операции **«Энормоз» (атомная бомба)** стала своеобразным «локомотивом» всей эффективности НТР и отечественной науки и техники (в среде ученых считалось, что «без атомной бомбы мы были бы второстепенной державой!»).

Вот какого тревожного и упреждающего содержания документ получил Леонид Квасников в штаб-квартире НТР в Москве от лондонского резидента Анатолия Горского (04.10.1941):

«…Сообщаю очень кратко содержание представления 24 сентября 1941 года военному кабинету особо секретного доклада правительственного комитета по разработке способа использования атомного урана для изготовления взрывчатых веществ.

…Даже с учетом веса баллистического механизма урановой бомбы практическая сила ее взрыва будет превышать в 1000 раз ***силу взрыва обычной бомбы того же веса.***

…Следует отметить, что урановая бомба будет иметь двойное действие. Кроме разрушительной взрывной волны огромной силы, образуется наподобие газового облака огромное пространство, насыщенное радиоактивными частицами. Все живое, что попало в сферу действия этих частиц, хотя бы на несколько минут, неизбежно погибнет…»

* * *

В течение последующих военных и послевоенных лет (до

января 1943 и после декабря 1945 годов) Леонид Квасников руководил из центра работой нескольких источников ценнейшей «атомной информации» — физиков-атомщиков с позиции лондонской резидентуры. А осуществлял эту работу всю войну его единомышленник, будущий заместитель по линии НТР и продолжатель «дела Квасникова» Владимир Борисович Барковский.

И первая шифровка, и опись посланных почтой документов британского Уранового комитета по сей день сохраняется в архивном оперативном деле «Энормоз» — переписке нашей разведки по проникновению в англо-американский проект «Манхеттен» по созданию атомного оружия. И для молодого разведчика Барковского, и его куратора в Центре Квасникова это было первое соприкосновение с проблемой атомного оружия.

Через некоторое время на столе у Квасникова появилась новая информация от источника-физика на Британских Островах, еще более расширенная. Теперь обобщенные сведения Квасников доложил Лаврентию Берии, члену ГКО (Государственного комитета обороны) и главе НКВД. Но ответ был коротким: ***«это немецкая дезинформация с целью попытаться отвлечь наши материальные ресурсы…»***

Однако информация «по теме» — документальная, достоверная, секретная, причем из нескольких источников, — привела к тому, что Берия в марте 1942 года отправил составленное Квасниковым письмо в адрес главы государства Иосифа Виссарионовича Сталина. В нем сообщалось: атомная бомба — это реальность, и необходимо создать при ГКО орган для руководства такими работами в Союзе.

Правда, это столь важное письмо попало в руки вождя только в конце года. Но главное, что смог сделать Квасников, было достигнуто: информация о возможном появлении на Западе атомного оружия оказалась в поле зрения высшего руководства страны. Так случилось, что благодаря цепочке «источник — резидентура — Центр — глава страны» в конце концов советские ядерные разработки получили государственную поддержку. И теперь нашим ученым не просто стали помогать, но и всячески подгонять (конечно, история появления в «верхах» информации «по теме» на самом деле была еще более сложной, но об этом на следующих страницах рукописи).

Историограф НТР, атомный разведчик Владимир Барковский разобрался, почему Берия «восставал» на первых порах против работы над атомной бомбой в Союзе. Вот как он объяснял этот факт:

«По тем временам я не очень воспринял важность полученной информации. И не я один. Когда эта информация легла на стол Берии, он не придал ей значения. Но согласился отправить на отзыв в крупнейшие научные и исследовательские центры в системе НКВД. То, что потом стали, к сожалению, называть „шарашкой“. Хотя это совершенно не соответствует действительности. Все-таки там были лучшие лаборатории в Союзе…

Кто там написал отзыв, я не знаю. Но в отзыве было сказано, что в принципе создание атомного оружия возможно, и это будет не скоро. Такой отзыв укрепил Берию в неверии в ценности сведений, содержащихся в документах. Документы были положены под сукно…»

Вот почему случилось так, что с большим трудом добытая информация долго в Москве оставалась невостребованной. Вплоть до создания Лаборатории № 2, возглавляемой Игорем Курчатовым, вся эта физическая «заумь» хранилась в разряде дезинформации.

* * *

Казалось бы, кое-что по этой проблеме делалось. Но хотя в канун войны в Союзе появилась Специальная урановая комиссия, ее роль в работе над ядерной проблемой с возможностью создания атомного оружия так и не сказалась. Комиссия была одна на всю страну, которая истекала кровью на фронте. Германская армия подступила к Москве, впереди была Сталинградская битва. А за Уралом в тяжелейших условиях заново создавался военный потенциал страны. Но… но если бы научно-технической разведкой не руководил ее идеолог Квасников?!

В январе 1943 года Леонид Квасников был направлен в Штаты для активизации работы НТР в помощь воюющей Красной Армии и… по атомной бомбе. Все-таки это был особый знак «сверху» — в факт возможности появления на Западе такой бомбы в правительстве все же уверовали. А убедили в этом документы, обосновывающие необходимость и конкретные шаги по началу изучения вопроса целесообразности работы «по теме». Но только почти через год — в декабре 1942 года было принято окончательное решение: в Союзе отечественной атомной бомбе быть!

Возвратившись из Штатов в декабре 1945 года, руководитель линии НТР в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско Леонид

Квасников подвел весьма положительные итоги работы линии за 1945 год, и не только за океаном, но и в Британии. В Лондоне особо отмечалась работа Владимира Барковского — будущего заместителя идеолога НТР и его единомышленника. В оперативном письме говорилось: «… ***за истекший год от него поступило весьма ценных материалов 44 процента, менее ценных — 14, информационных — 13 и малоценных всего 0,87 процента. На конец года еще не поступило из ведомств оценок на 28 процентов материалов, поскольку большинство из них касается атомной проблематики».***

Так тонкий ручеек информации «по теме» вырос в мощный поток с двух берегов Атлантики. Проходя через руки единомышленников идеолога НТР, он поступал на стол чрезвычайно узкому кругу лиц, допущенных к разведывательной информации. В оперативном деле «Энормоз» содержится один из многочисленных положительных отзывов на материалы разведки, причем другого идеолога, но ученого-ядерщика, самого академика Игоря Курчатова:

«…Эта информация представляет огромный интерес, потому что она заставила пересмотреть нас некоторые свои взгляды и убедила нас в том, что построить атомную бомбу можно в более сжатые сроки, чем думают наши ученые, не знакомые с работами за границей…»

Именно так — и не раз, и не два — поступавшая от источников НТР «по теме» информация подчас открывала в Лаборатории Курчатова новые неведомые нашим специалистам направления работы.

И вот — эврика?! Была получены сведения об уникальной технологии извлечения урана из руды. Документальные материалы оказались столь полными, что позволили за… один год построить в Союзе завод такой же технологии. А в апреле 1945 года, еще в бытность работы Леонида Квасникова в Штатах, поступила информация о конструкции американского опытного «реактора Ферми», которая помогла при разработке первого советского реактора, ускорив его запуск через год.

Справка. Из источников в Англии и США после войны, в 50-60-х **годах, стала поступать комплектная документация об особенностях конструкции реакторов для атомных подводных лодок. А это уже были сведения стратегического значения: в стране создавался ракетно-ядерный щит морского базирования.**

Заглядывая дальше, следует отметить: и через десятилетия, уже в «эпоху капитализации» России, атомный подводный флот черпает свое могущество, в том числе, в

сведениях «из времени Квасникова и его единомышленников».

«Время Квасникова»… Ему, как руководителю линии НТР в США (1943–1945) в рамках всех ее операций — «Воздух», «Радуга», «Зелье», «Парфюмерия», особенно удалось активизировать работу по операции «Энормоз». Ибо в агентурной сети нью-йоркской резидентуры появился ценнейший источник — Клаус Фукс, с которым до 1942 года работали с позиции Лондона. Поток информации «по теме» в Центр резко повысился и по количеству, а главное — по качеству.

***ФУКС Клаус* (1911–1988). Агент разведки госбезопасности (1941–1950). Выдающийся физик-теоретик, бежал из Германии, подданный Британии. Из идеологических соображений предложил сотрудничество советской разведке. В годы войны работал над созданием ядерного оружия в США (1941–1945) и после войны — в Англии (1945–1950). В результате предательства был арестован, судим и приговорен к 14 годам тюремного заключения. Досрочно освобожден (1959). Заместитель директора Института ядерных исследований в ГДР (1959–1988).**

В целом успех и главная заслуга «атомных разведчиков» и в Англии, и в США заключается в следующем: ими руководил идеолог НТР Леонид Романович Квасников, талантливый организатор агентурного проникновения в работы американского «Манхэттенского проекта». Причем советской стороне — специалистам и разведчикам — пришлось работать в условиях объективного отставания от США, более того, при четырехлетней монополии в атомной проблематике американцев. Но 29 августа 1949 года в Союзе первая отечественная атомная бомба была взорвана. Это был результат коллективных титанических усилий ученых, специалистов, производственников и разведчиков.

Не потому ли американская сторона вынуждена была отказаться от идеи ядерной войны против Советского Союза? Работа резидентур советской госбезопасности по обе стороны океана над атомной проблемой стала самой важнейшей в истории нашей научно-технической разведки. Потому и специалисты и историки спецслужб — и у нас, и за рубежом — этот успех оценивают как триумф советской разведки.

«Атомные шаги» к «верхам» разведки

Историограф научно-технической разведки Владимир Барковский отмечает, что, когда он пришел после работы в Лондоне в штаб-квартиру разведки на Дзержинской площади, ему стало понятно, какую борьбу в «атомных делах» пришлось вести разведчику-ученому Квасникову с позиции отделения этого направления разведки. Более того, и с самой госбезопасностью, и за ее пределами — с «верхами».

В Лондоне, в лице резидента Анатолия Горского, добываемая «атомная информация» получала немедленную поддержку. Тем более, когда источники чуть ли не инициативно стремились обратить внимание на атомную проблему (из «Пятерки» — Дональд Маклин и Джон Кернкросс), принося конкретные материалы.

А в Центре? Леонид Квасников эту информацию воспринимал с государственных позиций, но вот с «Инстанцией» — собственно, для кого эти сведения и предназначались: правительство, военные, ученые, — возникли трудности.

Действительно, когда на фронте идет борьба на выживание, непросто было Квасникову выйти «на верха» с вопросом об атоме. Не сразу он нащупал логическую цепочку в предвоенной истории с ядерной физикой? Именно факт исчезновения статей маститых ученых-физиков о работах над ядерными исследованиями привел его к твердой уверенности: над созданием атомного оружия работали физики, чьи имена имели мировой авторитет в науке; и, таким образом, было вне всяких подозрений об ошибочности предположение — атом может быть на службе войне!

Отношения разведки и ее «крыла», НТР, складывались с «верхами» весьма сложно. Берия и Сталин, казалось бы, должны были быть более внимательными к информации разведки. Но…

Но шла битва за Москву, и все внимание в ГКО было приковано к защите Отечества на фронтовых рубежах. В резидентурах приоритет отдавался информации по «сиюминутной» помощи событиям на советско-германском фронте, а в области военной техники — немедленному повышению эффективности вооружения.

Естественно, в этой ситуации Квасникову докладывать наркому госбезопасности Берии было нелегким делом. Но Квасников, сотрудник госбезопасности государственного склада, шел на этот шаг. А исходил он из того факта, что собранная и получаемая из-за рубежа информация весьма важна — и по актуальности, и по документальности, и по секретности, и что

промедление с работами над атомным оружием весьма отрицательно может сказаться на последующем периоде ведения войны. И идеолог НТР упрашивал Берию доложить Сталину о возможности появления на Западе — в Германии, Англии и США — нового мощного взрывчатого вещества. Доводы разведчика-ученого Берия встретил раздраженно, недвусмысленно давая понять, что за дезинформацию последует наказание. Но и через месяцы Квасников повторно обращал внимание наркома на активизацию работ над атомом на обоих берегах Атлантики.

В марте 1942 года из Лондона пришли особо тревожные сведения: «… ***секретные лаборатории Германии активно ведут исследования по созданию урановой бомбы…» И*** случилось так, что настойчивость идеолога НТР привела к долгожданному докладу наркома Сталину. Это сообщение вождя озадачило. А Берия уже не говорил «об отвлечении нашей страны на путь непомерных затрат». В Кремль были приглашены академики А. Иоффе, Н. Семенов, В. Хлопонин, П. Капица (Тем не менее в деятельности Лаврентия Берии, как государственного деятеля в создании отечественной атомной бомбы и атомной промышленности, в целом известна и положительная сторона. — **Прим. авт.).**

Результаты кремлевской встречи проявились уже в июне 1942 года. В оперативном деле «Энормоз» об этом свидетельствует шифротелеграмма резидентам, подготовленная Квасниковым и подписанная начальником разведки Павлом Михайловичем Фитиным.

В шифровке из Центра (№ 834-23 от 14.06.1942), в частности, говорилось: ***«…прошу всех принять меры к получению сведений следующего характера…» И*** далее — конкретные задания по широкому кругу вопросов «по теме». Но все же многое о характере отношений в рамках «разведка — ГКО» оставалось неизвестным еще не одно десятилетие…

Доклад Лаврентия Берии Иосифу Сталину. Это случилось на сто тридцать шестой день войны, в ноябре 1941 года, именно после получения из Лондона той самой тревожной шифровки. Главными в сообщении были четыре особенно настораживающих момента: резидентура располагает полученными от ценных источников особо секретными документальными материалами о ведущихся в Англии теоретических разработках по созданию атомной бомбы (1); она обладает «колоссальной разрушительной силой, эквивалентной нескольким тысячам тонн тротила» (2); работы по ее созданию ведутся «с большой поспешностью» (3); англичане «испытывают страх перед немцами, которые могут

первыми изготовить» подобное оружие (4)… Таким образом, в руках разведки — Квасникова — и государственного деятеля Берии появился **первый аргумент** в защиту необходимости заниматься «атомом» всерьез.

Естественно, Сталин высказал опасения по поводу дезинформации и попросил Берию, чтобы «в природе возможности такого мощного взрыва» разобрались наши ученые. Берии было известно, что, в частности, академик Иоффе считает: ***«…атомное оружие — это гипотетическое оружие. Оно может быть, а может и не быть…»*** **(аргумент «против»).**

Главе государства, как и большинству людей его окружения, трудно было представить самое понятие «ядерное деление», да еще чрезвычайной мощности. Однако вождю, с его реальным подходом в делах, не давали покоя аргументы ученого-физика Флерова, а главное, его убежденность: ***«надо, не теряя времени, делать урановую бомбу»*** **(второй аргумент** в «копилку» Квасникова и Берии).

Но и неотложные задачи, связанные с тяжелым положением Красной Армии, — обеспечение фронта снарядами, самолетами, танками… — в тот момент, казалось бы, были аргументами «против». Однако Сталин за поступающей информацией о «сверхбомбе» велел следить.

В начале февраля 1942 года появились новые документы от фронтового разведчика. Это были математические вычисления и физические формулы, найденные у пленного немецкого офицера. Научная экспертиза показала, что речь шла о расчетах получения тяжелой воды и об уране-235. Данные свидетельствовали: в Германии ведутся серьезные работы по созданию атомной бомбы **(третий аргумент).**

Справка. Где-то под Таганрогом фронтовые разведчики взяли «языка» — немецкого штабного офицера. В его портфеле нашли записную книжку, всю «усеянную какими-то странными формулами и странным значками». Случилось так, что эта книжка оказалась в руках известного военного инженера Ильи Григорьевича Старинова, крупнейшего специалиста по взрывному делу, а в войну — «диверсанта № 1».

Старинов интуитивно понял, что речь идет «о какой-то взрывчатке» и отправил записную книжку в Москву, где она оказалась в ГКО. Из записей стало понятно, что германская сторона также собирается обзавестись атомной бомбой.

Исчезновение научных статей по «атому» перед войной обнаружил и физик Георгий Флеров. Он, как и Квасников, догадался, что это связано с работой над военным атомом.

Флеров обратился по двум адресам: в ГКО и в свой Физико-технический институт, который к тому времени эвакуировался из Ленинграда в Казань. В институте устроили научный семинар, но к однозначному решению о целесообразности начала работ в этой области не пришли. По словам одного из участников этого семинара: «У меня не было уверенности, как завершилось бы тайное голосование, если бы на семинаре пришлось решать — нужно ли немедленно начинать работы уже через год или два…»

А вот категорическое утверждение историографа НТР Барковского:

«Дальновидный Квасников ставит нам задачу: создать для решения этого вопроса агентурную сеть из квалифицированных источников. К 1943 году, а именно в это время была создана Курчатовская лаборатория, такая сеть была налажена и информация шла потоком к Курчатову…»

Затем в ГКО на имя Сталина поступило второе письмо от ученого Флерова. Он снова настаивал, что «появление в руках нашей страны такого оружия позволит достичь сразу значительного превосходства» в войне с Германией **(новый аргумент).**

Однако «осторожный» Берия, и как член ГКО, и как глава госбезопасности, не торопился докладывать Сталину про это письмо Флерова, все еще перепроверяя. И вот новая шифровка из Лондона, доложенная ему Квасниковым и Фитиным, — она решила ускорение его встречи с вождем по «проблеме атомного оружия».

Шифротелеграмма гласила:

«…специальный комитет по урану доложил министру авиационной промышленности, а затем Черчиллю о том, что атомную бомбу можно изготовить до окончания войны, если будет признано необходимым затратить на это соответствующие средства…

В проекте ее создания подсчитана потребность в людях, электроэнергии и деньгах, определены ее внешние размеры, сила взрыва и число возможных жертв. Опытный завод по урану-235 намечается построить в Англии, а завод промышленного производства — в Канаде. Нуждаясь в большой финансовой помощи, Англия предложила США вести дело так, чтобы кооперировать дальнейшие работы по изготовлению атомной бомбы. Президент Рузвельт одобрил обмен с Британией научно-технической информацией и направил личное послание Черчиллю, предлагая, чтобы любые усилия в

этом важном деле могли с пользой координироваться и проводиться совместно».

Но был ли Берия таким уж осторожным в атомных делах? Все же он был одним из соратников Сталина, причем высокого государственного уровня, к тому же «технически грамотным» и, кроме того, главой госбезопасности. **Но только теперь, соединив в одно досье три группы сведений: материалы лондонских источников, письма физика, расчеты немецкого офицера, — Берия развернуто доложил «атомную проблему в мире» Сталину, главе ГКО и главнокомандующему.**

Вот что было главным в этой докладной, подготовленной Квасниковым: ***«…Из прилагаемых совершенно секретных материалов, полученных НКВД СССР в Англии агентурным путем, видно, что существует возможность создания и использования атомного оружия…»***

Теперь уже менее года оставалось до появления в АН СССР престижной Лаборатории № 2 — кузницы первой отечественной атомной бомбы — и начала разворачивания отечественной атомной промышленности.

Если в Лондоне «по теме» работали десятки источников, то в Штатах в тот момент пытались к этой работе подключить источники в Нью-Йорке, Вашингтоне (нелегальная резидентура «Мера» во главе с разведчиком Ахмеровым) и Сан-Франциско.

«Атомная информация» пошла в Центр широким потоком с обоих берегов Атлантики. Здесь она приводилась в строгую систему, переводилась, снабжалась справками и с 1944–1945 годов стала поступать на стол к идеологу НТР и первопроходцу в «атомных делах» Леониду Квасникову. А затем — из рук в руки — Игорю Курчатову, руководителю отечественного атомного проекта «Уран» Лаборатории № 2 АН СССР.

О цепочке «из рук в руки» вспоминал историограф НТР Владимир Барковский:

«В центре знали об этой информации только руководитель научно-технической разведки тов. Квасников и его доверенные. Отсюда информация поступала к Курчатову — руководителю советских физиков-атомщиков. Курчатов передавал полученную информацию своим сотрудникам. Все это время они думали, что информация поступает из других научно-исследовательских центров. Им ничего не было известно об истинных источниках поступления данных…»

Выход НТР на Игоря Курчатова. Когда по линии разведки ответственным за получение «атомной информации» был назначен Леонид Квасников, он встретился с Игорем Курчатовым,

который ему сказал:

— Как мне сообщили из вашей службы, у американцев над атомным проектом работают 200 тысяч человек. У нас только сто ученых и научных сотрудников. Мы оказались в роли догоняющих и очень полагаемся на вашу помощь. Нам необходима любая информация, которая отражала бы уровень проработки различных проблем учеными США и Англии…

А к участию к операции (ее название было известно только разведке) допущено было всего несколько человек: в штаб-квартире разведки — ее начальник Павел Фитин, его заместитель Гайк Овакимян, Леонид Квасников и переводчица с английского языка Е. Потапова (позднее Зоя Зарубина); в нью-йоркской резидентуре — резидент Василий Зарубин, разведчики-атомщики НТР Семен Семенов, Александр Феклисов и Анатолий Яцков; в Лондоне — Анатолий Горский и Владимир Барковский.

И вот тогда-то, чтобы направить работу нью-йоркской резидентуры в нужное русло, туда был командирован в качестве заместителя резидента по линии НТР Леонид Квасников. Он сумел убедить Зарубина в целесообразности обратить серьезное внимание на работу научно-технической разведки.

Историческая справка. Созданная Квасниковым самостоятельная группа имела своего шифровальщика и автономную связь с Москвой. В группу был включен самый опытный разведчик-ученый-инженер Семен Семенов. Удалось добиться, чтобы в резидентурах Лос-Анжелеса, Сан-Франциско и Вашингтона были введены должности помощников резидента по НТР.

Нашей разведкой были охвачены почти все объекты американского атомного проекта «Манхэттен»: чикагская лаборатория («начинка» для бомбы), из которой один из агентов вскоре перебрался на работу в Лос-Аламос; на заводе в Хэнфорде — два ученых-физика; один агент освещал ход строительства атомных предприятий; в самом Лос-Аламосе начал действовать еще один агент «Калибр», который первым сообщил, что там разрабатывают два варианта атомной бомбы — урановой и плутониевой.

К началу 1945 года «атомная агентура» поставляла в Союз исключительно ценную информацию, о которой писал Игорь Курчатов: ***«…получение данного материала заставляет нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской атомной физики направления в работе…», «…материал большой ценности…***

Таблица точных значений сечений деления урана-235 и плутония-239 позволяет надежно определить критические размеры атомной бомбы…», «…получение подробных сведений по магнитному способу выделения урана-235 является крайне желательным…»

…Пожелтевшие страницы оперативного дела «Энормоз» и дел причастных к «атому» источников информации и по сей день хранят на оперативных письмах, шифротелеграммах и справках пометки коллег Квасникова, среди которых выделяются лаконичные и строго конкретные его личные указания.

И еще. Сохранились и оценки, лично составленные главой проекта «Уран» на добытые «гвардейцами Квасникова» сведения, которые предназначались узкому кругу лиц, допущенных к таинственно получаемой информации разведкой госбезопасности из-за рубежа.

Справка. Десятилетиями возникает вопрос в среде ученых-ядерщиков и разведчиков:«… ***действительно ли именно разведка обратила внимание на возможное военное использование атомной энергии*****? А как же Курчатов? Другие наши физики-ядерщики? Обратили внимание — да! Но не создавали, сразу следует оговориться (хотя об этом якобы «противостоянии» в девяностых годах прошлого века много писала пресса, говорило радио и показывали интервью по телевидению…). Никогда профессионалы из числа атомных разведчиков, а также ученый-историограф НТР Барковский, не поддерживали и даже опровергали саму мысль, что атомная бомба появилась только благодаря усилиям разведчиков! Ее создавали ученые и специалисты, а разведка лишь помогала в решении научных и технических задач.**

Историограф Барковский в унисон своему руководителю Квасникову разъяснял ситуацию с информацией по атомному оружию в мире и в Союзе следующим образом:

«В СССР, за исключением Игоря Курчатова и тех ученых, никто не помышлял о военном варианте использования атомной энергии. Не думали о таких возможностях и ученые США. Лишь физики, бежавшие из нацистской Германии, знали, какую опасность для человечества представляет ядерное оружие.

Ведь Германия буквально стояла на пороге создания принципиально нового оружия… Многие физики Германии обосновались в то время в Англии. Среди них Макс Борн, Рудольф Пайерлс… Естественно, англичане ухватились за

идею создания атомного оружия…»

НТР в преддверии войны

Что происходило в разведке в преддверии Второй мировой войны? В 30-е годы разведка госбезопасности проводила в интересах страны весьма полезную работу по экономическому и научно-техническому («техническому») направлениям.

Степень готовности к работе научно-технической разведки в годы войны была весьма ограниченная. Ей стали придавать особое значение в самый канун нападения Германии на Советский Союз. Да, оценки добываемой информации шли положительные, и работа велась по заданиям Инстанции. Однако даже сама структура в системе госбезопасности и внешней разведки была более чем скромная, хотя само направление было выделено в самостоятельные отделения (8-е — в 1930-м и 10-е — в 1938-м годах). Но тревожил вопрос с кадрами…

Справка. Когда Квасников пришел в отделение в 1938 году, он оказался там «сам четвертый». И вот что он увидел в стенах разведки: ***«Перед войной разведка была полностью ликвидирована: было много арестов, разгром полный. После моего оформления в отдел разведки я обнаружил трех человек. Все новички…»***

Но уже в следующем году его назначили руководить научно-техническим направлением. Пришедший в разведку одновременно с Квасниковым ее начальник Павел Михайлович Фитин быстро разобрался в потенциальных возможностях нового сотрудника. О нем вскоре стали говорить, как о человеке, который «***обладал цепкой памятью, незаурядными аналитическими способностями, имел познания в разных областях науки и техники… Но имел и собственное мнение***».

Через многие годы, когда приводили примеры выдающихся разведчиков, о Леониде Романовиче говорили: **«великого разведчика отличает интуиция».**

…И все же в целом правительство работой НТР (тогда «техническая разведка») были довольны. В обширном издании «Разведка Великой Отечественной» об этом направлении разведки в предвоенный период говорится, что «усилия НТР оценивали еще в 30-е годы, „как жизненное звено внешней разведки“; соответствующая ее деятельности информация в целом отвечает потребностям оборонных и народнохозяйственных отраслей промышленности страны».

Ставка на проникновение в секреты передовых по промышленному развитию государств — США, Англии, Германии — оправдала себя и тогда, и позднее, в мирное время. Появление

разведчика-ученого Квасникова в стенах штаб-квартиры разведки оказало явное положительное влияние на развертывание работы НТР по многим аспектам, в рамках особого научного и технического интереса советских ученых и специалистов. Естественно, на все это требовались средства и время, и разведка, в силу специфики своей тайной деятельности, компенсировала это в процессе создания передовых технологий.

Справка. Испокон веков «техническая разведка» велась государствами и частными организации (бизнесом). Причем для бизнеса это было получение выгоды — экономия средств и времени («промышленный шпионаж»), а для тех, кто занимался проникновением в научные и технические секреты Запада, — это обеспечение безопасности государственного уровня для, казалось бы, также экономии средств и времени, но… в условиях запретных санкций — то есть еще и способ выживания («научно-техническая разведка»).

Преддверие и канун войны… В указанных странах (да и других) наши разведчики получали информацию, сыгравшую существенную роль в техническом насыщении отечественной промышленности, особенно в стремительном развитии военных ее отраслей — для сухопутных, воздушных и морских сил.

Документальная информация от разведки затрагивала фактически весь круг вопросов по улучшению вооружения РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии). Речь шла об авиа- и танкостроении, артиллерии, кораблестроении, производстве боеприпасов. Эти материалы — западные научные и технические наработки, казалось бы, должны были оказывать реальную помощь в укреплении обороноспособности государства и в дальнейшем развитии науки и техники в Союзе в предвоенные годы. Однако…

Известно, что располагать передовой информацией и образцами техники — это означает только первый шаг к отечественным наработкам — нужно было создавать реальные промышленные мощности. Нужно было готовить технические кадры… И все же, материалы, получаемые разведывательным путем, сокращали время на разработку собственных систем вооружения и экономили значительные средства промышленного роста. И этот рост определялся девизом вождя: «За годы пятилеток пройти столетия!» (И ведь прошли! Это было реальное и значительное подспорье в канун нападения Германии, когда 43 % всех средств страны шло на оборону.)

Справка. Пример из военного лихолетья лондонской резидентуры раскрывает, какими «мелочами» занималась НТР. Конечно, тема атомного оружия была не единственной в «заботах» этой резидентуры. Вспоминал историограф Барковский, получивший задание от Квасникова: «Радиоэлектроника, локация, достижения в науке и технике… Нам в те годы, а я всю войну работал в Англии, многого не хватало. Однажды пришла шифровка: добудьте рецепт безмасленной эмульсии для обточки снарядов. Вот такой диапазон работы разведки…»

На фоне забот по организации работы с атомной агентурой этот случай, казалось бы, выглядит казусом! Но… Ускорение и удешевление обточки снарядов означало прирост их появления на фронте, вероятнее всего, на долю или один процент, а для всей артиллерии — это уже миллионы конкретных боеприпасов «сверх нормы».

В тридцатые годы «техническая» информация попадала, казалось бы, в нужные руки, но не всегда. Особенно когда речь шла лишь о первых шагах в создании новых вооружений. Так, от ценного источника берлинской резидентуры «Брайтенбаха» — Вилли Лемана (работал с 1928 года: передавал материалы политического, экономического, контрразведывательного и научно-технического характера) поступило две информации. Одна — по ракетной технике (была принята к сведению и использована), а другая — об уровне работ германских ученых над атомным оружием. Но это было в середине тридцатых годов: к сожалению, эти сведения некому было оценить, и они осели в архивных делах источника — о них не знали ни компетентные разведчики НТР, ни советские ученые-физики. Лишь спустя десятилетия после войны эти сведения стали достоянием историков, в том числе историографа Барковского.

* * *

У истоков НТР. И все же, с чего начиналась советская научно-техническая разведка к моменту прихода в нее ученого Квасникова? Это произошло в 1925 году.

Молодой советской внешней разведке госбезопасности насчитывалось всего пять лет, когда в ее недрах было создано самостоятельное направление — научно-техническое (по своей сути, а не по названию). Это было связано со стремительными темпами восстановления народного хозяйства, порушенного

двумя войнами, Первой мировой и Гражданской. Запад не оставлял намерения ликвидировать военным путем Страну Советов — это «инородное тело» в системе капиталистических государств. Более того, в который раз вынашивались планы поделить Россию между странами, именуемыми Великими Державами, — Англией, США, Францией, Германией, Японией.

Советскому государству предстояло в кратчайшие сроки подготовиться отстаивать свою независимость на полях сражений. И потому НТР, в условиях дефицита времени и средств, вменялось добывать научную и техническую информацию — технологии, образцы, идеи, прямо касающиеся усиления оборонной мощи страны. К таким отраслям промышленности относились: тяжелая металлургия, горнодобывающая, станкостроительная, тракторостроительная; а из специально военных — по авиации, танкам, артиллерии, стрелковому оружию, всем видам боеприпасов и производству топлива на основе нефтепереработки. Работа НТР организовывалась, в первую очередь, в высокоразвитых в промышленном отношении странах, которыми стали упомянутые выше государства.

…Идеолог НТР Квасников умел подбирать кадры. Сложилось такое положение, что два разведчика с инженерной специализацией на двух берегах Атлантики и затем в штаб-квартире НТР в Москве оказались тесным образом связаны с научно-техническим направлением разведки госбезопасности. И Квасников — в штаб-квартире и в Штатах, и Тарковский — в Лондоне и штаб-квартире в годы войны и после нее активно формировали основные аспекты НТР. Об этом уникальном явлении коллеги говорили: «создавали заделы на послевоенный период». Например, Тарковский, по «велению» идеолога НТР, стоял у истоков первых практических шагов, сделанных «атомной разведкой» в Лондоне, дважды за океаном, и, как продолжатель «дела Квасникова», до конца шестидесятых годов.

Но в чем «формирование»? В конкретных аспектах деятельности НТР в области сбора информации по насущным для обороны страны отраслей промышленности и вооружений, а это — авиация и реактивная техника, радиолокация и электроника, взрывчатые вещества и химия, химбакоружие и защита от него. Ведь шла кровопролитная война…

Справка. Весьма характерно, что Барковского направили в лондонскую резидентуру в канун войны не как сотрудника по линии НТР, а в качестве «разведчика общего профиля». Но его инженерная подготовка, естественно, привела его на стезю работы с «техническими источниками». А это — более

двадцати агентов, из которых шесть он привлек самостоятельно, а остальные были источниками по указанным выше аспектам разведывательной тематики.

Итак, почему все же линия НТР с удивительной последовательностью и оптимальная по структуре, кадрам и способностью проводить уникальные операции зарождалась «из полруки» идеолога Квасникова, разведчика-ученого?

Это случилось в тот момент, когда на нее легло решение специфических разведывательных задач. И такая линия появилась, в первую очередь, в союзных по антигитлеровской коалиции странах — Англии и США. В силу высокого научного и технического потенциала эти страны создавали виды и системы оружия, превосходящие своими параметрами вооружение фашистской Германии. Именно Квасников проявил прозорливость, еще в довоенное время включая резидентуры в Англии, США, Франции, Германии, Австрии, Италии в число своеобразного «плацдарма» для расширения работы НТР за рубежом.

Де-факто одно из таких направлений появилось в Лондоне. Можно предположить, случайность? Но еще древние категорически утверждали, что в жизни рассчитывать на случайность может только… идиот. В «лондонской одиссее» Барковского вроде бы просматривается случайность, если бы не одно «но»… Ведь именно там уже были агенты из числа ученых и специалистов, и именно там появился «технически грамотный» разведчик «общего профиля». С позиции сегодняшнего взгляда на историю НТР, пятилетняя «одиссея» в Лондоне могла бы без преувеличения быть названа «линией Дэна», то есть Барковского. Как и «линия Романова», то есть Квасникова, в бытность его руководства НТР в Америке (1943–1945).

Правда, в Штаты к началу войны Квасниковым уже были посланы его «технически грамотные» коллеги — Анатолий Яцков и Александр Феклисов. Правда и то, что этих будущих Героев России подключили к работе по линии НТР фактически только с появлением в США самого идеолога этой специфической службы. А вот предвидящим полезность работы с «технической агентурой» оказался к тому моменту только лондонский резидент Анатолий Горский. Именно он вручил своеобразные «ключи» к этим источникам своему молодому коллеге Барковскому.

Конечно, в первую очередь атомная бомба, однако добычей материалов по этой проблеме отнюдь не исчерпывался круг разведзадач, решаемых НТР все годы войны. Уже в первые дни войны задачи, поставленные ГКО страны перед разведкой

госбезопасности, сформировали общее направление ее работы: «осуществлять НТР в развитых капиталистических странах в целях укрепления военной и экономической мощи СССР».

Перечень наиболее интересных для нашей военной промышленности вопросов в виде разведывательных заданий был подготовлен в НТР и направлен за подписью Квасникова и Фитина в Нью-Йорк и Лондон. Именно в этих городах по обе стороны океана резидентуры все годы войны стали основными поставщиками научной и технической информации по военно-прикладной тематике.

* * *

1941. Сталин — резиденту Зарубину. Известный разведчик-нелегал Василий Михайлович Зарубин в конце 1941 года готовился к работе в США в качестве руководителя «легальной» резидентуры в Нью-Йорке. В это время руководство разведки госбезопасности распределяло задания между резидентурами с учетом их возможностей, а главное — степени осведомленности по Германии и роли союзнических отношений к ней.

Перед отъездом в Америку Зарубина принял Сталин, определив его разведточке следующие задачи (стиль текста сохранен):

— следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и вместе не пошли против Советского Союза;

— добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают американцы;

— выявлять секретные планы союзников в войне с Германией;

— попытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть «второй фронт» в Европе…

Гитлеровские войска ко времени этой беседы подошли к столице. И тем не менее, еще одно здание ставил Сталин резиденту: «организовать работу по научно-технической проблематике в интересах укрепления боеспособности Красной Армии».

Весьма характерен сам факт появления подобного задания главы страны в сверхкритический момент сражения под Москвой. Оно, это краткое задание, дышит уверенностью в победе над фашистской Германией и четко расставляет приоритеты в делах разведки за океаном на длительное время борьбы с нацистской

Германией, ее сателлитами, с прогермански настроенными «нейтралами» и оккупированными странами с их коллаборационистскими правительствами.

***ЗАРУБИН Василий Михайлович* (1894–1972). Талантливый разведчик-нелегал. Сотрудник госбезопасности с 1920 года и внешней разведки с 1925 года. На нелегальной работе: в Китае, Финляндии, Дании, Германии,**

Швейцарии и Франции (1925–1933). Активная работа в Германии (1934–1937). Восстановил связь с ценным агентом в Китае в канун нападения Германии на СССР. В годы войны возглавлял «легальную» резидентуру в США (1941–1944): информация, включительно по атомной проблематике, регулярно поступала в ГКО. Работал в центральном аппарате (1944–1948).

К 1943 году резидентура в Америке имела 29 источников ценной информации в правительственных учреждениях Белого дома, среди сенаторов Капитолия и сотрудников Пентагона и ЦРУ.

Резидентурой в Америке были добыты материалы о работе американской комиссии в выстраивании отношений с Германией; о позиции США по открытию «второго фронта»; меморандум по Германии, принятый Рузвельтом и Черчиллем в канадском Квебеке в 1943 году («план Ренкина»), о недопущении Красной Армии в Европу; о стратегических планах США и Англии по послевоенному устройству мира; а также информация контрразведывательного характера (а это означает проникновение в спецслужбы этого неустойчивого союзника).

Трагические обстоятельства первого периода войны требовали ото всех резидентур за рубежом интенсивной работы по проникновению в планы гитлеровских генералов. И все разведчики всех резидентур с их источниками были нацелены на получение информации по советско-германскому фронту. Но пребывание в Штатах Квасникова было целевое — наладить действенную работу линии НТР. Что и было блестяще сделано.

Так в чем заключался триумфальный успех НТР НКВД-НКГБ, руководимый Леонидом Романовичем Квасниковым и его «гвардейцами»-единомышленниками в штаб-квартире в Москве и в резидентурах в Англии и США?

Как уже говорилось, становление реальной работоспособной линии НТР в США началось с приездом в Нью-Йорк Леонида Квасникова. Работая в американо-советском торговом обществе «Амторг» под прикрытием «Международная книга», он принял от резидента Василия Зарубина все дела по НТР. А это — десятки источников, в большей степени нацеленных на активную работу. Положение дел с этой линией выявляло, хотя и объективно оправданный, но все же печальный факт: она оказалась на втором плане, после политической разведки.

Конечно, это было оправдано — вермахт только что стоял у стен Москвы! Но… линии НТР, как таковой, не было. Леонид Романович с грустью вспоминал: «И вот опять я оказался один. Оперативного состава, по существу, не было. Но я отметил двух толковых молодых людей, работавших по другим направлениям разведки. Я связался с Москвой и забрал их себе. Это были Анатолий Яцков и Александр Феклисов. Они-то стали потом основными работниками, которые встречались с людьми и через которых я получал основные материалы от физиков, работавших непосредственно в Лос-Аламосе…»

А пока было известно, что из 150 тысяч сотрудников Манхэттенского проекта полностью владели информацией якобы только человек 10–12. Генерал Гровс, руководитель американского атомного проекта, говорил, что ***«не более 15 человек, участников проекта, знали всю проблему научных исследований…».***

Казалось бы, проникнуть в проект было невозможно, но развернутая Квасниковым агентурная сеть методически подбирала «ключи» к атомным секретам. Проблемы были и со срочной передачей актуальной научной информации. Вот как Квасников вспоминал об этих трудностях: ***«Полученные данные передавал шифровкой. Помню, как я мучился, передавая восьмикратный интеграл… Часть материалов переправлялась курьерами, чаще через канадскую границу. Даже Тоня, моя жена, несколько раз ездила таким образом любоваться Ниагарским водопадом».***

* * *

Тайный фронт разведки госбезопасности охватывал три главных «поля войны»: военно-политическое, военно-экономическое, внешнеполитическое. Но «военный фронт» был поставлен на первое место, потому что «горячий», и требовал немедленных действий ото всех других «полей войны», причем ежедневно и ежечасно.

Центр еще в довоенном апреле 1941 года, с подачи Квасникова, принял решение о переходе на линейный принцип работы НТР, да и всей разведки госбезопасности. Это означало, что разведчики не должны были заниматься всеми вопросами, а только — в зависимости от их целевого использования: политического, экономического, научно-технического.

Так, талантливый разведчик-агентурист Семен Семенов имел на связи около двадцати источников информации по науке и технике, но работал лишь с половиной из них, и то по линии политических интересов резидентуры. На год раньше в страну прибыли молодые разведчики Александр Феклисов и Анатолий Яцков, причем с целевым заданием как сотрудники НТР. Но их уделом с начала войны стала работа по той же политической, хотя и основной линии, но не в интересах НТР. И это было оправдано: шла война, германский вермахт стремительно продвигался к Ленинграду и Москве, захватывая все большую территорию нашего Отечества. Была нужна информация по советско-германскому фронту, каждодневно и ежечасно.

К 1944 году из полученных Центром с двух берегов Атлантики 1167 комплектных материалов документальной информации было реализовано только 616. И вот что характерно: эти материалы были получены не только в результате работы с агентами «классического образца», но и в результате весьма доброжелательного отношения американских граждан и британских подданных к Стране Советов. А отношения эти оказались весьма показательными.

Разведчик-ученый и его единомышленники подметили эту особенность в душах простых англичан и американцев, которые знали, что наша страна является союзником в борьбе с общим врагом, и потому стремились быть полезными. То есть в ходе выполнения «союзных обязательств» сложилась любопытная обстановка: более активная поддержка на «низком уровне», чем официальные общения «по делам союзников».

В Англии Барковскому пришлось работать с несколькими «инициативниками», носителями военной информации научного и технического характера. Ряд из них привлекался к

сотрудничеству с Советами в «одно касание», то есть с первой же встречи. А в Штатах «массовость» приобрела, на первый взгляд, необычный характер. Дело в том, что в состав советской Закупочной комиссии, работавшей по линии ленд-лиза в Вашингтоне и Нью-Йорке, в основном входили советские военнослужащие. Им был дан приказ (секретное указание от члена ГКО А.И. Микояна) о тотальном сборе информации технического характера в области военных отраслей промышленности в США. Предвидение «сверху»? Но именно эту особенность подметил идеолог НТР Квасников стразу после приезда в Штаты. И «массовая охота» за секретами принесла весьма ощутимые плоды: проекты целых заводов, спецтехника, фотографии и чертежи для производства самолетов, подводных лодок и узлов к ним, а также всех видов вооружений. Резидентуры работали с людьми на основе их патриотических и антифашистских настроений. А в Америке преобладало еще и протестное настроение против запретов на передачу американскими властями информации военного значения воюющей России. И конечно, помогала еще общая антифашистская атмосфера в стране.

В телевизионном фильме о Леониде Квасникове об источниках информации говорилось: ***«Это были люди, убежденные в том, что секретов ядерного оружия не должно быть у одной страны, потому что это приведет к трагедии».*** С экрана сам Леонид Романович о таких помощниках замечал так: «***Мне всегда как-то неприятно говорить „агент“, потому что это были наши близкие друзья…»***

Защита Москвы и противостояние у Сталинграда с приездом Квасникова, резидента по НТР, позволили реорганизовать работу на этом направлении разведки: в Центр пошел поток целенаправленной информации по всему спектру пяти главных операций НТР — «Воздух», «Радуга», «Зелье», «Парфюмерия» и, конечно, «Энормоз».

Справка. В конце войны из Штатов был получены, можно сказать, весьма любопытные материалы, например по авиастроению. Появление на фронте германских реактивных самолетов обеспокоило американцев. И тогда они за 180 дней разработали свой вариант реактивного истребителя и двигателя к нему. Тотчас по линии НТР в Москву от агента-участника этого проекта ушло 98 комплектных материалов: НИР общим объемом в 5000 страниц (оценка отечественных специалистов: «весьма ценные»). Хотя, казалось бы, опыт у нас, в Союзе, был значительный и стремительный в

разработке технологии и создании фронтовых крылатых машин.

А «любопытного» в этой информации было то, что она содержала последние достижения авиационного конструирования, применения современных материалов и синтеза авиационной мысли в области новой для советских конструкторов реактивной авиации. И все это «богатство» оказалось у наших специалистов — а это справочно-сравнительный материал для советского авиастроения. (С большой степенью вероятности можно говорить, что именно подобные материалы позволили в Корейской войне 1950 года нашим МИГам выиграть воздушное сражение с американскими «Сейбрами»! — Прим, авт.)

Подобное вершилось по обе стороны океана. В феврале 1945 года резидент Квасников из Нью-Йорка в записке к руководству разведки с полным правом выполненного долга докладывал, что агентурная сеть ***«является в основном довольно работоспособной, а по своей технической квалификации стоит на высоком уровне. Большая часть агентов в стране работоспособна…».***

(Прим. авт. Довольно объективная оценка достигнутого линией НТР в США высказана в одном из докладов Комитета представителей сената США по антиамериканской деятельности о годах войны (1951). Там говорилось: «Сталин имел относительно промышленности США настолько же полную и подробную информацию, как и сведения, которыми располагало правительство США».)

Что значит в устах Квасникова — «дружеское отношение к нашей стране»? От историографа Барковского известно, как он, разведчик-инженер, в полной мере испытал эту «основу» воюющей Британии под бомбами и ракетами германского люфтваффе. Причем эту же основу, уже после Квасникова, в последующие годы он испытал дважды, поработав в Америке. А ведь сразу после войны в Америке была развернута истерия под лозунгом «охоты на ведьм».

Конечно, в годы войны «дружеские отношения» с американцами проявлялись повседневно, но почувствовал это, развил и закрепил в Штатах резидент Квасников. И потому поколению «гвардейцев Квасникова» есть чем гордиться. Потрясенный германским вандализмом мир в лице простых граждан и подданных перенес свои симпатии на Страну Советов. Это способствовало тому, что Москва была в курсе научных и технических достижений Англии и США, а после освобождения —

в Италии, Франции и Австрии.

Советские разведчики за рубежом в годы войны прекрасно чувствовали, что в Советском Союзе люди всей планеты видели единственную силу, которая реально сражалась с фашистской Германией, сорвала ее «блицкриг» в России, создала предпосылки к полному разгрому гитлеровского вермахта и уничтожению Третьего рейха с его нацистской идеологией. А началось все с Битвы за Москву, когда мир понял: фашистов можно побить! Но наряду с антифашистскими настроениями населения стран мира было видно и другое — западные неустойчивые союзники России медлили с открытием «второго фронта». Россия долгие годы вела борьбу на восточном фронте в одиночку И этот факт весьма наглядно убеждал антифашистов в реальной полезности их работы по передаче Советам информации оборонного значения под девизом: «Помочь русскому союзнику!» Так было в Америке и Англии, в Швеции, в освобожденных Италии и Франции. И те, кто работал в рядах «гвардейцев» по линии НТР, остро чувствовали разницу между «первым» — советско-германским фронтом и длительно ожидаемым «вторым» в Европе. Само отношение населения разных стран к героической борьбе Советского Союза вылилось в появление понятия (хотя и не зафиксированного) «третий фронт» в лице сознательных антифашистов. Они помогали России с агентурных позиций и по доброй воле как участники и свидетели мужественной борьбы русских. В этом неоспоримом факте также видится триумфальный успех руководителя НТР Квасникова и всех его «гвардейцев».

Справка. Когда говорят, что разведчики в резидентурах Нью-Йорка и Лондона работали «не по своей линии», то следует понимать, что разведзадания НТР доводились до сведения и тех источников, которые имели широкие потенциальные возможности по добыванию научно-технической информации. Именно такой подход провидца Квасникова нацелил в канун войны на инициативное отношение к добыванию информации по «атому».

Как, например, это случилось с членами «Кембриджской пятерки» — Дональдом Маклином и Джоном Кернкроссом. Талантливый агент Кернкросс в канун Курской битвы передал в Москву данные по новому германскому танку «тигр» с его главной отличительной характеристикой в мощной броне. С этими полученным сведениями — толщина брони, марка стали — ознакомили наших конструкторов артиллерийских систем. И немедленно был разработан новый, более мощный снаряд (За

указанные сведения и информацию о месте сосредоточения всех эскадрилий люфтваффе в районе Курской дуги весной 1943 года, когда было уничтожено более 500 самолетов, Кернкросс был награжден орденом Боевого Красного Знамени. — **Прим. авт.).**

Пространное изложение ситуации с линией НТР по обе стороны Атлантики имеет целью показать, как поток научно-технической информации формировался в руках талантливых разведчиков-энтээровцев под руководством идеолога линии Леонида Квасникова. Специфика работы с источниками такой информации требовала знаний. Более того, эти материалы — «разносортного характера» по науке и технике — предварительно обрабатывались на месте получения, и затем Анатолий Яцков, Александр Феклисов и сам Квасникоов (а в Лондоне — Барковский) направляли их в Центр.

Пример тому: в Штатах — сведения о новом реактивном самолете, в Англии — о новых типах самолетов, которые еще только готовились к производству. А это — характеристики, чертежи, описания, документация по технологии изготовления. И все эти документы требовали особого качества — комплектности, а это тысячи листов…

Не в этом ли заключается «положительный» парадокс с оценкой информационной отдачи разведки за все годы войны: 41 000 материалов с припиской — «без материалов НТР». И никаких обид — потому что один комплект документации, например, по заводу производства самолетов или добыванию урана из руды, либо строительство атомного реактора, уже может содержать сотни материалов с их тысячами страниц…

Годы работы в Центре, но особенно в бытность резидентом в Америке, позволили Леониду Квасникову до мельчайших подробностей выявить пути и способы предвидения специфики работы этого направления разведки, причем на последующие годы «холодной войны». В этом сказался личный и профессиональный подвиг разведчика-ученого.

И если в канун войны в группу НТР входило 3–4 сотрудника, то в годы войны — уже десятки сотрудников в рамках формального отделения. Сразу после войны силы НТР стали превалировать по количеству занятых сотрудников по сравнению с другими направлениями работы разведки — до сотни человек.

Леонид Квасников оставил в Штатах для нужд НТР хорошо «вспаханное разведывательное поле». На нем его коллега-единомышленник Владимир Барковский дважды работал в качестве резидента НТР и в качестве резидента госбезопасности. Естественно, вместе с «гвардейцами» идеолога, которые проявили себя в борьбе с запретами Запада и на равных с разведчиками

других линий получали, даже открытым путем, информацию о достижениях в области науки техники.

«Гвардейцы Квасникова» в тайной войне

Как уже говорилось, научно-техническую разведку в годы Великой Отечественной войны в штаб-квартире разведки госбезопасности и по обе стороны Атлантики в Англии и США «по-новому» организовал Леонид Романовичи Квасников.

Его усилиями материализовывались «судьбоносные задумки» в делах НТР по всем аспектам информационного военно-прикладного обеспечения в интересах вооружения Красной Армии. Более того — для обороноспособности Советского Союза в послевоенные годы. Это направление деятельности в то время зарождалось в специфических организационных формах, ранее не свойственных работе резидентур.

Как уже говорилось, в силу высокого научного и технического потенциала США и Англия создавали новые виды вооружения для сухопутных, авиационных и военно-морских сил, а в конце войны — еще и тех, которые стали прообразом ракетных войск.

Конечно, в то время в первую очередь речь шла о повседневной помощи воюющей армии. Круг решаемых задач НТР, исходивших от Инстанции — ГКО, правительства и НКО (Наркомата обороны), ограничивал работу Леонида Квасникова. Предвидение идеолога НТР расширило этот круг… «на перспективу», а это — реактивная авиация и ракетная техника, радиолокация и электроника для ее нужд.

Так называемый «дополнительный круг заданий» заранее был сформулирован для этих двух резидентур в Европе и за океаном. Почему так? В этих странах разведчики еще в довоенное время создали сеть ценных источников информации. В ее составе были доктора наук и квалифицированные инженеры в области авиации, военной электроники, химии, медицины… И что особенно важно, с выходом на атомную проблематику.

Вот какой перечень вопросов упреждающего информационного научно-технического характера подготовил Леонид Квасников для резидентур в Лондоне, Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско в начале войны:

♦ о радиолокаторах для армии и флота, в том числе портативных габаритов;

♦ о специальных и высотных самолетах, авиадвигателях и приборах к ним;

♦ о гидроакустических средствах обнаружения кораблей в море;

♦ о средствах ведения химической и бактериологической войн и системах защиты от них;

♦ о синтетических каучуках и продукции химии;

♦ о переработке нефти, производстве высокооктанового бензина и спецсмазках;

♦ об исследованиях по использованию урана в качестве нового источника энергии (конец 1941 года).

Крупномасштабные операции разведки госбезопасности по линии НТР, начатые в годы войны, оказались настолько судьбоносными для послевоенного периода, что были продолжены и расширены под руководством Леонида Квасникова в 50-60-е годы, а его единомышленниками — в 70-80-е.

К таким упреждающим и долгосрочным операциям относятся:

— «Энормоз» — вскрытие секретов производства атомного и ядерного оружия;

— «Воздух» — исследования и практические наработки в области высотных полетов авиации, повышенных скоростей, реактивных и ракетных двигателей;

— «Радуга» — производство электронных систем и радиолокационных устройств;

— «Зелье» — взрывчатые вещества повышенного бризантного действия;

— «Парфюмерия» — состав, наработки производства химбакоружия, способы и средства защиты от него.

Известно, что монополия американцев на атомной оружие прекратилась в 1949 году. Однако предпосылки к созданию отечественной атомной бомбы и атомной промышленности в Союзе были заложены в годы войны именно с учетом информации от лондонской и нью-йоркской резидентур. Потому неоднократно в оценках наших ученых и специалистов говорится о вкладе разведки в работу над отечественной атомной проблемой в высшей степени положительно: ***«информация соответствует переданному разведке заданию и полученные сведения имеют большое государственное значение». И*** таких оценок было множество!

В годы войны активизация НТР в Лондоне стала подвигом разведчика-атомщика Владимира Барковского, единомышленника Леонида Квасникова (в Лондоне работа велась по всему «набору» разведзаданий НТР), как и в Америке, но уже под непосредственным руководством самого Леонида Квасникова с позиции Центра (1948–1950, 1956–1963).

Кроме плодотворной работы в этих двух резидентурах, в годы войны развернулась работа на всех направлениях НТР в Швеции и Канаде, в Италии (1943), Франции (1944), Австрии (после войны).

Но даже в годы войны техническая информация военно-практического значения поступала из самой Германии от

агентурной группы «Красная капелла». От нее уже в декабре 1941 года пришли сведения с характеристиками нового истребителя «Мессершмитт», об авиаснаряде, который самостоятельно выискивал цель; о новых авиационных приборах и двигателях, работающих на перекиси водорода; о немецких фаустпатронах и других новинках вооружения германской армии.

Справка. В канун войны из Лондона в Москву ушла информация о размагничивании кораблей и обнаружении морских мин замедленного действия. В 1941–1942 годах в Центр поступили первые образцы радиолокационной техники, сведения о цветных металлах и сплавах, в частности для авиации; о магнитной защите судов от мин, о радиосвязи и приводных радиомаяках-указателях для бомбометания…

Леонид Квасников руководил работой резидентур за океаном, а его единомышленники в Москве курировали работу НТР в Швеции и Канаде, а затем — в Италии и Франции. Так из стокгольмской резидентуры была получена информация о планах Гитлера по подготовке к химической войне против СССР и Англии; данные по пушечному вооружению германского штурмовика «Хейнкель-109», о ходе разработки нового истребителя «Ме-109», а также — о строительстве нового завода в Германии для производства новинки — истребителя «Фокке-Вульф-190»…

По оценке Наркомата авиапрома (1944) в отношении только 125 отчетов по НИР, ценность и актуальность полученных из Англии и США материалов по реактивной технике и аэродинамике высотных и скоростных полетов содействовала ускорению решения задач с созданием отечественной авиационной техники (операция «Воздух»).

Располагая мощной базой по созданию и производству, а также опытом применения радиолокаторов, Запад не стремился помочь России в налаживании производства этой важнейшей для фронта техники. В этом вопросе НТР сказала свое слово: выдающимся достижением стала разведывательная информация, раскрывающая проблему РЛС, что помогло промышленности создавать отечественные системы, а значит расширять боевые возможности всем родам войск (операция «Радуга»).

О значении добытых сведений в результате работы по этой операции силами НТР свидетельствует отзыв председателя Совета по радиолокации академика Акселя Берга на информацию разведки (1200 листов текста, 5000 фотографий, 165 чертежей, 78 образцов): ***«…вполне соответствует переданному Вам***

заданию…, получение от Вас этих сведений имеет большое государственное значение. Работу Первого Управления НКГБ за истекший год следует признать выполненной блестяще» (1944).

А ведь еще была результативная работа НТР по операциям «Энормоз» (атом), «Зелье» (ВВ), «Парфюмерия» (ХБО)…

Против атомного шантажа США и Англии (1945). Прошли годы, прежде чем мысли первого послевоенного президента Америки Гарри Трумэна стали наполняться конкретным содержанием — готовилось ядерное нападение на своего бывшего союзника по антигитлеровской коалиции:

«Соединенные Штаты должны говорить языком силы… США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну… Война против СССР будет „тотальной“ и куда в более страшном смысле, чем любая прошедшая война».

Фактически сразу после окончания мировой войны власть в Штатах стала «корректировать» свои намерения против России. В документах тех лет назывался год, месяц и даже день — 1 января 1950 года. Но… наступил 1949 год — Советы взорвали собственную атомную бомбу!

Академик А. Иоффе отмечал, что полученные разведданные ***«на много месяцев сократили объем и облегчили выбор направлений, освобождали от длительных поисков».*** Леонида Квасникова и его «гвардейцы», занятые «атомными делами», не ведая в полном объеме о проекте «Уран», только много десятилетий позднее узнали, кто помогал им заложить основу появления отечественной атомной бомбы и атомной отрасли Союза.

Американцам скрыть работу над «манхэттенским проектом» от советской разведки не удалось. Четверка «атомных разведчиков» — Леонид Квасников, Анатолий Яцков, Александр Феклисов (в США) и Владимир Барковский (в Англии) проникли за «стену секретности», и широкий поток информации пересек и Ламанш и Атлантику, чтобы оказаться в руках советских ученых и специалистов. Правда, в среде разведчиков-атомщиков есть одно «но»: несправедливо забытый «разведчик от Бога» — Семен Маркович Семенов, известный в кругу коллег как «Великолепный Твен». Именно он, один из первых, вместе с Гайком Овакимяном, мостил дорогу к секретам атомной бомбы в Америке.

СЕМЕНОВ Семен Маркович (1911–1986). Сотрудник внешней разведки госбезопасности с 1934 года. Работал в

США по линии НТР (1934–1944) и во Франции (1946–1949). Среди его связей были ценные источники информации — ученые и специалисты в области химии, медицины, электроники, авиации, атомной энергетики. Разведчик-агентурист.

Только из Англии по заданию Леонида Квасникова было получено до момента взрыва первой отечественной атомной бомбы более 10 000 листов теоретического и прикладного характера.

На атомном направлении в Штатах активно работала агентурная группа «Кинга», которая имела источники информации по атомному оружию и производству необходимых материалов (60 000 листов). Группа сотрудничала с советской разведкой вплоть до 1952 года.

Прозорливость Леонида Квасникова сказалась в работе по операции «Энормоз» прежде всего в том, что удалось перестроить усилия «легальных» и нелегальных резидентур в Англии, США, Канаде, а затем — в Италии, Франции и Австрии. К работе замечательной «атомной четверки» в конце 40-х годов присоединился нелегал Рудольф Абель и супруги-разведчики-интернационалисты Морис и Леонтина Коэн, а готовил их для передачи на связь Абелю разведчик Юрий Сергеевич Соколов.

Атомное оружие в послевоенный период позволило советскому государству противостоять США в их стремлении к мировому господству с использованием «атомного шантажа».

Вот что имел в виду один из руководителей и ветеран разведки госбезопасности Вадим Алексеевич Кирпиченко:

«Во время войны мы получили такую информацию научно-технического и военно-технического характера по каналам разведки из США, Англии и внимательно следили за развитием немецкой техники. Сплавы для танковой брони, авиации, артиллерии и боеприпасы к ним, самолетостроение, радиолокация — все это нас интересовало. И вклад нашего научно-технического отдела и соответствующих подразделений военной разведки, конечно же, огромен».

В воспоминаниях начальника разведки госбезопасности Павла Михайловича Фитина (1939–1946), написанных к 50-летию внешней разведки, дается оценка эффективности ее научно-технического направления в годы войны: «***Большой заслугой внешней разведки в этот период, особенно резидентур Первого управления в США, Англии и Канады, явилось получение научно-технической информации в области атомной энергии, которая в значительной мере помогла ускорить решение***

вопроса по созданию атомной бомбы в Советском Союзе.

Мне часто приходилось встречаться с Игорем Васильевичем Курчатовым, который выражал большую признательность за получаемые от нашей разведки материалы по вопросам атомной энергетики. В послевоенные годы мне на протяжении почти пяти лет пришлось заниматься вопросами, связанными со специальным производством и пуском урановых заводов, и в этой связи вновь неоднократно встречаться с Игорем Васильевичем, талантливым ученым и замечательным человеком. В беседах он вновь подчеркивал, какую неоценимую услугу в решении атомной проблемы в СССР сыграли материалы, добытые советской разведкой.

Большое количество материалов добывалось также по вопросам самолетостроения, танкостроения, приборостроения и по другим вопросам науки и техники…»

Глава 2
Война в условиях мира

«…война в условиях мира — таково истинное определение роли разведывательной службы… Ей нельзя нанести удар разоружением».

Альдо Николаи, глава германской разведки в Первую мировую войну

«Мои предшественники по линии НТР проделали огромную работу и создали такую базу и такую кадровую основу, которые позволили нам решать задачи удивительного свойства…»

Владимир Крючков, глава разведки и госбезопасности, 2004

На заре появления Страны Советов остро стоял вопрос о ее защите силами зарождающейся Красной Армии (1918) и сопротивлении враждебному окружению и внутренней контрреволюции органов госбезопасности, созданных в тот же год.

Уже в годы Гражданской войны первые руководители страны прозорливо думали о путях выживания Красной России в ее новом, социалистическом качестве. И увязывали промышленную мощь страны с ее обороноспособностью.

В.И. Ленин обращал внимание на тот неоспоримый факт, что ***«…нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил нам, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания…».*** И.В. Сталин постарался воплотить это указание в жизнь, выдвинув спасительный для страны лозунг (а значит, как оказалось, для тысячелетней российской государственности) — «Догнать и перегнать передовую технику капиталистических стран!». И тогда в Советскую Россию стали импортировать целые заводы и создавать целые отрасли промышленности — страна должна была стать способной к

обороне.

Война закончилась — разведка воюет

Глава нашего государства Н.С. Хрущев, столь одиозный в тупиковых начинаниях, все же сформулировал и стал интенсивно внедрять в индустриальную жизнь страны три фундаментальных направления развития: решение проблемы получения атомной энергии, развертывание новой отрасли на основе электронно-вычислительной техники и решительные шаги по укреплению обороноспособности. Эта «триада» судьбоносных решений и ее реализация позволили Союзу стать передовой державой в вопросах создания ракетно-ядерного щита и выхода в космос.

И тем не менее, во второй половине шестидесятых годов предсовмина Алексей Косыгин, который прекрасно разбирался в вопросах экономики и ее производственной составляющей, констатировал в ЦК партии, Совмине и Верховном Совете о сложившемся и неоправданном разрыве между отечественными теоретическими исследованиями и конструкторскими разработками. Это, по его компетентному мнению, вело к серьезному отставанию страны в мировом научно-техническом прогрессе с его компьютерной составляющей.

Казалось бы, а где была в эти годы разведка? В чем состояла ее помощь в продвижении научно-технического прогресса в стране? Проблемы, над которыми работала возглавляемая Леонидом Квасниковым НТР, были заложены в качестве основных направлений развития науки и техники в Союзе на период пятидесятых и шестидесятых годов. Ими стали: зарубежные НИОКР, высокие передовые технологии и стратегия модернизации производственных процессов.

Однако сложилась парадоксальная ситуация, когда добываемая разведкой информация по жизненно важным для страны вопросам, фактически, бесследно исчезала в «частных» НИИ и, в силу секретности работы с ней, оставалась в архивах даже после использования ее в узкокорпоративных интересах. Причина? В стране не было центра по ознакомлению заинтересованных организаций — НИИ, конструкторских бюро и производственных предприятий — с новинками из-за рубежа, часто добываемыми с огромным трудом и риском. Причем — за «общие народные» деньги.

К середине шестидесятых годов идеолог НТР Леонид Квасников, в условиях грядущей и несправедливой его отставки от выстраданного им дела, поставил вопрос о доступности к «разведывательному богатству» тех научных и технических организаций, которые нуждались в добываемой информации.

Таким образом удалось взломать неоправданную «монополию» конкретных заказчиков, «хозяев» информации, скрытой от заинтересованных НИИ и производственников. И тогда регулярно, несколько раз в год, всесильная ВПК вынуждена была отчитываться, в том числе и перед разведкой госбезопасности, о внедрении информации, полученной по агентурным каналам. Естественно, со всеми мерами предосторожности.

Справка. Одним из конкретных примеров такой «гласности» стало получение авиационным НИИ комплектной документальной информации по передовой системе кондиционирования воздуха для авиалайнеров. Эта информация была затребована в момент конструирования и выхода на международные линии отечественного Ил-62: лайнер не мог пройти сертификацию из-за низкого качества этой системы в его конструкции. Информация пришла в НИИ в шестьдесят шестом году, и этот новейший авиалайнер стал регулярно пересекать Атлантику, выходя на авиалинии в Канаду и транзитом в США, и тысячи пассажиров из Союза и Европы оказались на ЭКСПО-67 в Монреале в год пятидесятилетия Советского Союза.

Но что радовало и идеолога НТР, и разведчика, добывшего этот материал, так это факт «разведывательной полезности» — актуальная информация оказалось востребованной и для НИИ по созданию атомных подводных лодок и орбитальных космических станций.

К моменту завершения работы Леонида Квасникова в качестве главы НТР (1938–1963), им была подготовлена развернутая структура в интересах совершенствования работы этого направления разведки. Его соратник и заместитель Владимир Барковский принял эстафету преобразований: НТР стала в системе разведки госбезопасности вначале Управлением, а затем — Управлением «Т».

Любопытная положительная оценка НТР на «ниве разведки» пришла, как ни странно, из-за рубежа. Там отмечали, что Советский Союз стал занимать «лидирующее положение по количеству похищенных на Западе и успешно внедряемых иностранных технологий». И все потому, что ***«Россия имела самую совершенную систему государственного промышленного шпионажа»*** (следует повториться: шпионаж — это когда выгода для делового мира, а разведка — это выгода для интересов страны — научно-техническая и финансовая!).

А «эта система» следовала принципам, заложенным в делах

разведки еще в 1925 году. Они вполне оправдали себя и в предвоенное время, в годы войны и после ее окончания при восстановлении порушенного войной народного хозяйства с одновременным укреплением оборонной мощи страны.

При этом в указанных вопросах использовались возможности всего «разведывательного сообщества» соцлагеря. По оценке ЦРУ, ряды «охотников» за западными технологиями якобы насчитывали примерно 20 тысяч граждан из Восточной Европы. Задел в области НТР идеолога Квасникова был столь значительным, что, согласно данным той же спецслужбы, в восьмидесятые годы «на нужды промышленного шпионажа Восточного блока ежегодно выделялось более 2,5 млрд долларов». Причем речь шла о приобретении секретной документальной информации и оборудования только из западных конструкторских бюро.

Всю эту обширную работу — и у нас, и у коллег из соцлагеря — координировала и проводила научно-техническая разведка нашей госбезопасности на хорошо спланированном уровне. То есть — ее руководителями, их коллегами и последователями, справедливо названными «гвардейцами Квасникова». Правда, это почетное звание стало фигурировать в среде ветеранов разведки лишь в конце прошлого столетия, в частности, в среде бывших сотрудников НТР Клуба «Титан»» в Ассоциации ветеранов внешней разведки.

Какой уровень компетентности должны были иметь руководители НТР, чтобы многоаспектно работать с «гвардейцами»? Обширность и глубина их знаний позволяла ориентировать разведчиков в работе с источниками на «разведывательном поле», когда каждое задание носило индивидуальный характер не только по своей сути, но и по способу его выполнения.

Леониду Романовичу и когорте его заместителей и помощников удалось создать уникальную гвардию энтээровцев, когда каждый из них в работе с источниками становился «многостаночником», ибо работал и по вопросам атома, и по электронике, и по космосу, и по химии, и т. д.

Справка. По данным западных спецслужб, НТР якобы имела отношение к оборонной промышленности, которая насчитывала около 10 тысяч предприятий и организаций — более семи миллионов рабочих и служащих, из которых около 900 тысяч имели доступ к 20 миллионам секретных документов. И потому якобы чужие технологии НТР «искала» в компаниях США (61 %), ФРГ (10 %), Франция (8 %),

Британия (7 %) и Япония (3 %).

Вероятно, были на Западе специалисты-профессионалы, которые сами оказались замешаны в промышленном шпионаже. Их мнение весьма значительно для оценки работы отечественной НТР. Так, один из руководителей французской контрразведки признавал: ***«Советский Союз… овладел целым рядом ключевых или потенциально ключевых элементов обороны свободного мира… Невозможно однозначно и точно оценить результаты, полученные Советским Союзом в области сбора научной, технической и технологической информации…»***

А это — до 400 тысяч секретных документов! И потому, несомненно, значительный успех научно-технической разведки мог быть осуществлен при активной поддержке ее работы со стороны правительственных органов и руководящих сотрудников разведки и госбезопасности в целом.

Таким руководителем стал в послевоенные годы замечательный организатор с опытом контрразведывательной работы в осажденном Ленинграде и за рубежом Александр Михайлович Сахаровский. И все, кто работали «во времена Сахаровского», тепло отзывались о его способности руководить сложным коллективом разведчиков.

Не будет преувеличением говорить о Сахаровском и Квасникове как о высокого уровня государственных деятелях во «время великих свершений разведки». Ибо это было время участия разведки в делах с атомом, и с кибернетикой, и с космосом…

САХАРОВСКИЙ Александр Михайлович **(1909–1988). Родом из Костромской губернии. Окончил вечерний комвуз при Военно-политической академии. В органах ГБ (1939–1975): в годы войны руководил контрразведывательной работой в блокадном Ленинграде — было подготовлено** 40 **разведывательно-диверсионных групп для заброски в тыл врага. В разведке госбезопасности (1956–1975): активизировал работу внешней контрразведки, научно-технического направления и нелегальной разведки. Организовал работу по агентурному проникновению в высшие эшелоны НАТО, информационное обеспечение правительства в кризисных ситуациях — на Ближнем Востоке (1956, 1967), Карибском (1962), чехословацком кризисе (1968). Награжден восемью орденами, почетный сотрудник госбезопасности.**

Конечно, успех «первой величины» в делах НТР принадлежит «атомной разведке». Однако речь может идти только о тех операциях, которые в силу разных обстоятельств упомянуты в воспоминаниях разведчиков или попали в руки журналистов, и не всегда факт их существования подтверждается службой. Эти операции своими корнями уходят в предвоенное, военное и послевоенное время, когда НТР руководил Леонид Квасников, а затем — его единомышленники. И тем не менее…

Атомное направление. О работе на этом поприще разведки сказано, казалось бы, уже достаточно, но «тема» все время влечет к себе уникальностью ее «обслуживания» разведкой.

Первая информация «об атоме» прошла через руки будущего историографа НТР Владимира Барковского, в Лондоне в годы войны. И все же в «атомном шпионаже» есть еще один «феномен». Историограф встретился с удивительным явлением в разведке: во-первых, разведчица работала с советской разведкой сорок лет и… не «засыпалась»; во-вторых, работала по атомной проблематике в «святая святых» британского ядерного центра; в-третьих, сама призналась в контактах с Советами и… не была преследуема в своей стране!

***Речь идет о Мелите Норвуд*. В 1967 году она привлекла к работе с разведкой гражданского служащего, который в течение четырнадцати лет передавал в Москву информацию научно-технического характера, причем по технологиям, на которые было наложено эмбарго для Советов. И не только по атомной проблематике.**

Начинала она работу с военными разведчиками в 1937 году, а с 1946 года — с разведкой госбезопасности. И все время занимала «щедрые для разведки» должности в Британской ассоциации по исследованию цветных металлов. Вот и все, но… Дело в том, что в рамках атомного проекта эта ассоциация проводила все исследования по свойствам урана и для своих нужд, и для американо-английского проекта «Манхэттен»; и еще — множество исследований для нужд авиации — скоростной и высотной, а затем для ракетостроения и космоса.

Авиакосмическое направление. Без всякого сомнения можно сказать, что удивление западных специалистов о стремительном выходе советской авиапромышленности в передовые при использовании «крылатого металла» — алюминия вполне обосновано. Победа в этом отношении ковалась, в том числе, усилиями разведчиков и их друзей-интернационалистов за

рубежом — в Штатах и Британии. И если следовать логике оценки британских специалистов вклада «бабушки-агентессы» Норвуд в атомные и авиационные дела Красной России, то она по праву может быть названа не просто агентом, а разведчицей.

За годы работы Леонида Квасникова проблематика ракетной техники обогатилась еще двумя составляющими и стала в развернутом виде выглядеть как авиа-ракетно-космическая триада. И потому суть заданий по этой «триаде» отвечает усилиям разведки во «времена Квасникова» и в последующие годы.

Три десятилетия агент «Эмиль» — инженер М. Рёч в ФРГ — сотрудничал с советской разведкой. В узком кругу сотрудников штаб-квартиры его называли «асом отечественной научно-технической разведки». От него шли чертежи и документальные сведения о западных технологиях, позволявшие соцстранам экономить миллиарды на исследованиях и активно двигать вперед собственные авиакосмические программы. От него получали сведения о работе западногерманских авиаконцернов «Хейнкель», «Юнкере», «Мессершмитт-Белков-Блюм», а затем и по исследовательским спутникам и солнечному зонду «Гелиос». Среди его информации — сведения о боевых самолетах будущего, рассчитанных на ввод в строй в 90-е годы. И все — об оснащении всех видов авиатехники, стоящей на вооружении ВВС НАТО.

Может возникнуть вопрос: но ведь Германия в космос ничего не запускала? Зато мощная индустрия ФРГ имела и мощную разведку — «промышленный шпионаж». Как, собственно, все развитые страны: Франция, Италия, Израиль, Япония… И потому союзники Америки по КОКОМ жили друг с другом по понятию: «на войне — как на войне». Тому примеры — судебные тяжбы корпораций с «союзниками по запретным санкциям» против Восточного блока. Эта особенность отношений «союзников» к своему «суверену по санкциям» явилась средой для привлечения «союзных» стран к работе с советской разведкой.

Когда разведка держит руку на пульсе разведывательных заданий, то иногда достигаются трудно оценимые результаты ее полезности. Разведчик НТР интуитивно должен чувствовать новизну или пути решения конкретной разведзадачи.

Справка. Нацеленный источник вышел на компанию, обладающую технологией производства… матрасов из пористого полимера с заранее заданными размерами. А наши авиаторы-вертолетчики страдали от возгорания бензобаков при обстреле. И заполнение бензобаков пористой «резиной» из полиуретана с определенного размера ячейками сводило

на нет поражение баков пулями и осколками.

Прошли годы и даже десятилетия. И автору, кроме официальной оценки, было весьма приятно, когда выступающий по телевидению генеральный конструктор наших военных вертолетов поблагодарил разведку за «пористый полимер». Он говорил: *«благодаря ему были спасены в Афганской войне сотни жизней летчиков и тысячи солдат…»* (2000-е годы).

А всего-то цена этой технологии обошлась разведке в 25 тысяч долларов.

(Прим, авт.: но этот же источник, выступая именно как «деловой человек» и не обладающий собственной информацией, доставил в Союз квадратный метр специального покрытия корпусов подводных лодок НАТО. Его применение нашими ВМС затруднило обнаружение кораблей подводного флота противолодочными локаторами противника.)

Справка. *История с «воспоминанием о будущем».* Известен случай, когда далекий от разведываемой проблемы источник инициативно обратил внимание на испытание оружия будущего. Речь идет о ценном агенте в гестапо «Брайтенбахе» — Вилли Лемане (1929–1942).

В конце 1935 года Леман присутствовал на проводимых инженером-конструктором фон Брауном испытаниях ракетной техники. Разведчик Зарубин переправил подробный отчет агента в Центр. Информация поступила на высший уровень — к Сталину, Ворошилову, Тухачевскому и в РУ ГШ РККА. Перед агентом были поставлены вопросы, требующие уточнения, и на ряд из них он сумел найти ответы. Ведь должность агента в гестапо была весьма «всепроникающей»: ответственный по всей стране за контрразведывательное обеспечение оборонной промышленности нацистской Германии.

Авиакосмическая тематика в работе НТР занимала особое место как наиболее интересующая советскую сторону и наиболее секретная область науки и техники на Западе. НТР могла проводить масштабные скрытые акции по вовлечению ряда специализированных зарубежных компаний в создание уникального оборудования. Не менее важны были операции с доставкой в Союз каких-то граммов необходимого вещества или образцов менее одного килограмма, но без которых космическая аппаратура могла превратиться в кусок обычного металла… Речь

идет о конкретной помощи разведки в решении разведзадач в рамках космической программы. Это — аппаратура для военных целей, жизнеобеспечения космонавтов, имитация условий космоса на Земле. Причем география работы по странам была довольной обширной и распределялась следующим образом: Австрия, Англия, Канада, США, ФРГ, Швеция, Швейцария, Япония…

Естественно, на многих документах, связанных с выполнением таких заданий, стояли резолюции Леонида Квасникова и его главного единомышленника Владимира Барковского — более «скромные» руководителя НТР и более развернутые из-под пера его заместителя.

Через годы ветераны НТР, встречаясь в стенах Ассоциации, с удовлетворением воспринимают сравнение работы родного направления разведки с «троянским конем», который смог на многие годы подключиться к «трубе промышленного шпионажа» в ведущих в индустриальном развитии капстран. В те годы речь шла о Японии, Франции, ФРГ, Израиле…

Удовлетворены были «гвардейцы Квасникова» ставшей известной оценкой успехов советской НТР в устах шефа французской разведки Мариона: ***«в промышленно-индустриальном шпионаже у КГБ равных нет».***

Когда речь идет о двух Героях России, то их труд на «ниве НТР» особенно уникально и ярко проявляется в 50-60-е годы, причем как «союз Квасников-Барковский». Всего семь лет в 60-е годы после идеолога НТР одним из эффективных ее руководителей (не де-юре, а де-факто!) был Владимир Барковский. Он стал достойным преемником Леонида Квасникова в использовании и совершенствовании уникальной «системы НТР», в выстраивании и внедрении в практику опыта поколения разведчиков. Того самого поколения, которое создало предпосылки к активному формированию деяний НТР в 70-80-е годы на разведывательном поле холодной войны.

В стенах краснознаменного института — «кузнице кадров разведки» — появился факультет НТР. Это было завещание идеолога НТР — уникальный факультет под началом «гвардейца Квасникова» Анатолия Якова. Этот действенный «инструмент» разведки готовил кадры для работы на тайном фронте холодной войны, в первую очередь в интересах укрепления обороноспособности Отечества. Его появление, связанное с серьезными материальными затратами, и переориентирование части специальных учебных дисциплин в интересах НТР следует рассматривать как факт признания ее заслуг — разведчиков, агентов, операций в укреплении обороноспособности и народного

хозяйства страны.

Трудное время реорганизации

В начале пятидесятых годов отток кадров из разведки, тогда еще Комитета информации, нарастал. Уволен был без пенсии замечательный разведчик-агентурист, тот самый «Великолепный Твен», зачинатель сети «атомных агентов». Ушел в контрразведку Анатолий Горский, резидент в Лондоне, первым открывший «атомную разведку» госбезопасности. Исчез за Уралом Павел Фитин, начальник разведки все годы войны и стойкий приверженец НТР, несправедливо «задвинутый» на областную работу.

Весьма характерно, но в Высшую разведывательную школу (она стала таковой после ШОН и РАШ в 1948 году) приходили яркие личности — то ли их направляли туда сознательно, чтобы сохранить в кадрах разведки, то ли они шли туда сами, чтобы оставаться в рядах своих коллег в то нестабильное время.

Среди приходящих «преподавателей из Центра» — такие известные разведчики, как идеолог и организатор НТР Леонид Квасников, нелегал с довоенным стажем и руководитель нелегальной разведки в послевоенной время Александр Коротков, руководящий работник разведки Алексей Крохин, работавший в тылу врага германист Вадим Кучин, крупный организатор работы разведки на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии Андрей Отрощенко, а также предотвративший вступление в войну на стороне Германии болгар Дмитрий Федичкин и его коллега по Дальнему Востоку, раздобывший «меморандум Танака», — Иван Чичаев.

В Школе оказался и один из самых стойких «гвардейцев Квасникова» — Владимир Барковский. В это тревожное время шел он туда с охотой, ибо уже успешно преподавал ранее в РАШ.

В Москве, в штаб-квартире госбезопасности, шла «странная реорганизация» разведки, которую «приписывали» к тому или иному ведомству. Случилось так, что ее вообще вывели из органов госбезопасности и стремительно перемещали из МВД в МИД, затем она стала называться Комитетом информации при СМ СССР, потом снова — в МВД. И лишь с созданием КГБ при СМ СССР (1954), наконец, она приобрела покой и конкретное место — разведка стала Первым Главным управлением, а в ее стенах — 10-й отдел с функцией научно-технической разведки. Так небольшая предвоенная группа НТР (1938) выросла за годы войны в отделение, затем — в отдел (а с 1963 года — в управление). Это означало, что руководимый идеологом НТР отдел оправдал себя в интересах обороноспособности страны и ее порушенного войной

народного хозяйства.

Народная мудрость гласит, что два переезда равнозначны одному пожару. С разведкой произошло почти то же самое, причем главным здесь стал значительный отток кадров с опытом предвоенной, военной и послевоенной работы.

Среди несправедливостей, допущенных властью по отношению к разведчикам, следует отнести «чистку» в разведывательных органах от офицеров-евреев (1946–1947), когда службу вынуждены был покинуть многие талантливые и ни в чем не запятнавшие себя профессионалы. Затем, уже в «хрущевские времена», после процесса над Лаврентием Берией, — еще и «чистка» от его явных и мнимых сообщников.

Потери в кадровом составе НТР были значительны, и отдел существенно сократился, но основные направления работы все же сохранил. А это операции Энормоз», «Воздух», «Радуга», «Зелье», «Парфюмерия». Здесь главная заслуга, как исторически важный государственный факт, остается за идеологом и организатором работы НТР еще с довоенного времени — Леонидом Романовичем Квасниковым. Именно он спас НТР от неминуемого «кадрового голода». Он смог убедить верхи госбезопасности и выше в том, что неминуемо грядет время серьезного противостояния между Западом и Востоком с его «экономической войной» против развивающегося соцлагеря. Поэтому для обороноспособности страны и помощи в развитии народного хозяйства на всех уровнях правительству необходимо только наращивать объем работы этого весьма специфического подразделения разведки госбезопасности.

Справка. После испытания советской атомной бомбы в 1949 году большая группа ее создателей была отмечена государственными наградами. В списке награжденных было представлено шесть разведчиков, работавших за рубежом по линии научно-технической разведки. Квасникову вручили Орден Ленина. Однако…

Квасников вспоминал, что когда он после войны стал начальником НТР, ему в первые годы пришлось тратить много сил и энергии, чтобы отбиваться от некомпетентных указаний Лаврентия Берии. Нарком, например, потребовал от него представить полные списки агентуры по линии НТР с указанием имен и адресов. Но ведь это категорически запрещалось законами разведки. И Леонид Романович всячески саботировал выполнение этого нелепого указания, словно не понимая, о чем идет речь. В ответ злопамятный Берия приказал сократить аппарат НТР наполовину, а затем

эту половину сократил еще вдвое. Отстраненные Берией сотрудники, однако, получали зарплату по отдельному списку, а не в кассе. В результате к тому времени, когда Берия был сам отлучен от власти, Квасникову удалось сохранить семьдесят процентов сотрудников НТР. Как говорил Квасников, он отдавал себе отчет в том, что *«разогнать кадры НТР\ состоявшие из высококлассных специалистов, дело нехитрое, однако на восстановление ее разведывательного потенциала потребуются многие годы и значительные средства…»*.

И хотя вся настоящая рукопись посвящена замечательной личности Леонида Романовича Квасникова, следует еще раз, в обобщенном и очень сжатом изложении, отдать должное этому неординарному сотруднику органов госбезопасности — разведчику-ученому.

КВАСНИКОВ Леонид Романович **(1905–1993). Родом из-под Тулы. Студент в разведке ГБ (1938–1966): идеолог и стратег научно-технического направления. Выезжал в Германию и Польшу, руководил работой линии НТР в США (1943–1945). Бессменный начальник НТР (1948–1963): инициатор и организатор добывания сведений о работах Англии и США над ядерным оружием и по кибернетике. Организатор потока документальной информации по авиации и ракетной технике, радиолокации и электронике, ВВ и ХБО. Награжден шестью орденами. Заслуженный работник НКВД и почетный сотрудник госбезопасности. Герой России (1996).**

Общаясь с ветеранами «гвардии Квасникова», автору не раз приходилось слышать от них добрые слова в адрес идеолога НТР, который, несмотря на бериевскую угрозу «быть стертым в лагерную пыль», отстаивал интересы своей специфической службы, опираясь на аргументы в пользу ее эффективной, упреждающей деятельности и на значимость добываемой ею информации.

Ну не парадоксален ли такой факт? Когда ГКО принял решение о начале серьезной работы над созданием отечественной атомной бомбы не без согласия Лаврентия Берии, руководитель НТР Леонид Квасников был назначен основным (и единственным) куратором по линии разведки госбезопасности с Игорем Курчатовым, главой операции «Уран». Вручение Леониду Квасникову правительственных наград во время и после войны, несомненно, было согласовано с всесильным наркомом и

министром. И среди них — Орден Ленина! Такие были времена — такие были нравы…

Слово об НТР начала шестидесятых годов. Знакомство автора с организатором и вдохновителем работы научно-технической разведки произошло летом пятьдесят девятого года. Тогда автора вызвали в кадры Особого отдела Северного флота и приказали срочно выехать в Москву. Здесь, на Дзержинской площади, в монументальном здании госбезопасности автора и троих его коллег по военной контрразведке на флоте приняли в отделе НТР внешней разведки.

С нами, правда, поодиночке, начинал беседу глава НТР Леонид Романович Квасников. Он коротко упомянул о том, что и он и автор имели один ВУС в военкомате: «Мы оба боеприпасчики, и занимался я до прихода в разведку взрывчатыми веществами и их снаряжением снарядов…» Фактически на этом первое знакомство и завершилось. Леонид Романович кому-то позвонил и сказал, что к нему зайдет «будущий наш коллега с Северного флота».

Талантливый разведчик и в то время заместитель главы НТР Валентин Васильевич Рябов побеседовал с автором и, посоветовав «забыть о военной форме и ходить только в штатском», пожелал успеха в будущей учебе в спецшколе разведки. Правда, о самой разведке было сказано всего несколько слов.

Сдав дела в Особом отделе и отгуляв отпуск, в августе, в группе слушателей, автор прибыл к месту учебы в Подмосковье. Это была Высшая разведывательная школа — единственное в своем роде учебное заведение. Там были сделаны первые шаги по ознакомлению с «азами разведтехнологий», была начата подготовка к работе в Англии. Правда, автор еще не знал, что руководство НТР изменит направление подготовки и сориентирует его на Израиль. Однако все это было потом, когда автор был принят в коллектив сотрудников НТР и в начале шестьдесят третьего года выехал на работу… в Японию. Странно? Вовсе нет — это также специфика кадров НТР: ездить по свету…

С момента организации КГБ здание на Дзержинской площади через шесть лет занимало несколько управлений госбезопасности: первое — разведка, второе — контрразведка, третье — военная контрразведка и так далее. Один из этажей оставался за пограничниками. В соседнем здании размещались хозяйственные и вспомогательные службы, партийный и профсоюзный комитеты и отличная библиотека, заполненная в значительной степени, как говорили, книгами, конфискованными при арестах.

Здания носили названия «дом один» и «дом два». Разведка занимала основную часть «дома один». Подъезд для сотрудников

НТР был пятым или шестым со стороны улицы Кирова. Правда, войти можно было через любой другой, но это более длинный путь — здание занимало целый квартал. Переходы из корпуса в корпус, принадлежащий разведке, контролировались службой внутренней охраны. Широкие коридоры, крепкие, добротно сработанные двери кабинетов, винтообразные лестницы и просторные лифты, в чем-то таинственный двор: там можно было увидеть знаменитые «воронки» — крытые автомобили для перевоза арестованных и заключенных, вооруженную автоматами охрану.

Отдел НТР занимал около семидесяти комнат, начиная с номера 800. Разведывательные задания идеолог НТР получал в виде документов из аппарата ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В них говорилось о необходимости добывать секретную информацию о тенденциях развития, новых достижениях науки и техники, технологиях производства на Западе — все для оборонных целей.

Вот как один из молодых сотрудников описывает положение НТР в системе госбезопасности: ***«…возглавлял НТР Леонид Романович Квасников, организатор активного противодействия запретным санкциям Запада на доступ нашей страны к передовым технологиям. Во главе запрещающих государств стояли США, подчинившие своим интересам Англию и Францию, ФРГ и страны Бенилюкс, Италию и даже Японию.***

Нужно было «взломать» преграды КОКОМ — комиссии по контролю, так как мир становился все более безумным в гонке вооружений — ядерных, химических, бактериологических…»

Стратегия советской науки и техники была в поле зрения Квасникова. НТР набирала силу, уже доказав стране свою значимость в деле создания отечественной атомной бомбы. Именно разведка, вместе с военными учеными, нашла аргументы для развенчания определения кибернетики как «гулящей девки империализма» по трактовке марксистов-догматиков. В момент отрезвления от идеологического угара разведка преподнесла нашим полуподпольщикам-кибернетикам воистину драгоценный подарок.

В начале шестидесятых годов НТР была представлена в шести ипостасях, осмысленных и выстраданных Леонидом Квасниковым до, во время и после войны. Ими стали направления (группы) по проникновению в секреты Запада: ядерное, авиакосмическое, электронное, химическое, медицинское и так называемая «разная техника».

И еще одна группа, информационная, — для разработки

разведзаданий и реализации добытых материалов в организациях и ведомствах, выступавших под именем «заказчик». Главным из них была могущественная Военно-промышленная комиссия. Она анализировала интересы НИИ и заводов военных отраслей промышленности, тщательно сортировала заказы и, выделив деньги в иностранной валюте, спускала разведывательное задание главе НТР.

Коллеги из других подразделений разведки называли сотрудников НТР «иксами». Откуда появилось название «Х» в нумерации секретной переписки между Центром и резидентурами? Об этом ходили разные версии. Якобы «Х» выбрал сам Квасников, исходя из Х-лучей Рентгена. Образно говоря, разведчики «просвечивали» чужую информацию. Но, возможно, это и дань плодотворной работе Квасникова в области химии. Ведь он пришел в разведку во второй половине тридцатых годов, оставив блестящую карьеру ученого-химика.

Как строилась работа в группах, структурно построенных стратегом НТР? Например, группа «химия» занимала семь кабинетов — 843–849. Здесь работали сотрудники-кураторы по всем развитым странам мира. Деление было условное — по языковому принципу. Условно англоязычные — США, Англия, Япония; франкоязычные — Франция, Бельгия и другие; «немцы» — ФРГ, Австрия, Швейцария и примыкающие к ним скандинавские страны. На США «сидел» отдельный сотрудник; он же занимался сопредельными Канадой и Мексикой. В сейфах «химических» кабинетов хранились личные дела разведчиков, работавших за рубежом. Так в Израиле и США работали Герои Советского Союза, участники войны. А в Англии — в основном сотрудники, которые впервые выехали за рубеж.

Задания, по которым работали разведчики группы «химия», касались передовых технологий по переработке нефти, нефтехимии и химии и продукции на их основе. В то время наши НИИ и заводы нуждались в сведениях по изготовлению специальных смазочных материалов и пластмасс, термостойких синтетических каучуков, а из ярко выраженных технологий для «оборонки» — твердых ракетных топливах (ТРТ), отравляющих веществах и образцах химико-бактериологического оружия. Бывали и парадоксальные задания: например, по ТРТ с такого высокого импульса горения, которое никто еще не производил. Это была лишь «задумка» в НИИ для нужд ракет.

Как глава НТР распределял разведывательные усилия группы «химия» по странам? В Канаде представитель НТР был в единственном числе. Он тщетно бился над получением сведений о характере работ исследовательских центров Министерства

национальной обороны страны. Особенно нас интересовали направление и объем работ по контрактам со странами НАТО, в первую очередь с США и Англией. В поле его интереса находился Саффильдский НИИ, занятый химбакоружием.

Из Мексики поступала обширная информация из нефтяной области, из Англии — по спецматериалам: пластмассам, смазкам, покрытиям и каучукам для нужд авиации. Информация из Франции и Израиля шла, главным образом, по твердым ракетным топливам, используемым в Америке. Парижская резидентура сообщала об исследованиях во французских центрах ракетостроения.

Но это было «кое-что», а вот основные материалы, идущие из Франции, принадлежали американским фирмам. Причем не только по контрактам с Пентагоном — и группа «химия», и стратег НТР понимали, что французы ведут «промышленный шпионаж» против своего партнера по НАТО. Французы добывали эти материалы для себя, а наш источник из аэрокосмического исследовательского центра Франции передавал их копии советской разведке. То же самое происходило с разведывательными возможностями нашего источника в Израиле.

Позднее такой прием с перехватом информации стали именовать **«подключением к трубе промышленного шпионажа».** Эффективность этого способа разведработы становилась формой задания от нас к третьей стране, нацеленной на страну главного противника.

Глава НТР Леонид Квасников имел привычку беседовать с теми, кто непосредственно занимался оперативными делами разведчиков, ведущих агентурную работу за рубежом.

Вот как вспоминает автор об одной из таких встреч: «… **вызов к нему меня не насторожил. В назначенное время я был у кабинета 802, откуда направлялась и материализовывалась работа НТР.**

Кабинет был в меру просторен и удобен для работы: широкие окна, большой дубовый стол еще дореволюционной отделки с набором канцелярских инструментов на нем. Вдоль стены — просторный книжный шкаф с резными филенками, в основном со справочной литературой. На стенах таблицы и графики со значками, понятными не многим. Он вошел с доброжелательной улыбкой и спросил, как я обживаюсь на новом месте?

Это был мой первый вызов к руководителю, и я, весь подтянувшись, коротко изложил свои впечатления. Глаза Квасникова светились живым интересом к собеседнику. Зная о его нетерпеливой конкретности в беседах, я приготовился

отвечать на вопросы коротко и четко.

Невысокая крепкая фигура прохаживающегося по кабинету временами вспыхивала от солнечного света, обильно льющегося в окна восьмого этажа.

Я был весь внимание. Но ни волнения, ни тревоги от общения с руководителем не испытывал — атмосфера в кабинете была более чем доверительной. И создал ее за считанные минуты человек номер один в НТР.

— Химическому направлению НТР вменяется обслуживать все, что летает, плавает и бегает по земле. Речь идет не только о наполнении ядерным веществом ракет и снарядов, но и о высококачественных материалах, без которых военная техника не полетит и не поплывет. Сейчас это специальные пластмассы и каучуки, смазки и покрытия, работающие в условия высоких и низких температур и агрессивных сред. И еще — химическое оружие, технология производства твердых ракетных топлив…

Квасников внушал мне, казалось бы, общеизвестные истины, но это говорил идеолог НТР, и потому его слова западали мне в душу на многие годы.

Таким Квасникова я больше не видел. Прошло еще несколько мгновений, и под тяжестью забот Квасников угас, его раскованность исчезла, вероятно, уступив место голому рационализму. Передо мной вновь был мой руководитель — „застегнутый на все пуговицы".

— А пока, до отъезда в Израиль, удели внимание „крыше“ — готовь легенду твоей работы за рубежом.

Так я первые услышал, что мне предстоит работа в Израиле.

— Готовься тщательно. Главное направление — химия. Побольше читай литературу о разведке, и не только о советской. Кстати, ты читал перевод книги американского разведчика Фараго?

— Да, конечно. В разведшколе нас такой литературой не баловали. Я изучил книгу тщательно. Разведка чужая, а вот мысли в его воспоминаниях интересные…

— И что больше всего обратило на себя внимание? Ну, например, в его оценке русской разведки, нашего разведчика?

Книгу я действительно штудировал основательно, делая выписки. Она хранилась в спецбиблиотеке под грифом „ДСП“ — для служебного пользования. Это было издание „Академкниги“, но для узкого круга лиц: партийной элиты, госбезопасности, МИДа. Идеологические шоры не допускали

простого советского смертного до литературы о чужой разведке, тем более что супершпион из США был венгерского происхождения.

Выступая ярым антикоммунистом на страницах своей книги в пятидесятых годах, лет через двадцать Фараго стал бывать в СССР в числе делегатов от американской организации в защиту мира от угрозы атомной войны.

— Фараго отзывается о наших разведчиках, как настроенных на командное руководство, говорит как о догматиках: „Они быстрее прекратят выполнение разведывательного задания, чем нарушат инструкцию Центра…"

— Верно, верно. А если серьезный риск в архиважном для страны деле?

Так и не ответив на заданный, казалось, сам себе вопрос, Квасников дал краткие указания по оперативному делу, ради которого он вызвал меня к себе. А может быть, этот вызов был только предлогом для знакомства с новым сотрудником?

— Ищи нетрадиционные решения, — напутствовал он меня. — Говорят, Бог создал Землю за шесть дней. Думаю, это неверно: Он сотворил ее за один день, а пять дней думал, какой ей быть! Если придут в голову интересные мысли, приходи за советом. Если я еще буду во главе НТР… Думай и приходи…

Может быть, он предчувствовал, что через год с небольшим судьба уготовит ему удел быть отлученным от любимого его детища — НТР, которой он отдал всю жизнь, позволяя себе спорить даже с самим Берией. Это будет в высшей степени несправедливо и для Квасникова, и для дела разведки.

Идеолог и стратег научно-технической разведки Квасников создал новую и весьма совершенную структуру по „взлому" строгого эмбарго на передовую науку и технику Запада. Еще до шестидесяти лет, полный сил и глубоко уважаемый в среде профессионалов, Квасников станет вначале консультантом при начальнике разведки, а затем будет отправлен в запас, на пенсию.

Обо всем этом я узнал, работая вдали от Москвы, в Стране восходящего солнца. Но еще не один год будут идти в НТР письма и шифротелеграммы из резидентур со всех континентов на имя Леонида Романовича Квасникова, который в секретной переписке выступал под псевдонимом „Романов"…»

Под впечатлением этой беседы с разведчиком-ученым автор

находился всю последующую оперативную жизнь. Это была «путеводная звезда» при работе в десятке стран, в рискованных ситуациях, когда личное отодвигалось на второй план, а преобладало стремление выполнить долг чекиста-разведчика.

Автор, возвращаясь многократно к особенностям беседы патриарха НТР с «зеленым» разведчиком, заложенные в него мысли впервые предал гласности в «Записках чернорабочего разведки», изданных в последний год двадцатого столетия.

Леонид Романович Квасников, как разведчик-ученый, идеолог и стратег НТР, едва ли не сознательно следовал обращению к Человечеству американского писателя-гуманиста Джека Лондона: «Довольствоваться существующим порядком вещей — это проклятие!» Де-факто его «навязчивой идеей» стало безграничное стремление к совершенствованию всех многоаспектных сторон работы НТР. Потому произошло «упорядочение» процедур в цепочке «задание — разведчик — источник — заказчик», как условие высокой оценки работы разведслужбы в целом, и к определению качества информации, поступавшей от НТР, — секретной, документальной, актуальной, добавлялась расшифровка понятия **«полная» — «комплектная».**

Леонид Романович пришел в разведку, и сразу — в НТР. И его усилиями был создан надежный агентурный аппарат, в первую очередь, в США и Англии для добывания информации с «легальных» и нелегальных позиций. А с точки зрения проблематики, причем на перспективу, — работа по тематическим операциям: «Энормоз» (атом), «Воздух» (авиаракетная техника). «Радуга» (радиолокация и электроника), «Зелье» (ВВ, пороха, химия), «Парфюмерия» (химбакоружие).

Глава НТР в своих исканиях опирался на факт правительственной оценки усилий НТР еще в 1937 году — **«жизненное звено внешней разведки»,** соответствие ее деятельности **«государственной концепции развития страны»** и что полученная ею информация **«в целом отвечает потребностям оборонных и народно-хозяйственных отраслей промышленности страны».**

Операции НТР: от войны к миру

Могла ли научно-техническая разведка расслабиться после окончания Второй мировой войны? Особенно когда еще в последний год войны и сразу после разгрома Третьего рейха в американских верхах власти — Белом домке, Капитолии, Пентагоне, — в штаб-квартирах политиков и военных один за другим стали появляться тщательно разработанные агрессивные планы разгрома ослабевшей в войне Советской России. Нашей стороне их следовало воспринимать как очередную попытку ликвидации российской государственности как таковой.

Директивы Пентагона множились, и, наконец, появился план «Троян» с назначенным началом интервенции в Советский Союз. Наша разведка имела доступ ко всем этапам секретных приготовлений Америки вкупе с Британией к войне против России. Циничные расчеты показывали, что удары будут нанесены по 20 русским городам. И каждый план увеличивал и число городов-целей, и количество атомных бомб — от 200 до 300.

Подсчитывалось, на сколько процентов будет разрушена советская промышленность, сколько миллионов человек погибнет после первого, второго, третьего ударов… Как видно было из плана «Троян», назначался год, месяц, день — 1 января 1950 года.

Пять лет после победного Сорок Пятого корректировались планы атомной войны, но… наступило 29 августа 1949 года, и «русская атомная бомба вызвала шок» у тех, кто планировал по-своему распорядиться территорией и населением Страны Советов.

Начав еще в годы войны, советское руководство продолжало уделять первостепенное значение укреплению военно-экономической мощи страны. Серьезная роль в этом процессе отводилась разведке госбезопасности и ее научно-техническому направлению.

Пять операций НТР по проникновению в военные секреты США и Англии (да и других стран) стали конкретным успехом идеолога и стратега этого направления разведки — Леонида Квасникова. Это в полной мере говорит о том, что его организаторские способности — знать, предвидеть и упреждать — материализовались в конкретный вклад НТР в достижение победы на советско-германском фронте и помогли правительству и военному командованию страны укрепить свои позиции на международной арене.

Пять операций… Они получили логическое продолжение в послевоенное время в интересах развертывания в стране военной промышленности, укрепления мощи отечественных вооруженных

сил и восстановления порушенного войной народного хозяйства. Случилось это на фоне мирового научно-технического прогресса и военно-технического бума, из которого Советский Союз Запад пытался исключить, объявив Восточному блоку «экономическую войну».

В 1946 году в «гвардию Квасникова», в среду сотрудников в штаб-квартире НТР, пришел весьма зрелый разведчик и реальный специалист по этой линии. В воюющей Англии с позиции лондонской резидентуры с подачи Владимира Барковского в Москву поступала обширная информация по всей обширной тематике «пяти операций» (1941–1946), сформулированной разведчиком-ученым Квасниковым.

Там, на Британских островах, сформировалась своеобразная цепочка круга решаемых разведкой задач: «авиация — радиолокация — ВВ — ХБО — атом». Причем операция «Энормоз» (атом) выросла до приоритетной задачи НТР, а после войны — всей разведки, госбезопасности и военной.

Потому и двух лет не прошло, как глава отделения НТР разведки стал готовить Барковского (с фактическим опытом «атомного разведчика») к выезду в США — страну научно-технических достижений военного и послевоенного периода. А с точки зрения разведки — в центр основных объектов НТР «главного противника». Естественно, глава НТР оговорил со своим единомышленником первостепенные информационные и оперативные задачи, среди них — работа с источниками по атомной проблематике и создание новых агентурных позиций по этому направлению.

Итак, начатая работа разведчиков в Штатах по линии НТР в довоенную пору (тогда еще не сформировавшуюся в самостоятельную) усилиями Квасникова широко развернулась в военное лихолетье. Правда, теперь эта агентурная сеть в системе приоритетных задач выглядела так: «атом-авиация и ракетостроение-электроника».

До войны среди разведчиков на этом направлении разведки в Штатах отличились Гайк Овакимян, до и во время — Семен Семенов, в годы войны — Анатолий Яцков и Александр Феклисов. Последние два были выпускниками первого набора слушателей в ШОН — Школы особого назначения (1939), причем в ранге «разведчиков общего профиля». Однако в Америку они были направлены для работы по линии НТР, и потому диапазон круга их разведывательных вопросов с приездом в Нью-Йорк Леонида Квасникова стал охватывать всю палитру пятерки технических проблем. Случилось так, что эти «необстрелянные» рядовые работники за столь короткое, но емкое время войны выросли до

Героев России. Правда, только через десятилетия, и только один из них, Феклисов, дожил до этого торжественного момента.

Что за разведчики работали в Штатах по линии НТР до и во «время Квасникова», характеризуется еще одним несостоявшимся по формальному признаку Героем — седьмым. Его дела не менее значимы для страны, но были незаслуженно забыты. Семена Марковича Семенова называли «разведчиком-агенту-ристом от Бога». И он, еще при оперативной жизни, от коллег получил почетное прозвище «Великолепный Твен». Его усилия были отмечены правительством в годы войны — орденами Красной Звезды (1944 — США) и Трудового Красного Знамени (1949 — Франция). Это его наследие в делах НТР получил в Америке Квасников, и во время первого и второго «визита» за океан Владимир Барковский.

Судьба этого разведчика в оперативно-информационных делах весьма необычна. В середине 30-х годов он был студентом одного из престижных технических вузов Штатов. К моменту руководства линией НТР в США разведчиком-ученым Квасниковым (январь 1943 — декабрь 1945) Семенов буквально оброс полезными связями и имел сеть агентов, среди которых — более десяти с информационными возможностями по авиации, электронике, а главное — по атому

По другим темам и он, и другие — с ярко «сиюминутной фронтовой окраской»: американский прицел бомбометания, новейший гироскоп и приборы обнаружения самолетов в тумане с помощью инфракрасных лучей; технологии производства новых ВВ, синтетического бензина и каучука, процессы крекинга нефти…

В пятидесятых годах на столах руководителей разведки и самой госбезопасности появилась, как говорили, «историческая справка» по линии НТР, аналитическая по сути и обширная по объему. Готовили ее «гвардейцы Квасникова», и она обобщала особенности организации и оперативной деятельности по всему кругу специфических разведывательных задач этого направления деятельности. Из справки было видно, что с «атомной разведкой», казалось бы, все ясно — работоспособная агентурная сеть, конкретные задачи, перспектива контролируемого потока информации. А вот авиаракетная проблематика, как акцентировалось в справке, требовала к себе более пристального внимания.

Из справки было видно: НТР тревожно и решительно настаивала на том, что разведывательная авиаракетная проблема по значимости выходит на уровень атомной. Почему так? Теперь на очереди стоял не просто факт наличия в обороне страны

атомной и ядерной бомбы, но и проблема средства доставки их к цели. А это — авиация и ракеты. Это уже потом аргументированно пойдет речь о симбиозе в создании «ракетно-ядерного щита сухопутного и морского базирования».

И в этом тревожном для обороны страны деле разведчик-ученый Квасников оказался провидцем. Несколько слов о проблемах НТР во «времена Квасникова» и после него.

Справка. Несколько десятилетий в поле зрения Леонида Романовича находились вопросы ракетостроения. По этой проблеме еще с середины тридцатых годов по линии разведки в Москву поступали отчеты Р.К. Годдера, ведущего американского специалиста по реактивным двигателям на жидком топливе, и описание германской газовой турбины для реактивного самолета.

Годы войны были временем зарождения отечественной военной реактивной авиации. А это — скорость звука, иная конфигурация крыла, динамические и тепловые нагрузки, иной расчет конструкции, а главное двигатели, реактивные и принципиально новые по эффективной мощности.

Конечно, опытная НТР все эти образцы могла добыть (по частям или целиком). Но в стране насущно нужно было организовывать расширение авиапромышленности. А сведения — секретные, достоверные и актуальные — о «последней моде в авиановинках», в условиях западных запретов по линии КОКОМ, могла дать нашему авиапрому только разведка! И их дала — разведка госбезопасности и военная.

После войны сам Квасников знакомился с брошенными немцами оборудованием и узлами ракет в польском местечке Свинемюнде. Здесь испытывались и производились ракеты типа «фау-1» и «фау-2», терроризировавшие Лондон в годы войны.

Информация по операции «Воздух» шла от «гвардейцев Квасникова» из США и Англии, нескольких стран Европы. Актуальные, документального характера комплектные сведения содействовали успешному развитию в Союзе военного самолетостроения в рамках новых поколений авиационной реактивной техники.

В годы войны этими вопросами занимался Владимир Барковский в Англии и сам Леонид Квасников и его коллеги — Анатолий Яцков, Александр Феклисов и Семен Семенов в Штатах. Естественно, и от Барковского, в бытность его дважды пребывания в Штатах в пятидесятые и шестидесятые годы.

Как в капле воды мир, так и оценка успехов советской

военной реактивной техники с участием НТР видна в следующем факте.

Справка. О практической полезности информации НТР в военные и первые послевоенные годы в области современного авиастроения говорит следующее. В пятидесятые годы шла Корейская война, и здесь произошла первая схватка между США и СССР… в небе. Фактически произошло испытание нового оружия. В тот момент это были: у нас — МиГ-15, а у американцев — истребители серии «Ф» под названием «Сейбр», что означало «сабля», точнее — «разящий клинок».

В конце пятидесятого года американцы хозяйничали в небе Кореи, и тут мы, русские, преподнесли им сюрприз. По этому поводу в докладе американского командующего войсками в Корее в адрес комитета начальников штабов армии США говорилось: *«…на высоте 30 000 футов новейшие реактивные истребители русских пикирующим полетом нападают на наши бомбардировщики и истребители… Боевая техника русских значительно превосходит американскую… Боевой дух наших летчиков падает. Полеты не приносят прежнего эффекта — „сейбры“ не помогают…»*

Для военного такого ранга подобное обращение в Пентагон может быть понято только теми, кто разбирается в характере воздушного боя. А ведь это был крик отчаяния!

Вот и получается, что история реактивной авиации в нашей стране фактически началась после войны, и помогли в кратчайшие сроки вывести ее на уровень мировых стандартов и превысить их «гвардейцы Квасникова». Их информация в количественном отношении копилась все годы войны и превратилась в качественную форму в руках наших ученых и специалистов, привнесших ее в собственные наработки в области реактивной авиации. Ибо известно, что информация лишь тогда становится полезной, когда ее принимают люди с опытом работы в подобном деле.

Из-за «стены секретности»

Итак, прозорливость идеолога научно-технической разведки Леонида Романовича Квасникова, которая активно внедрялась в сознание высших эшелонов «верхов» госбезопасности, военных и правительственных кругов с довоенных времен, наконец, возымела действие.

Информация госбезопасности, актуальная по значимости, документальная и секретная по форме, ставила «верхи» в известность о возможности создания в агрессивно настроенных государствах оружия нового, сверхразрушительного типа. И, наконец, привела к организации в Союзе организации, занятой всеми сторонами изготовления отечественной атомной бомбы. Произошло это только в 1943 году. Это стало результатом не только простого предвидения проблемы, но и сбора первичной информации (а затем объемной и комплектной) о ***конкретных*** работах над атомным оружием вконкретной стране — Англии, в ***конкретных*** НИИ и заводах, с участием конкретных известных ученых-физиков, как западноевропейских, так и бежавших из фашистской Германии.

Случилось так, что они, ученые и связанные с ними советские разведчики, оказались востребованными в нужном месте и в нужное время.

И все же, почему безапелляционно можно утверждать, что именно разведчик-ученый Леонид Квасников и плеяда его единомышленников по работе в Англии и США оказались возведенными на «Олимп» международного разведывательного сообщества? И сразу после войны, и по сей день в среде специалистов и политиков общепризнано, что работа советской разведки в масштабной операции «Энормоз» по проникновению в секреты создания атомного оружия на Западе стала вершиной советского разведывательного мастерства, да и всей Второй мировой войны.

Почему все же так? Негласный девиз всех разведчиков НТР во всех странах при создании агентурной сети до, во время войны и в годы «холодной войны» звучал призывным набатом: знать, предвидеть, упреждать. Под этим девизом Леонид Квасников материализовывал стратегию и тактику НТР. Эта «триада» наступательной тактики в работе советской разведки стала прологом к грандиозному успеху как самой разведки, так и советской науки и инженерной мысли еще задолго до широкого ***официального*** признания в советских «верхах» стратегической важности, реальной возможности и необходимости конкретных

работ над созданием отечественной атомной бомбы.

И если идеолог НТР стоял у руля управления этой судьбоносной для «его» разведки «триадой», то его «гвардейцы»-единомышленники успешно реализовали эту «триаду» на практике в бытность «времени Квасникова» и в последующие 60-80-е годы.

Итак, почему крохотная группа НТР в системе разведки госбезопасности проявила инициативный интерес к исследованиям по ядерной физике и разглядела в них угрозу появления ядерного оружия — атомной бомбы? И, в конечном счете, преодолела пресловутую «стену секретности» по защите американской атомной программы, в первую очередь от Красной России…

Сквозь «меры безопасности и конспирации». На главных объектах проекта «Манхэттен», и особенно в Лос-Аламосе разрабатывались конструкции атомной бомбы и технологический процесс ее изготовления. Были приняты беспрецедентные меры сокрытия самого факта работы над чем-то секретным, о которой знал весьма ограниченный круг лиц. Даже вице-президент США Гарри Трумэн узнал об этом, лишь вступив в должность президента после кончины Франклина Рузвельта.

Крупнейшие ученые, занятые в проекте, значились под чужими именами. Внутри городка разрешалось переходить из лаборатории в лабораторию только в сопровождении охранника. Они находились под неослабным наблюдением ФБР и военной контрразведки, не имели права покидать свои квартиры после 22 часов, их телефонные переговоры постоянно прослушивались.

Под особым контролем оказались ученые и специалисты — неамериканцы. Даже письма они получали по анонимному адресу: «Армия США, почтовый ящик 1663». Сотрудникам из Лос-Аламоса лишь по выходным дням разрешалось выезжать в близлежащие курортные городки Альбукерке и Санта-Фе. Посторонним же, даже местным жителям из штата Нью-Мексико, не позволялось появляться вблизи ядерного объекта.

Все эти и другие меры безопасности позволили впоследствии руководителю проекта генералу Гровсу авторитетно заявить: ***«Мы создали такую систему защиты, сквозь которую мышь не смогла бы проскочить…»*** Видимо, мыши и «не смогли проскочить». А советская разведка…

Слово «о секретах генерала». Руководитель американского атомного проекта «Манхэттен» генерал Гровс принял столь крутые меры безопасности, что и речи не могло быть о появлении иностранцев, тем более советских граждан, вблизи ядерных объектов.

Историк шпионажа Жак Бержье так оценивает «стену Гровса»: ***«…он первым ввел великий принцип „перегородок“ в области промышленной и научной безопасности… Даже пользующиеся его доверием люди получали лишь строго необходимые для их работы сведения… А получить конфиденциальные сведения (если они ему не нужны?) будет отказано, как будет отказано и крупному ученому…»***

Лос-Аламос словно не существовал в природе… Нью-йоркская резидентура НТР знала об объекте еще на стадии его строительства. И осторожно зондировала подходы к нему. Однако патрули задерживали всех посторонних еще на подступах к секретному городку. После того как в это «сито» попали два агента разведчика-атомщика Анатолия Яцкова (к счастью, они не вызвали подозрений и были отпущены), резидентура прекратила попытки физического проникновения за эту «стену секретности». Но…

Собственно говоря, острой необходимости в этом не было. «Свои люди» уже находились за «перегородками Гровса». И среди них — Клаус Фукс, физик-математик великого аналитического ума, причем с уникальным правом (и разрешением Гровса!!!) посещать в силу практической надобности все двенадцать «перегородок», возглавляемых нобелевскими лауреатами.

Парадокс? И да и нет… Ведь сам научный глава проекта «Манхэттен» Роберт Оппенгеймер вызвал талантливого аналитика в Штаты. Вот как отзывался о Клаусе Фуксе создатель первой американской водородной бомбы: ***«Клаус Фукс был чрезвычайно трудолюбивым. Он работал непрерывно. Он бы физиком высшего класса. Как человек он был милым, ненавязчивым, немного замкнутым и очень своеобразным. Он был неразговорчивым. Ведь тот, кто много говорит, вызывает неприязнь. То, что говорил Фукс, всегда имело смысл…»***

А как оценивали личность Клауса Фукса, «Чарльза», его коллеги из советской разведки? Вот как отзывался Леонид Квасников об этом человеке: ***«Фукс — гениальный человек. С колоссальной памятью. С разных сторон он передавал нам математические отчеты, например, его отчет о теории взрыва атомной бомбы. Этот расчет я расшифровал и передал наверх. Отчет содержал восьмизначный интеграл и соответствующие формулы. Фукс записывал все это на память. В Москве все это передавалось научным экспертам. Они со всем своим аппаратом работали больше года над перерасчетом данных. Ведь у них не было никакой техники, кроме чертовых ручных счетных машинок…»***

И наконец, Клаус Фукс в момент подготовки первого

атомного взрыва в пустыне Аламогордо (июль 1945 года): ***«Все, что я хотел тогда, — как можно скорее проинформировать советские власти, что работа над атомной бомбой идет полным ходом… Затем я должен был передать подробное описание конструкции плутониевой бомбы…»***

* * *

«Атомный разведчик» Квасников и его коллеги Яцков и Феклисов, особенно историограф-«атомщик» Барковский, — эти яркие участники проникновения в секреты создания на Западе атомной бомбы в узких кругах разведчиков и ученых, а затем в открытом обществе многократно выступали в печати, на телевидении с сообщениями о плодотворном «дуэте» ученых и разведчиков в появлении отечественной атомной бомбы. И никогда не «присваивали» себе приоритета в ее появлении.

Являлся ли «новинкой» для НТР лозунг: знать, предвидеть, упреждать? Конечно нет. Но с исторической точки зрения масштабно этот лозунг смог материализовать лишь Леонид Квасников, нареченный еще при жизни коллегами как разведчик-ученый, провидец в науке и технике на службе обороны и народного хозяйства страны.

Справка. Еще в первые годы после революции существовала государственная установка «черпать все хорошее из-за границы обеими руками». При этом имелось в виду получение не только опубликованных материалов.

В 1925 году в недрах госбезопасности, в ее разведке возникло специальное подразделение — «техническая группа». В ее обязанности входило: формировать задачи, направлять деятельность по отслеживанию и учету достижений науки и техники на Западе, а главное — «намечать и проводить операции за рубежом, исходя из потребностей, направлений и темпов развития науки и техники в собственной стране».

В 1930-е годы у НТР имелись несомненные успехи, и о ее работе получили представление руководители страны. Им регулярно направлялись спецсообщения о наиболее ценных материалах. Так, в одном из них приводился список более пятидесяти документов по авиации, радиотехнике, химии, военному судостроению. В годы подготовки к войне с Германией НТР отслеживала развитие науки и техники, особенно в странах «высокой культуры исследований в

ядерной физике».

Как отмечал историограф Барковский, «существенный прогресс физики, продвинувшейся далеко вперед в представлениях о структуре атома и свойстве их ядер, послужил для НТР чем-то вроде путеводной звезды в ее намерениях проникнуть в секреты атомного оружия».

1940–1949. Хронология взлома «стены секретности»

Чтобы лучше представить, через какие тернии шла «атомная» разведка, следует выстроить логический ряд от первого «сигнала» НТР в наши резидентуры за рубеж до их первого «сигнала» о работах «над атомом» на Западе и первого взрыва отечественной атомной бомбы.

Итак, «сигнал»… Лондонская резидентура получила его сразу после начала Второй мировой войны. Она смогла отследить важный момент в продвижении работы над атомным проектом в канун нападения Германии на СССР. Затем последовали первые в истории разведки (да и страны) достоверные сведения — секретные, документальные, актуальные, о том, что идея создания атомного оружия приобрела в Англии практические очертания. Причем объединенный комитет начальников штабов британской армии потребовал изготовить атомную бомбу в течение двух лет.

Справка. Но… официально считается, что первые сведения о начале работ были получены разведкой и доложены главе госбезопасности Л.П. Берии и председателю ГКО И.В. Сталину якобы в марте 1942 года. В действительности это случилось к концу этого года, когда, работая по заданию Леонида Квасникова, лондонская резидентура (резидент Горский и разведчик-инженер Барковский) направили в Москву около 300 секретных отчетов материалов по проблеме исследования в области атомной энергии. Однако…

1940 год. Не имея указаний свыше, без запросов «светил» нашей науки, ибо контактов с Урановой комиссией АН СССР у разведки не было, НТР в лице разведчика-ученого Квасникова приняла решение начать работу по «атомному направлению». В этом начинании его активно поддержал «технически грамотный» и только что назначенный возглавлять разведку Павел Михайлович Фитин.

ФИТИН Павел Михайлович (1907–1971). **В органах госбезопасности с 1938 года. Возглавлял внешнюю разведку в 1939–1946 годах. В годы войны под его руководством действовали резидентуры в 27 странах; было получено около**

41 000 документальных материалов. Разведка проникла в секреты создания американского атомного оружия, лишив США монополии на него. Уволен из органов в 1953 году.

Квасников предвидел, что основные усилия советской НТР следует направить на работу «по теме» в Англии и США. Именно в них, по его мнению, следовало ожидать существенных подвижек в области создания в Европе атомного оружия (Примечание: серьезные «школы ядерной физики» существовали, но они оказались труднодоступными для проникновения даже с позиции нелегальных резидентур в силу специфичности разведзадачи и в силу фашизации Германии и ее союзника по «оси» — Италии, а Австрия попала под германскую оккупацию в результате аншлюса в 1938 году). В Германии «атомные работы» велись, и лишь в результате бегства ученых-атомщиков от нацистского режима об этих работах с возможным реальным выходом Гитлера на создание такой бомбы стало известно ученым в Британии.

Май 1941 года. Из лондонской резидентуры настойчиво сообщали, что доказана возможность создания атомного оружия. И британское правительство уже приняло программу по его изготовлению. А о практической стороне дела источники сообщали: в программу работ включены четыре независимые исследовательские группы.

Справка. В одной из них — бирмингемской — занимал лидирующую позицию физик-теоретик Клаус Фукс. Он был германским физиком, коммунистом по убеждению, бежавшим от гитлеровского режима на Британские острова. В Лондоне Фукс инициативно установил контакт с советской военной разведкой. Вклад Фукса в реализацию английского атомного проекта в рамках компании-прикрытия атомного проекта «Тьюбс эллойз» был столь велик, что он был приглашен главой американского атомного проекта Оппенгеймером в Штаты. Причем вместе с группой его коллег.

Как эхо того времени доносятся факты трагических реалий войны. Это случилось, когда англичане и американцы приняли решение об объединении усилий по программе «Манхэттен», призванной создать атомную бомбу на экономической и производственной базе Америки. Большая группа английских ученых и специалистов, работавших над атомной проблемой, была направлена военно-транспортным самолетом за океан по маршруту Британские острова — Новый Свет. Командир якобы имел приказ: «избавиться от

груза» в случае попытки германской авиации перехватить его самолет и попытаться принудить его к посадке.

Ужасная мера, скажет слишком «щепетильный» обыватель? Но шла мировая война, и уже впереди маячили реалии создания «монстра» в лице атомной бомбы. И Гитлер ни при каких обстоятельствах не должен был получить доступ к информации по ее созданию. Еще и потому, что в самом Третьем рейхе германские ученые активно работали над появлением собственного, как говорила верхушка нацистского государства, «оружия возмездия».

И трезвомыслящий политик, и военный, и антифашист должен был понять такую меру, ибо на войне — как на войне! Был ли в числе англичан на борту самолета антифашист Клаус Фукс или нет — сведений не сохранилось. Но случилось так, что ценнейший агент советской госбезопасности попал в самое сердце проекта «Манхэттен» в несуществующий ни в бумагах, ни на карте городок-призрак Лос-Аламос. В тот самый, где была создана «стена секретности»…

1941 год. Руководитель отделения НТР Квасников докладывал сведения осторожному Берии. Тот, после поверхностной консультации с не менее осторожными учеными, опровергает информацию как немецкую дезинформацию, нацеленную на отвлечение материальных и людских ресурсов воюющей страны от ее военных усилий. И хотя у компетентных специалистов вероятность появления атомного оружия не вызывала сомнений, актуальность работы «над темой» отступала на задний план — вермахт стремительно приближался к Москве, отставив позади Прибалтику, Минск и блокировав Ленинград.

Сентябрь 1941 года. Теперь, когда поступили обширные сведения о ходе работы англо-американского атомного проекта, предвидя и упреждая ситуацию, группа НТР самостоятельно сформулировала разведзадание по работе «над темой». Это означало: определить круг стран, ведущих практические работы «по теме»; регулярно информировать Центр о содержании таких работ; через агентурные возможности приобрести источники информации, способные обеспечить советскую сторону полезными для создания бомбы сведениями практического значения.

Ориентировка поступила в резидентуры, естественно, в Англию и США, в Швецию и третьи страны, с позиции которых наша разведка работала по Германии. Особое внимание Квасников уделял лондонской резидентуре, где начала действовать, казалось бы, «стихийно» возникшая научно-

техническая линия в лице разведчика-инженера Барковского. Ведь по проблемам этой линии уже стала поступать нужная «по теме» информация от источников уже существующей агентурной сети, включая агентов из числа Кембриджской пятерки.

Справка. В дни, когда вермахт стоял у стен Москвы, добывание секретов по атомному оружию не виделось в числе приоритетов информации, получаемой правительством от разведки. В это трагическое время требовалась «сиюминутная» информация по советско-германско-му фронту, а по линии НТР — практические сведения для немедленного усиления боеспособности Красной Армии.

Конец 1941 года. Хотя ориентировка Центра была направлена в Америку, но ощутимых результатов резидентурам в этой стране долгое время не удавалось достичь. Причины были весьма веские: нужно было преодолеть прочную «стену секретности», созданную американскими спецслужбами вокруг ученых, инженеров, техников и рабочих, сосредоточенных в центре создания атомной бомбы в глубине одного из штатов, в местечке Лос-Аламос.

Справка. Нью-йоркская, вашингтонская и сан-францисская резидентуры еще не ведали, что американские ученые накопили множество данных о реальной возможности создания принципиально нового вида оружия (Л. Силард, А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер и другие).

Декабрь 1941 года. Дальновидный отечественный физик Георгий Флёров обратился в ГКО со вторым письмом с призывом безотлагательно начать в стране работы по созданию собственного атомного оружия. Ответа он не получил — шла битва за Москву…

Февраль 1942 года. В плен попал германский офицер, в записной книжке которого были обнаружены сведения, говорящие о том, что гитлеровские ученые ищут способы применения атомной энергии в военных целях.

Март 1942 года. Леонид Квасников получил от лондонской резидентуры новую обширную документальную информацию «по теме», содержащую сведения о высоком уровне работ над атомом. Он снова предпринял попытку достучаться до «верхов» по поводу создания на Западе атомного оружия. Однако, грубо говоря, «обойти» в этом вопросе всесильного наркома Берию не было возможности. Спецсообщение о реальности появления у

союзников по антигитлеровской коалиции в недалеком будущем атомного оружия Сталину доложено не было. Это случилось только через полгода.

А ведь в докладной записке, основанной на достоверных сведениях, полученных от Дональда Маклина, одного из членов «Пятерки», говорилось: ***«…начато изучение вопроса использования атомной энергии урана для военных целей», «английский военный кабинет, учитывая возможность успешного разрешения этой задачи в Германии, уделяет большое внимание проблеме…»***

В записке Квасников предлагал ГКО вплотную заняться вопросом создания отечественного атомного оружия. Практически в подготовленном предложении он предвосхитил появление в воюющей стране знаменитой атомной Лаборатории № 2 АН СССР (сегодня это Институт атомной энергии имени И.В. Курчатова).

Вот что предлагал разведчик-ученый Квасников: ***«Проработать вопрос о создании научно-совещательного органа при ГКО СССР из авторитетных лиц для координации, изучения направления работ всех ученых, научно-исследовательских организаций СССР, занимающихся вопросами атомной энергии урана. Обеспечить секретное ознакомление с материалами разведки по урану узкого круга лиц из числа видных ученых и специалистов для оценки разведывательной информации и соответствующего ее использования».***

Лето 1942 года. Из Штатов стали поступать сведения из-за «стены секретности». Ученый-атомщик инициативно вышел на «Амторг», американо-советскую торговую организацию, и передал сверхсекретные сведения о характере начальных разработок в Америке «супероружия». В это же время информацию «по теме» получил молодой разведчик Александр Феклисов, но уже от источника по линии НТР. Тем же летом советский инженер-химик из закупочной комиссии при «Амторге» свел наших разведчиков с руководителем группы советских инженеров, возводивших опытную пилотную установку для выработки урана-235, на котором отрабатывалась практическая технология.

Октябрь 1942 года. Соединив в одну три группы сведений — письма физика Флёрова, материалы лондонской резидентуры и математические расчеты германского офицера, Берия направился с докладом к Сталину.

Ноябрь 1942 года. В канун Сталинградской битвы у Сталина с участием академиков Иоффе, Семенова, Хлопина, Капицы было принято решение о создании центра руководства исследованиями

и экспериментальной деятельности — Лаборатории № 2.

Справка о… совпадении?! Любопытен такой факт: военная операция по контрнаступлению под Сталинградом и проект по созданию в СССР атомного оружия имели одно и то же кодовое название — операция «Уран».

Совпадение? Едва ли… Ведь незадолго до начала Сталинградской битвы академики В.И. Вернадский и А.Ф. Иоффе смогли окончательно убедить советское руководство в реальности создания отечественной атомной бомбы (замысел, технические решение, экономические возможности). Правда, у Сталина к этому времени на столе были донесения советских разведчиков о работах над атомным оружием в Англии, США и Третьем рейхе.

И получается, что операция «Уран» под Сталинградом оказалась осмысленным прологом к атомному проекту «Уран». И еще один фактор: Сталинград сыграл в появлении отечественного атомного оружия реальную судьбоносную роль, ибо победа на фронте обуславливалась экономической победой в тылу.

Дело в том, что возросшая мощь военной промышленности позволила 19 ноября 1942 года (этот день стал Днем артиллерии, как говорили тогда — «сталинской») задействовать в первые дни наступления 15 000 орудий, которые в кратчайший срок обрушили на фашистские войска 15 000 тонн взрывчатого вещества (как выяснилось потом, это было по общей мощности больше, чем атомная бомба над Хиросимой).

.. В ученой среде создателей атомной бомбы бытует то ли миф, то ли правда о том, что именно этот аргумент — мощность артиллерийских залпов при начале сражения в сравнении с атомной бомбой оказался последним аргументом в принятии Сталиным нужного решения.

Март 1943 года. Лаборатория № 2 заработала…

А в Германии? Поражение технической мощи рейха в трех направлениях — провал «блицкрига», разгром вермахта в битве за Москву и катастрофа под Сталинградом — привело к логически оправданному факту: Гитлер запретил работы по созданию собственного «оружия возмездия», столь велики были потери, особенно в последнем Сталинградском сражении. Ибо средств и времени на создание «оружия возмездия» в Третьем рейхе не было.

Совершенно секретные материалы, полученные из Англии

агентурным путем, и приложенная к ним записка руководителя НТР сыграли свою роль при выборе Сталиным решения — начинать или не начинать в Союзе работы по созданию отечественного атомного оружия.

По рекомендации академика Иоффе и президента АН СССР Вернадского программу возглавил академик Курчатов. По линии разведки ответственным за обеспечение секретности работы с агентурными материалами и реализации разведсведений стал Квасников **(прим.: идеолог НТР двадцать лет был куратором лично Курчатова и всего нескольких «допущенных»).**

С началом активной работы Лаборатории № 2 информация от НТР (Квасников — Курчатову) оценивалась высоко. Руководитель советского проекта «Уран» Игорь Васильевич Курчатов с первых дней признавал, сколь полезны данные разведки — актуальные, документальные, секретные: ***«…указывают на технические возможности решения всей проблемы значительно в более короткие сроки, чем думают наши ученые, не знакомые с ходом работ по этой проблеме за границей».***

Другие ученые, имеющие доступ к материалам разведки, отмечали: ***«вклад разведки неоспорим, многих тупиков и ошибок удалось избежать…»*** Такого же мнения придерживался академик А.Ф. Иоффе: ***«…получаемая нами информация всегда оказывалась точной и большей частью всегда полной, наличие такой информации на много месяцев сокращает объем нашей работы и облегчает выбор направлений, освобождает от длительных поисков. Я не встречал пока ни одного ложного указания…»***

Середина 1943 года. В связи с расширением круга работы разведки госбезопасности ГКО принимает решение отвести ей роль главной организации по разведыванию проблемы создания атомного оружия в стране. И военную разведку обязали передать в НКГБ агентуру, работающую по операции «Энормоз».

Информация стала поступать к руководителю операции «Уран» потоком…

* * *

«Момент истины» — историческая заслуга идеолога НТР. Быстрый рост объема информации по атомной проблеме, поступавшей от резидентур НКГБ в Лондоне, Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско, Мехико и Оттавы (резиденты А. Горский, В. Зарубин, А. Василенко, В. Павловский) и от военных коллег, побудил сделать добывание «атомных секретов» одной из

приоритетных задач и НТР, и разведки, и всей госбезопасности.

Так, благодаря проницательности идеолога и стратега НРТ Леонида Романовича Квасникова еще до начала мировой войны, его непоколебимой вере в свою правоту и настойчивости, советская сторона стала стремительно ускорять работу по созданию отечественного атомного оружия. Стране было трудно, очень трудно — впереди еще было более двух лет войны, а это — Курская битва, операция «Багратион», взятие Берлина. Все производственные мощности работали на Красную Армию… И как тут не вспомнить изречение Аристотеля: «Целесообразность — это сила, которая превращает возможность в действительность». Оно может служить эпиграфом к «атомному подвигу» советских ученых, специалистов, разведчиков и всех тех, кто на разных уровнях государственной структуры решал ЭТУ судьбоносную для страны задачу… со взглядом в будущее!

С февраля 1944 года работой ценного агента Клауса Фукса в США руководили: разведчик Семен Семенов («Твен»), Анатолий Яцков («Джони»), Александр Феклисов («Калистрат»). Материалы поступали к ним через агента-связника.

Апрель 1945 года. Клаус Фукс ***«передал детальный доклад, который специально подготовил в Лос-Аламосе, имея доступ ко всем соответствующим документам и проверяя на месте правильность проведенных им расчетов и формул. Этот второй доклад содержал полное физико-математическое описание плутониевой бомбы, которую предполагалось создать… Он передал… чертежи бомбы, ее отдельных компонентов и сообщил важные параметры…».***

В Центре об информации Фукса говорилось так: ***«полученные материалы очень ценные и позволяют сэкономить 200–250 млн рублей и сократить сроки освоения проблемы».***

Клаус Фукс передал советской стороне не только результаты НИР, но и подробные сведения по практическому созданию урановой и плутониевой бомбы. По оценке американских ученых, «***информация Фукса помогла СССР сократить сроки создания атомного оружия с десяти до трех лет и опередить Штаты в появлении в Советской России водородного оружия…».***

Итак, подвиг… В чем еще? Разведывательный подвиг единомышленников в работе по операции «Энормоз» состоит в том, что идеолог НТР оказался провидцем в «триаде»: в акцентировании внимания на нужной теме, в нужном месте ее поиска и в нужное время, рассчитанное на упреждение.

Прошло долгих четыре года с момента инициативы НТР в необходимости сбора «атомной информации». По месту ее появления она немедленно была воспринята в лондонской

резидентуре (Горский и Барковский). А по времени — «подсказана» ценными агентами (Маклином и Кернкроссом). После первой, второй и третьей информации «по теме», полученной в Центре, усилия Квасникова, разведчиков и агентов получили одобрение правительства.

Так страна встала на рельсы создания отечественного атомного оружия, а фактически, на путь появления в стране атомной промышленности.

6, 9 августа 1945 года. Следующим этапом в создании отечественной атомной бомбы (понимай атомной промышленности) стало уничтожение японских городов Хиросимы и Нагасаки американскими атомными бомбами. Этот трагический факт потребовал перевода всех работ Лаборатории № 2 на более высокий уровень организации.

В связи с этим по рекомендации (снова упреждающей) руководителя отделения НТР Леонида Квасникова начальник разведки госбезопасности Павел Фитин указывал в рапорте на имя наркома НКГБ Лаврентия Берии: ***«Практическое применение американской атомной бомбы… открывает новую эпоху в науке и технике и, несомненно, повлечет за собой быстрое развитие всей проблемы „Энормоз“… Все это ставит „Энормоз“ на ведущее место в нашей разведывательной работе и требует неотложных мероприятий по усилению технической разведки».***

20 августа 1945 года. Создается Специальный совет по проблеме № 1 и при нем Научно-технический совет, а при СНК СССР — Первое Главное Управление для руководства НИИ, КБ и промышленными предприятиями — участниками работ по использованию атомной энергии для военных целей.

И снова — так в чем же подвиг? Гражданский, профессиональный, патриотический? Вполне правомерно отметить, что возглавляемая Леонидом Квасниковым НТР «внедрила» в сознание «верхов» нашей страны идею появления отечественного атомного оружия в три этапа в свете операции «Энормоз»: **накопление** сведений «по теме» в группе НТР **(1), доведение** этих сведений до компетентных лиц **(2)** и информация НТР с момента создания и начала работы Лаборатории № 2 стала **играть практическую роль (3).**

Признание значимости первых разведывательных сведений, с которыми ознакомился еще в начальный момент Игорь Курчатов, состоит в следующем: ***«Проведенное мною рассмотрение материалов показало, что получение их имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки… Получение материалов заставило нас по многим вопросам***

пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской физики направления работы…»

Эта и последующая информация (от агента — разведчика — идеолога НТР к Курчатову), опосредствованно предоставленная ученым, имела, как представляется, пороговое значение, ибо способствовала оптимизации создания собственного атомного оружия.

Оптимизация? Еще в апреле 1945 года разведка получила оценку по материалам, переданным ранее (метод формирования критической массы атомного заряда): «… ***работу над этим методом еще только начинаем… ввиду того, что исследования у нас еще не продвинулись, в информации содержится ценный материал…»***

Разведчик-ученый Квасников в работе по оказанию действенной помощи стране в создании атомного (а затем — и ядерного) оружия по-государственному понимал, что для этого требуется не только разработка конструкции самой атомной бомбы, но и создание принципиально нового и необычного оборудования, появление сложных технологических процессов и спецматериалов с уникальными свойствами.

Известно, что Англии и Америке довелось пройти по этому неизведанному пути, опираясь на свой, более высокий, чем в Союзе, промышленный потенциал. Решать те же задачи в нашей стране в условиях войны с Германией и более скромных возможностей было неимоверно труднее, если бы…

Если бы с появлением Страны Советов и предвоенные годы наша ядерная физика не достигла существенных высот в своем развитии и если бы не существовала перспектива воспользоваться плодами англо-американского опыта с помощью советской научно-технической разведки. Причем именно во главе с разведчиком-ученым Леонидом Квасниковым.

Историческая справка. Следует отметить, что проблема расщепления атомного ядра и получения нового источника энергии интересовала и советских ученых, они вели соответствующие исследования. Так, в 1934 году академик Николай Семенов создал общую количественную теорию цепных реакций, за что был удостоен Нобелевской премии. Его идеи применительно к делению урана-235 были использованы в 1940 году ленинградскими физиками Яковом Зельдовичем и Юлием Харитоном.

Вместе с тем в вероятность создания атомной бомбы в СССР в те годы мало кто верил. К тому же еще в 1936 году на сессии АН СССР сотрудники Физико-технического института в

Ленинграде были подвергнуты резкой критике за то, что их исследования в области ядерной физики якобы «не имеют практической перспективы».

Факт расправы над ядерщиками был известен молодому руководителю отечественной научно-технической разведки. Тем не менее в канун войны Квасников, используя поддержку в этом вопросе начальника разведки Фитина, направил в ряд резидентур упреждающее указание: приступить к получению сведений о возможных работах на Западе по созданию атомного оружия!

Работая на перспективу и исповедуя упреждающую тактику в интересах советской науки и техники, идеолог НТР Квасников организовал работу «по атомной теме» таким образом, что за 1941–1945 годы разведкой были добыты десятки тысяч листов актуальной и секретной, документальной и комплектной информации, которая прямо «с колес», полностью шла в «атомные дела», способствовала прогрессу ядерной физики и становлению отечественной атомной промышленности.

Вот как скрупулезно оценивал историограф НТР Владимир Барковский факты об устойчивом успехе этого направления в разведке и определял ее место в создании собственной атомной бомбы: ***«В итоге можно сказать, что атомное оружие стало в нашей стране реальностью благодаря усилиям его непосредственных создателей и разведчиков. Все они в сфере своей деятельности, в силу понимания огромной важности для Отечества обладать новейшими средствами сдерживания ретивых недоброжелателей нашей страны, отдавали всю свою энергию и знания для этой цели».***

Историческая справка. Многолетнего президента АН СССР Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) при жизни называли «Вперед смотрящим». Русский и советский академик, естествоиспытатель, философ, историк науки, социолог… с удивительным предположением в адрес атома, высказанным им еще в 1887 году. Даже сегодня особое звучание приобретает гениальная догадка нашего ученого о принципиальной возможности существования в природе таких сил, которые многократно превышают по своей мощности все известные до сих пор человечеству.

В своих предположениях русский ученый был весьма конкретен. Вернадский писал, что эти таящиеся в природе неведомые силы необходимо, во-первых, «открыть», практически «извлечь» из природы, и, во-вторых, силы эти способны не только «удесятерять» мощь человека, расширить

«возможности новых приложений», но и реально выступить перед людьми в «отталкивающем, пугающем обличье» — как силы страшные. «Официальное» открытие атомной модели произошло позднее, но ее предвидение не было для Вернадского таким уж открытием.

Трудности, в условиях которых закладывалось здание советской науки, были обусловлены двумя факторами: во-первых, прямыми последствиями мировой и гражданской войн, и, во-вторых, страна оказалась в кольце экономической и политической блокады. А что представляла собой наука в старой России? По масштабам страны она имела ничтожный удельный вес. Правда, в целом ряде важных областей познания русские ученые внесли существенный вклад, и русские научные школы пользовались мировой славой. Академия наук и научные общества практически играли очень ограниченную роль.

Между тем на Западе успехи экономики и промышленности все теснее увязывали с развитием фундаментальных и прикладных исследований. Революция в естествознании, обусловленная в первую очередь открытиями в физике начала XX века, сулила качественные перемены не только в самой науке, но и в технике и технологиях.

Советской науке предстояло самостоятельно подняться на уровень века. Государственная политика в области развития науки Страны Советов концентрированно была выражена словами: «Взять всю науку, технику, все знания…» на Западе. И за короткий срок в стране произошло необычайно быстрое развитие широкого — «сплошного» — фронта исследований как фундаментальных, так и прикладных.

Что касается ядерной физики, то к середине двадцатых годов был организован Петроградский физико-технический институт во главе с академиком А.Ф. Иоффе (в частности, положил начало ядерной физике и физике полимеров). Этот институт породил более десяти дочерних исследовательских организаций в разных городах страны.

Государственный радиевый институт, возглавлявшийся академиком В.И. Вернадским и В.Г. Хлопиным, разработал технологию и наладил заводское производство радия. Это было для своего времени крупнейшим научно-техническим достижением. Оно помогло впоследствии решать проблему овладения атомной энергией.

Из того же Ленинградского физтеха выделился Институт химической физики под руководством академика Н.Н. Семенова (будущего нобелевского лауреата), открывшего механизм

разветвления цепных реакций, что впоследствии нашло приложение к процессу ядерного взрыва. И еще были созданы Электрофизический институт, Харьковский физтех, Ленинградский институт ядерной физики. Физическая лаборатория АН СССР превратилась со временем в крупнейший в стране Физический институт (ФИАМ)…

Почему такая пространная историческая справка? Но информация «атомной разведки» — какой бы она ни была комплектной — не может быть востребованной наукой и техникой, если не имеется в стране серьезной базы в области ядерной физики с ее прикладным аспектом. Информация разведки в Союзе попала на «хорошо вспаханное поле» советских физических традиций в области ядерных исследований. Проще говоря, нужная информация «по атому» была востребована компетентными отечественными учеными и специалистами.

Одним из таких специалистов, подающим надежды ученым был Леонид Романович Квасников. А ядерной физикой он «заразился» в МИХМе (Московском институте химического машиностроения), окончив его в 1934 году, и из аспирантов был приглашен в разведку, став негласно необычным сотрудником — разведчиком-ученым.

29 августа 1949 года. Открыта Эра Атомного Века в Советской России. Руководитель атомного проекта «Уран» Игорь Курчатов во время войны и многие годы после нее по-деловому общался с идеологом НТР Леонидом Квасниковым и не раз оценивал весьма положительно вклад разведчиков в создание отечественной атомной бомбы и ядерного оружия. И это справедливо, ибо добывание уникальной информации — сама идея выхода на нее, подход к решению задачи, стратегия и тактика, использование разведчиков и агентов, организация связи с источниками, много другое из «технологии разведработы» — говорит об уникальности этой грани в решении атомной проблемы для страны. Поэтому и в нашей стране, и за рубежом «атомная разведка Страны Советов» считается самым значительным достижением отечественной научно-технической разведки в годы Второй мировой войны.

Но лишь в 1995–1996 годах чекисты-разведчики, в военную пору взломавшие «стену секретности» в Англии и США, были удостоены звания Героев России: Леонид Квасников, Владимир Барковский, Александр Феклисов и Анатолий Яцков. Причем первый и последний из этого почетного списка — посмертно.

Эту высокую награду получили и спецагенты-интернационалисты Морис и Леонтина Коэны — отважные связные в многолетней эпопее по проникновению в тайны овладения на

Западе атомным и ядерным оружием. Коэны еще почти десятилетие продолжали работу над атомной проблемой, и уже в Англии работали с информацией по созданию ракетно-ядерного щита морского базирования.

Глава 3
От атома к космосу

Мы, благодаря работе над ядерным оружием, сумели развить нашу науку… Без атомной бомбы мы были бы второстепенной державой…

Академик Евгений Велихов, 1999

НТР следует рассматривать как особое социальное явление, глубоко коренящееся в потребностях обеспечения национальной безопасности и геополитических интересов государства.

Герой России Владимир Барковский, почетный профессор Академии внешней разведки, историограф НТР

Советский Союз овладел целым рядом ключевых или потенциально ключевых элементов обороны свободного мира…

Из отчета французской контрразведки, 1960-е годы

Подводя итог работы советской разведки госбезопасности и ее научно-технического направления, следует подчеркнуть, что она не только привлекла внимание руководства страны к проблеме создания на Западе атомного оружия. Наша разведка в интересах Союза упредила ситуацию и инициировала проведение подобных работ, без преувеличения открыв Эру Атомного Века в нашем Отечестве.

Зная не понаслышке, что такое атомная бомба (и проблема создания ракетно-ядерного щита), академик Евгений Велихов с государственных позиций отмечал, что мы ***«сумели развить нашу***

науку… и без атомной бомбы мы были бы второстепенной державой…». А это означает, что именно работа «с атомом» выстелила дорогу науке и технике в интересах кибернетики и космоса.

По признанию специалистов ученых-атомщиков с опорой на разведданные, стране удалось избежать тупиковые направления в разработке атомного оружия и сделать отечественную атомную бомбу в более короткие сроки, чем США (там на это потребовалось четыре года и было израсходовано 5 млрд долларов).

Как отмечал один из создателей отечественной атомной бомбы (и первой в мире водородной) академик Юлий Харитон в интервью газете «Известия» в декабре 1992 года, лишь первый советский атомный заряд был изготовлен по американскому образцу. По словам академика, когда вручались высокие правительственные награды участникам советского атомного проекта, удовлетворенный тем, что американской монополии в этой области более не существует, И.В. Сталин заметил: ***«Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испытали бы этот заряд на себе!»***

В том, что американский «атомный заряд» не достиг Советской России, — заслуга советских ученых, специалистов и разведчиков. И среди них имеется весомая доля четверки Героев России во главе с Леонидом Романовичем Квасниковым. И еще…

Историограф Владимир Барковский постоянно подчеркивал тот факт, что значение появления в СССР атомного оружия сразу после войны имеет многогранную оценку. Одна из них, вернее всего доминирующая, распространила свое влияние до конца века и в сегодняшнее столетие «капитализации России» и время очередного нетерпимого отношения Запада к нашей национальной суверенности и природным богатствам. Эту мысль Владимир Борисович сформулировал со свойственной ему краткостью и глубиной значимости: ***«В годы войны с помощью научно-технической разведки закладывался потенциал наших вооруженных сил, что не позволило странам-членам НАТО во главе с США разговаривать с Советским Союзом с позиции силы».***

Атомный триумф — предтеча космоса

Разведчик-ученый Квасников умел подбирать и расставлять кадры из числа энтээровцев. В этом отношении типичен пример со своим единомышленником Владимиром Барковским, которого он курировал в годы его работы «на лондонском фронте» и после войны пригласил его в свои заместители.

Глава НТР направил Барковского в Нью-Йорк, где, уже будучи руководителем линии НТР в США (1948–1950), тот восстанавливал агентурную сеть, разрушенную и частично замороженную в результате предательства. Барковский, в ранге руководителя резидентуры КГБ в США (1956–1963), оставался стойким единомышленником Квасникова в делах НТР. Трудно представить, что события в канун выхода Советской России в космическое пространство не напрягли бы американцев. Барковский вспоминал: ***«Уже в начале 1957 года американцы знали о наших пробных запусках, в печати по этому поводу раздавалась масса стенаний: „вновь нас обошли русские". Между тему них велись разработки ракетного оружия. Первой готовилась к запуску 4-ступенчатая ракета „Авангард" военных моряков Штатов. Это была длинная жердь с малым поперечным сечением, полет которой намечался на сентябрь.***

Шлю шифровку в Центр: назревают такие события, если есть возможность, ускорить наш запуск. Не вредя интересам дела, над этим стоит подумать. Ответа не получил, но в самом начале октября в космос полетел наш спутник».

Естественно, шифровка своим содержанием опиралась на агентурные сведения и носила характер упреждающей информации.

Оперативные биографии двух талантливых разведчиков НТР Леонида Квасникова и Владимира Барковского столь переплетены, что, говоря об одном из них, подразумевается участие другого. Это хорошо просматривается с 1941 года, когда «разведчик общего профиля» Барковский получил впервые указание Квасникова с нацеливанием на работу «по атому». И затем Квасников курировал его усилия при «полустихийном» формировании пяти аспектов работы НТР. И так было дважды в США и при их совместной работе в штаб-квартире НТР в Москве.

Знаменательное и трагическое уживаются рядом. В оперативной биографии этих «столпов НТР» существует удивительная «триада» научных и технических проблем. Речь идет о трех операциях научно-технической разведки: «Энормоз» (атом), «Воздух» (авиация) и «Радуга» (радиолокация). И так было

все 40-60-е годы, только каждый из аспектов обрастал все более широкими определениями. Одно оставалось неизменным: «гвардейцам Квасникова» пришлось становиться «первопроходцами» в судьбоносной помощи нашей военной науке и технике.

Итак, **атом.** Казалось бы, тут все ясно — первые сигналы от разведки поступили в сорок первом году. Далее была информация и первая отечественная атомная бомба. Упреждающие сведения в интересах развития ядерного направления в создании новейших видов такого вооружения: от атомной бомбы к водородной. А еще первая атомная электростанция (1954). Позднее — атомные реакторы для подводных лодок.

Авиация. Высотная и скоростная проблема все годы войны была в поле зрения разведки за рубежом. Но авиация времени войны — это еще и переход к реактивно-ракетной технике. И потому трудно отрицать значение разведывательной информации по этой теме. Она появилась у наших специалистов задолго до окончания войны и задолго до появления большого числа германских специалистов по ракетостроению, захваченных в плен либо интернированных в Союз. При этом подвиг наших специалистов вовсе не умаляется, ибо мы шагнули в космос первыми.

Радиолокация. Активная работа разведки все годы войны с позиции Англии и США. Но эта составляющая «триады» особая, ибо в Союзе возникла «тупиковая ветвь» в звене: «РЛС-электроника-кибернетика»! Удивительна эта «триада» еще и тем, что трижды НТР предвидела, упреждала и предупреждала политические и научные «верхи» о судьбоносности всего этого «тройного богатства» на Западе. Но только дважды разведке удалось быть «удачным предсказателем». Правда, пришлось пробивать стену недопонимания, как это случилось с «атомом».

Но если с «атомом» все же с опозданием страна и ее военная промышленность справилась, то с «электроникой-кибернетикой» наши наука, техника, промышленность и оборонные отрасли оказались в «хвосте» мирового научно-технического прогресса и запаздывали в пятидесятые годы лет на пятнадцать. В отличие от работы с атомом разрыв этот было бы сложно преодолеть, если бы не… научно-техническая разведка. А конкретно — идеолог и реально мыслящий провидец Леонид Романович Квасников и выдающийся советский специалист по радиолокации Аксель Иванович Берг оказались в этом вопросе единомышленниками.

Так в чем «знаменательное и трагическое»? Указанная «триада» подтверждает истину: в разведке не всегда добывание информации может быть слишком сложным делом, но, как

правило, ее принятие и положительная оценка затруднены.

* * *

Квасников и Берг оказались единомышленниками в сложном продвижении кибернетики в Союз. Только будущий академик размышлял о роли радиолокации, сидя на нарах, а идеолог НТР в это же время «просто» уделял внимание электронному аспекту в заданиях разведки, причем не имея официальных указаний на этот счет от ученых. И не удивительно — ученые в этом вопросе были фактически терроризированы запретами на следование шагам американского ученого Винера. И этот запрет дорого обошелся стране и ее военно-промышленному потенциалу!

Историческая справка. Итак, 1948 год. Американский математик Норберт Винер выдвинул идею о возможности общего научного подхода к исследованию и организации процессов управления в сложных технических, биологических и общественных системах. В нашей стране работу Винера с ходу отвергли, его книгу на русский язык не перевели, но огульно обвинили автора в стремлении «очеловечить» машинные системы. В прессе появились разгромные статьи о вреде кибернетики, которую назвали «продажной девкой империализма».

…Случилось так, что автор работал над биографией Николы Тесла. И возникли при работе над биографией Леонида Квасникова с его прозорливостью в отношении кибернетики некоторые ассоциации. Дело в том, что в конце XIX века **талантливый ученый-конструктор-инженер Никола Тесла осуществил первые шаги по разработке управляемого на расстоянии автомата, могущего воспроизвести действия человека. В одной из статей он писал: «таким образом появилось новое изобретение и новая техника, для которой предложено и новое название — „телеавтоматика“, что означает: техника управления движениями автоматов, удаленных на расстояние».**

Тесла всесторонне разработал основные положения этой новой техники, ставшей со временем основой для создания таких систем, — правда, только во второй половине XX века. **Позднее ученый писал о своих автоматах, как он говорил, с «заимствованным умом» и с «собственным умом». Тесла на протяжении многих лет упорно продолжал совершенствовать сложные автоматы, максимально**

приближая их действия к действиям человека. Но…

Известно, что создание современных кибернетических устройств есть результат достижений математики, физики, механики, радио- и электротехники, логики. Для одного ученого решение всех этих проблем, казалось бы, было непосильным. Но… Именно Тесла стоял у истоков того, что теперь всемирно внедрено в практику и называется робототехникой. В этом вопросе Тесла выступал с замечательной прозорливостью, опередив время на полвека.

Зачем это отступление «от автора»? Но советские марксисты-догматики не могли не знать о работах Николы Тесла, если были ослеплены неприятием «идей из-за океана». И это искусственное «торможение» внедрения кибернетики в научно-технический прогресс в нашей стране дорого обошелся и нашей обороноспособности и народному хозяйству.

А пока, в начале пятидесятых, сторонники Винера в Союзе преследовались, понимающие роль кибернетики в прогрессивном развитии науки и техники ученые предавались анафеме, вплоть до отлучения от науки. Книги в области кибернетики, вычислительных машин и программировании, изданные уже во второй половине пятидесятых годов без грифа секретности, были написаны нашими военными учеными и специалистами. Прорыв передового взгляда на кибернетику в стране имел немаловажное значение.

Ну как тут не воскликнуть: как случилось, что представители консервативной философской элиты задерживали на десятилетие развитие информатики в нашей стране? Ведь печальный опыт с генетикой уже имел место в Союзе?! Одно радует: активная наступательная позиция военных была поддержана академиками, и мы все же победили. Но отставание в делах с кибернетикой было слишком велико.

И вот тут-то два государственно мыслящих провидца нашли друг друга. Идеолог НТР, годами собиравший информацию по кибернетике, встретился с Акселем Бергом, адмиралом-ученым, академиком, — «отцом» отечественной кибернетики.

* * *

Слово о трагедии и триумфе академики-кибернетика Акселя Берга. Он был потомком обрусевших шведов, в юности стал флотским офицером. Арестовали его, доктора наук, начальника Научно-исследовательского института связи и

телемеханики, в конце 1937 года. В следующем году он сидел в одной камере с авиаконструктором Анатолием Туполевым и накрывался одной шинелью с товарищем по несчастью — Константином Рокоссовским, будущим маршалом и победителем в войне.

И вот, в 1939 году его обвинили в антисоветском заговоре и вынесли смертный приговор. А затем в его деле появилась запись: «9 мая 1940 года. Дело по обвинению Берга дальнейшим производством прекратить. Обвиняемого из-под стражи немедленно освободить».

И привезли Берга прямо из тюрьмы к Сталину. Тот хотел узнать, почему в канун войны у немцев, американцев, англичан уже есть радиолокаторы, а у нас — нет. «Враг народа» кое-как разъяснил вождю значение радиолокации в военном деле. И получил от вождя напутствие, как вспоминал сам Берг: «Идите — работайте. Никто вас не тронет».

Причины освобождения скорее всего были вполне прагматическими. Накануне ожидавшейся войны Красная Армия практически не имела радарных установок. И Берг начал исправлять положение дел в кратчайшие сроки. В канун Курской битвы Сталин назначил Берга замнаркома электротехнической промышленности. После судьбоносного для его дела решения Сталина государственная машина заработала в интересах радиолокации, для которой объединили усилия военных, гражданских специалистов и разведки.

Опять, казалось бы, столь длинное отступление от основного повествования? Но всю войну «гвардейцы Квасникова» работали над этой проблемой: в Лондоне — Барковский, в Штатах — сам Квасников, Феклисов, Яцков. И после войны — в потерянные для кибернетики пятидесятые годы — целый коллектив разведчиков и их агентов по линии НТР трудился над добычей информации по электронике и затем кибернетике в десятке развитых стран мира.

Ну как тут не напомнить еще раз: разведчик-ученый Квасников и ученый Берг — эти два государственника и незаурядных человека — смогли найти друг друга и, вероятнее всего, при существующем запрете на неофициальном уровне обсуждали вопрос о разведывательном сборе сведений о кибернетике. Ибо они, и морально и научно, прибились к «одному берегу» — кибернетике в Союзе быть!

Итак, 1944 год. Пророчески звучат слова патриарха радиолокации и электроники, в то время академика, Берга в адрес разведки госбезопасности: «… ***получение от Вас сведений имеет большое государственное значение. Работу Первого управления НКГБ за истекший год следует признать***

выполненной блестяще». А это означает — информация: 1200 листов текста, 5000 фотографий, 165 чертежей, 78 образцов.

Так оценил Берг усилия НТР по операции «Радуга» (радиолокация). А дальше была кибернетика. Из года в год, в условиях запрета, «по велению Квасникова» информация поступала во все возрастающем объеме…

* * *

Автор пришел в научно-техническую разведку в шестьдесят первом году, когда она была еще 10-м отделом разведки госбезопасности. Тогда работа структурно организовывалась по проблемному признаку: атомная, авиационная, химическая, электронная… Становилось известным в среде сотрудников, что атомные секреты американцев и англичан были добыты разведкой. А герои этих успехов ходили здесь, по тем же, что и автор, коридорам, — Квасников, Яцков, приезжающий в отпуск Барковский…

От автора. Придя в НТР в начале шестидесятых годов, автор слышал от коллег: электронная группа гордится тем, что в одночасье из здания штаб-квартиры НТР в руки ученым-электронщикам было передано несколько чемоданов с тысячами фотопленок, содержащих информацию по кибернетике. Это были накопления за послевоенные годы разведкой, сделанные по указанию впередсмотрящего Леонида Квасникова и сохраненные в период разгула в стране «антикибернетического мракобесия». Благодаря материалам НТР удалось разрыв в уровне отечественных исследований по сравнению с Западом сократить с пятнадцати до пяти лет.

Итак, начало пятидесятых годов — это «кибернетическая трагедия» для всех отраслей отечественной науки и техники. Время, когда проблема использования плодов кибернетики, казалось бы, была вне поля зрения нашего ученого мира и специалистов-практиков. Но ведь именно мы в 1957 году запустили первый в мире спутник! А это — сплошная телеавтоматика, робототехника и, значит, кибернетика.

Автор вспоминает наставление главы НТР во время единственной встречи с «откровенным разговором» о роли информации разведки для военной техники, которая без специфических конструкций или материалов, известных на

Западе, «не полетит и не поплывет». Так и с кибернетикой — в космос без нее не полетишь?! Но ведь полетели! А это значит, что собственные работы отечественных «подпольных кибернетиков» все же велись и их усилия не пропали даром. И это в то время, когда, как вспоминал один из академиков, в книгах начала пятидесятых годов по теории автоматического регулирования издательские редакторы упорно называли кибернетику лженаукой. А ведь это были первые открытые разговоры о возможности соединения компьютеров с автоматами.

А что же в окружении Акселя Берга? В 1953 году он становится замминистра обороны, отвечающим за развитие военной электроники. Как считают биографы «отца отечественной кибернетики» и ее историографы, примерно в это время совещания по «теме» проводились с одним «но»… Кибернетику называть, не произнося крамольные слова вслух.

Естественно, авиакосмическая тематика работы НТР занимала особое место как наиболее интересующая советскую сторону и наиболее секретная область науки и техники на Западе. Квасников понимал, что в перспективе космос в условиях гонки вооружений и создания ракетно-ядерного щита будет осваиваться Западом в качестве космического базирования военных систем.

И все пятидесятые и начало шестидесятых годов (до ухода от руководства НТР в 1963 году) Квасников интенсивно создавал агентурную сеть по проникновению в «космические» НИИ в США, Англии, Франции, Германии, Канады… Начиная с шестидесятых годов НТР смогла провести масштабные акции по вовлечению ряда специализированных зарубежных компаний в создание спецоборудования для нашей космической программы. Изготовление за рубежом и доставка такого оборудования (объемом подчас во многие тонны) в Союз носила характер уникальных операций. Не менее важны были операции по добыванию граммов необходимого вещества или образцов менее килограмма, без которых космическая аппаратура могла превратиться в кусок обычного металла.

Речь идет о конкретной помощи со стороны наследников Квасникова на «ниве космической разведки» НТР в интересах отечественной космической программы. А это — аппаратура для военных целей, навигационные приборы, жизнеобеспечение космонавтов, имитация условий космоса на Земле.

Разведработа по странам распределялась таким образом: Австрия, Англия, Канада, США, Швеция, Япония. Естественно, при этом широко использовалась работа агентурных групп, одной из которых принадлежит большинство выполненных заданий, приводимых здесь. Вот только некоторые примеры из

оперативной жизни одного из сотрудников НТР в работе по космической тематике (из книги «Записки чернорабочего разведки», 1999):

1963 год. Спутник: личное ознакомление разведчиков с американским первым обитаемым спутником, побывавшим в космосе.

1963–1967 годы. Амберлиты: технология изготовления ионообменных смол для производства твердого ракетного топлива и систем жизнеобеспечения космонавтов.

1965 год. Спецсмазки: образцы хладостойких смазок для гироскопов ракет НАТО и космических навигационных систем.

1966–1967 годы. Центрифуги: поиск и привлечение разработчика-изготовителя центрифуг для подготовки космонавтов и испытания космической техники.

1966 год. Имитатор солнца: добывание образцов специальных ламп для имитации «космического солнца» в земных условиях с целью испытания космической техники.

1966 год. Кондиционер: добывание комплектной документации для создания отечественных установок кондиционирования воздуха по жизнеобеспечению космонавтов и техники на стратегических бомбардировщиках (а также для атомных подводных лодок).

1966–1968 год. Термобаровлагокамеры: организация разработки, изготовления, испытания и скрытая доставка из-за рубежа камер (8, 17, 100 куб. м) для имитации условий глубокого вакуума на Земле с целью подготовки космонавтов и испытания оборудования жизнеобеспечения космических кораблей.

1967 год. Лазерный прицел: добывание образца криостата для лазерного прицела стыковочного узла космических кораблей-грузовиков с орбитальной станцией длительного обитания.

Это только некоторые примеры из семнадцати позиций разведзаданий. Причем собственные конструкторские разработки наших специалистов зачастую по своим параметрам опережали аналогичные работы зарубежных коллег. А «неофициальные» заказы за рубежом через возможности разведки помогали отечественным НИИ и промышленности сократить средства и время при реализации востребованных идей.

Справка. Так вот, о прямой экономии значительных средств. Это случилось с лазерным прицелом. Дело в том, что отечественные прицелы не давали нужной точности при стыковке и «грузовики» сгорали в атмосфере. Задача была решена в кратчайший срок. А экономия? Один запуск «грузовика» обходился в миллион рублей — это без груза,

который он нес (в это время килограмм хлеба стоил 20 копеек, хорошая книга — 1 рубль, а автомобиль — 5000 рублей).

Отработанная еще при Квасникове система НТР эффективно работала в помощь отечественной космической программе и в последующих 70-80-х годах. И в Союз продолжали поступать газоанализаторы для производства твердых ракетных топлив, микропроцессоры для изготовления зеркал имитаторов солнца, безопасный спецтрубопровод для заправки ракет, технологии производства «ткани» скафандра для выхода в открытый космос и сверхтонких фотопленок для спутников-шпионов серии «Космос»…

Как это ни парадоксально, но компании стран-изготовите-лей спецоборудования и технологий для космоса по тайным заказам русских смогли развить новые направления в технологиях их проектирования и создания. Это — термобаровла-гокамеры, сверхтонкие фотопленки, композитные материалы для «ткани» скафандров на основе борных волокон…

Ветераны научно-технической разведки сокрушались по поводу того факта, что действенная, хорошо отмобилизованная, уникальная и универсальная «система НТР», детище идеолога и стратега НТР Леонида Квасникова, была «по просьбе американцев» и при участии псевдодемократов 90-х годов дезорганизована. А ведь «система» — это выстраданный поколениями разведчиков и внедренный в жизнь государственный институт безопасности страны — экономической, а значит, оборонной.

Среди ветеранов ходило весьма любопытное сравнение работы НТР с «троянским конем», который смог подключиться к «трубе промышленного шпионажа» компаний ведущих в индустриальном отношении стран — Японии, Франции, ФРГ, Израиля… И потому с удовлетворением цитировали оценку успехов советской НТР бывшего шефа французской разведки Мариона: ***«…в промышленно-индустриальном шпионаже у КГБ равных нет…»***

Против «запрещающего монстра»

Выступая перед коллегами, заслуженный ветеран, разведчик-ученый Леонид Романович Квасников особо отмечал, что запрещающие санкции Запада в ходе «экономической войны» якобы, по мнению американских политических кругов, служили для советской НТР «серьезной броней» от получения Востоком достижений науки и техники.

Идеолог и стратег НТР подчеркивал, что США и их союзники по непримиримой борьбе с Советской Россией в ходе «холодной войны» в лице КОКОМ якобы создали еще одну «стену секретности», за которую Восточному блоку невозможно проникнуть. Но ведь… проникли! И этим объясняется все, что было связано с успехами советской стороны в освоении научных и технических «богатств» Запада.

Единомышленник идеолога НТР и активный продолжатель его дела Владимир Барковский, историограф этого направления разведки и профессор кафедры разведки Краснознаменного института — «кузницы кадров», особо выделял правомерность и моральное оправдание Советского Союза и соцлагеря проникать в секреты научного и технического характера западных стран. Он говорил с трибуны и в узких беседах об особенностях в деятельности нашей НТР в послевоенных условиях, когда наша страна была объявлена «империей зла», доводил мысль о судьбоносной роли разведки до пафосного звучания: «Быть или не быть Отечеству?!» И его образное определение нашего противостояния НТР западной запрещающей организации КОКОМ звучало как призыв: ***«Если КОКОМ — это броня, то НТР — это снаряд!»***

Леонид Квасников, его коллеги и последователи требовали совершенствовать эту «артиллерийскую» составляющую в работе разведки. Тем более что еще в предвоенные времена существовал обоснованный призыв-напоминание: ***«всемерно усиливать… органы разведки, если страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением»*** (И.В. Сталин). И уже в наши дни речь шла о необходимости напряжения всех сил разведки, которая играет не последнюю роль в условиях «не быть разгромленными…», ибо ***«мы находимся на фронте, где нет перемирия и передышек, где борьба идет с довольно большим накалом… Воевать на таком фронте нелегко…»*** (Ю.В. Андропов, председатель КГБ и будущий глава Советского государства. 1978).

Еще в 60-80-е годы Леонид Квасников и его

единомышленники с коллективом «энтузиастов от НТР» довели советское сопротивление КОКОМ до уровня, когда Запад вынужден был признать, что ***«у промышленного шпионажа Советов нет такой задачи, которую она не была в состоянии решить…»***

(Примечание. Бытует такой то ли миф, то ли быль: в один из юбилейных дней в штаб-квартире ФБР США его сотрудники, как это принято при таких торжествах, восхваляли свои успехи в «борьбе с Советами». Президент Рейган, автор пресловутого ярлыка — «империя зла», якобы спросил собравшихся: *«Вы молодцы, но почему их космический челнок „Буран“ так похож на наш „Шаттл“?»*).

Слово о КОКОМ. «Действие равно противодействию» — этот известный закон физики получил реальное развитие в области государственных отношений на международной арене. Государственная политика Запада во главе с США и большая группа привлеченных стран, ее поддерживающих, встретили решительное неприятие этого «закона силы» в вопросах запретных санкций против стран Восточного блока.

В оборонный комплекс Союза входило около тысячи научных, исследовательских и производственных предприятий различных министерств и ведомств. На них трудились миллионы человек, причем самых лучших и высококвалифицированных кадров страны, от ученого до рабочего.

Серьезной проблемой для «оборонщиков» были крайне малые возможности в обмене научным и техническим опытом с зарубежными коллегами. Легальные пути такого обмена были искусственно ограничены и собственной секретностью работ и запретами КОКОМ. И тогда мировая научно-техническая революция породила такое явление, как промышленный шпионаж (ПШ), а запреты по линии КОКОМ вынудили нашу страну создать действенную систему НТР.

Издревле мир взял «привычку» проникать в скрываемые секреты в области технических и научных достижений, особенно когда речь идет о более совершенном оружии. Американские корпорации и их, казалось бы, промышленные партнеры по блоку НАТО усердно скрывают друг от друга новейшие разработки. Известно, что и англичане, и французы, и израильтяне, и… сами американцы время от времени оказываются в щекотливом положении, когда они «заглядывают» в секреты чужих НИИ и промышленного производства друг друга.

Случились так, что ход научного прогресса существует в

странах капитала и соцстранах в виде двух нетрадиционных ипостасей: ПШ и НТР. Первая — «промышленный шпионаж», что означает: недобросовестная конкуренция, экономия средств, обогащение и прибыли. А научно-техническая разведка — это экономическая и оборонная безопасность страны, «взлом» навязанного Западом эмбарго на достижения в области науки и техники, а также экономия средств.

Дело дошло до того, что стойкий союзник по многим направлениям Штатов — Страна восходящего солнца — на государственном уровне имеет службу ПШ и… не имеет закона о его запрете. Более того, «восточное чудо» в лице Японии засияло над миром вскоре после войны именно потому, что информацию, получаемую за счет ПШ, японские «умельцы» столь успешно совершенствовали, что стали наступать на пятки западным титанам от науки и техники.

Нашей стране усиленное эмбарго навязали с первых дней появления «феномена социалистического государства». Трудно не согласиться, что в НТР оказалась вынужденной мерой для борьбы за выживание с их послевоенной КОКОМ и встала на путь решительной борьбы со всеми мерами, тормозящими научно-технический прогресс в странах Восточного блока.

Ведущую роль в КОКОМ, естественно, играли США. Но союзники Америки в рамках этой зловещей организации не были единодушны в вопросе «запретных санкций». Европейские страны считали, что Вашингтон создал в своих интересах эту проамериканскую организацию для защиты интересов собственных компаний и доминирования над миром с позиции транснациональных корпораций, а это рынки в Западной Европе, Юго-Восточной Азии, Японии…

Зародившейся в умах американских чиновников КОКОМ представляла интересы американских промышленников, а отнюдь не всех членов этого «запрещающего монстра» из остальных семнадцати стран и поддерживающих ее государств по всему миру. Можно сказать, что эта организация появилась не по доброй воле, а фактически была насильственно сколочена!

Справка. Американцы «заморозили» контракты Франции с СССР, например, в области поставки в нашу страну новых совершенных систем связи (потеря французов составила миллиард долларов!). А по другим проектам только Франция по вине КОКОМ потеряла прибыль в размере более двадцати миллиардов долларов.

В начале 80-х **годов под флагом запрета КОКОМ американская администрация сорвала «контракт века» на**

строительство газопровода из Союза в Западную Европу. Тогда был объявлен запрет на вывоз из Европы в Союз труб диаметром 1200 миллиметров под предлогом того, что они могут быть использованы в качестве… корпусов для межконтинентальных ракет. А компрессоры для перекачки газа — в качестве двигателей для стратегических бомбардировщиков! Но ведь к этому времени и наши ракеты уже вышли в космос, и бомбардировщики летали… И вот парадокс: мы и трубы, и компрессоры стали производить сами! Хотя в строительстве трубопровода все же время было потеряно. А в чем парадокс: в этом случае КОКОМ выступила в роли «двигателя технического прогресса» в Стране Советов…

Это примеры из жизни только Франции и нескольких стран Европы в отношениях с СССР. Но нет-нет да и появляются серьезные факты о ПШ Франции против ФРГ, Израиля против США (атомные проблемы), Японии против всех ведущих в мире индустриальных стран. Шпионажу подвержены фактически все основные отрасли промышленного производства — авиация, электроника, все стороны машиностроения…

И наступил своеобразный «звездный час» советской НТР… Недовольство протекционизмом по отношению к своим заокеанским компаниям со стороны американских представителей в КОКОМ стало серьезной и реальной основой, позволившей нашим «добывающим ведомствам» решать задачи в обход многогранных запретов этого «запрещающего монстра». Фактически получилось так, что в «стене запретов» нашлись вполне существенные «трещины-лазейки» для нашей НТР и ее «дочерних» разведок из соцстран. Успешную деятельность советской НТР против КОКОМ, видимо, не подозревая об этом, подтвердила американская газета «Вашингтон пост». В одном из выпусков 1969 года сообщалось следующее: ***«…большая часть из 1200 наименований, включенных в списки запрещенных КОКОМ товаров, имеется в наличии в других странах».***

Это противостояние длилось уже не один год (КОКОМ была создана в 1951 году), и фронт борьбы с этим «монстром» в штаб-квартире НТР возглавлял Леонид Квасников. Трамплином для проникновения через якобы существующую «стену секретности» КОКОМ стали «третьи страны».

Штаб-квартира НТР в здании на площади Дзержинского… Это здание видело много событий, и среди них — уникальное и стремительное расширение НТР: от группы в три человека в канун войны с Германией до тридцати — в победном сорок пятом

и много-много больше — к началу восьмидесятых. Недаром десятилетиями в среде чекистов, причем вполне оправданно, бытовала молва — то ли шутка, то ли быль: мол, экономический эффект, который ежегодно Отечеству давала эта «ветвь» госбезопасности, исчисляется миллиардами и позволяет окупить содержание и НТР, и всей разведки, и самого КГБ…

Справка. Точные сведения в суммах «доходов» от НТР, вероятно, знали «гвардейцы Квасникова» — его ближайшие единомышленники. Но даже на факультете НТР Краснознаменного института в кругу своих коллег и патриотов этой уникальной службы бывший многолетний заместитель Квасникова по этому вопросу не проговорился. Но, смеясь, отвечал: «Во всякой шутке есть доля правды»! Уже в новом столетии бывший глава разведки и КГБ Владимир Крючков заметил в своих воспоминаниях, что *«научно-техническая разведка была самая рентабельная организация страны».*

Масштабная разработка стратегии и тактики проникновения за «стену секретности» КОКОМ в интересах обороноспособности страны и ее народного хозяйства — это еще один подвиг идеолога НТР, разведчика-ученого Леонида Романовича Квасникова. В цепочке «атом — кибернетика — ракетно-ядерный щит», эффективно «окучиваемой» силами и средствами НТР в 50-60-х годах, после вынужденного ухода Квасникова от дел добавилось еще одно стремительно расширяющееся звено — космическое.

«Гвардейцы Квасникова», приняв эстафету, начатую в канун запуска первого спутника и полета первого космонавта, шаг за шагом помогали осваивать «советский космос». А он, космос, — серьезная опора в обороне нашего государства.

Из истории борьбы НТР с КОКОМ. Разведывательные задачи НТР были сформулированы в документах «триады» советской власти — ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР. Они сводились к требованию добывания актуальной, секретной и документальной информации о тенденциях развития, новых достижениях науки и техники, технологии производства на Западе, в первую очередь, для оборонных целей.

Невидимая часть айсберга холодной войны породила такие явления, как «психологическая» и «экономическая» войны, обострив до предела их эффективный инструмент — разведку. Одна из «дочерей» холодной войны, «экономическая», создала беспрецедентные в истории отношений между нациями запреты

на использование достижений в области науки и техники. Фактически Советский Союз пытались отлучить от научных и технических достижений мировой системы разделения труда, и это в условиях всесторонне разрастающейся научно-технической революции, стремительного научно-технического прогресса и военно-технической революции, порожденной двумя мировыми войнами.

Строжайшие эмбарго было наложено на продажу передовых технологий в страны Восточного блока. США вовлекли в систему КОКОМ десятки государств на всех континентах.

Справка. В реальности сегодняшняя система санкций против капитализированной России была «изобретена» еще в первые годы появления «государства нового типа» — социалистического. И санкции, это орудие запретов, стали не столько «барьером» против «большевистской Страны Советов», сколько узаконенной Западом нормой в попытках ликвидации тысячелетней российской государственности как таковой. И как показало время — бессильной мерой.

Шестидесятые годы явились демонстрацией триумфа Леонида Романовича Квасникова, талантливого и неповторимого разведчика-ученого, идеолога и стратега, вдохновителя и яркого организатора десятилетий работы НТР на довоенных, военных и послевоенных рубежах защиты нашего Отечества специфическими силами и средствами разведки.

Если КОКОМ — это «система» Запада против Востока, то советская НТР — это «орудие взлома» строгого эмбарго на поставку в Советскую Россию передовых технологий так называемого двойного назначения, то есть для мирных и военных целей. То есть в реальности всеобъемлющая деятельность Комиссии нейтрализовалась эффективной работой НТР госбезопасности и ее «сородичами» в военной разведке и других «добывающих ведомствах» страны.

Разведчики «гвардии Квасникова» в 50-60-е годы и после его вынужденного отлучения от НТР (1963) были активными участниками оказания конкретной помощи в процессе оборонного строительства Отечества, ибо гонка вооружений высветила проблему необходимости поддержания Востоком паритета в области западного оружия массового поражения.

Как и в недавнем советском прошлом сегодня, как «свет далекой звезды», наследие «гвардейцев Квасникова» все еще ориентирует нашу НТР на достижение передовых рубежей в делах научно-технической разведки. И хотелось бы верить, что она и

сегодня, после оголтелой «капитализации» бывшей могучей Страны Советов, является полезной в вопросах укрепления оборонной мощи страны.

Наступательная тактика, столь традиционная форма деяний НТР, в руках ее идеолога и стратега материализовывалась прежде всего его шагами на пути активного противодействия запретным санкциям на пути к передовой мысли в мировом развитии науки и техники.

А пока общеизвестен факт: «снаряд НТР» побеждал «броню КОКОМ» все последующие «после Квасникова» десятилетия. И как ни печально, но сегодня существует еще одно обстоятельство: в силу стремительной и «дикой капитализации» России после событий 1991 года НТР с ее отечественными наработками советского времени все же серьезно пострадала. Почему так? Сегодня трудно не думать, что в «делах НТР» не потеряно главное — дух «гвардейцев Квасникова» в борьбе за выживание Отечества. Это не домыслы, а реалии сегодняшнего дня в условиях двадцатилетней деидеологизации, деполитизации, департизации и… депатриотизации, навязанных «сверху» псевдолибералами, еще недавно стоявшими у власти. Они, псевдодемократы, заронили в сердца новых поколений наших граждан, а значит и разведчиков, сомнение в необходимости и способности быть преданными Отечеству до самопожертвования. Как ни печально, но об этом говорят серьезные просчеты в профессионально-патриотической подготовке кадров разведки.

«Кузница кадров» НТР

Эпиграфом к этому разделу рукописи можно было бы поместить, правда с поправкой на сегодняшний день, замечание из рукописи «Разведчик атомного века» о Герое России Владимире Барковском: ***«В условиях начала пятидесятых годов НТР смогла сохранить свой кадровый потенциал и выйти на путь работы по содействию отечественной военной промышленности в создании ракетно-ядерного щита страны».***

В 1969 году была настолько очевидна многогранная полезность Отечеству научно-технической разведки, что решением правительственных органов в Краснознаменном институте КГБ был создан специальный факультет НТР. Его возглавил соратник Леонида Квасникова, разведчик-атомщик еще со времен войны и будущий Герой России

Анатолий Антонович Яцков. Наладив мощный «кадровый поток» для нужд НТР, и не только в рамках госбезопасности, в начале трагических 90-х годов факультет прекратил существование. Этот действенный, хорошо отлаженный, уникальный и универсальный факультет через тридцать лет «по просьбе американских советников» при президенте Борисе Непредсказуемом был расформирован, а его кадры с огромным опытом почти в полном составе из стен института были изгнаны.

Правда, сама «система НТР» в стенах разведки устояла. Думается, в этом была заслуга главы разведки, ставшей СВР России — Службой внешней разведки, Евгения Максимовича Примакова, человека высокого государственного полета с редкой прозорливостью.

Леонид Романович Квасников не проходил подготовку в «кузнице кадров» разведки — ШОН, РАШ, ВРШ. Но в последние годы своего руководства НТР и, будучи консультантом при начальнике разведки, смог подготовить условия и убедить руководство разведки выйти с предложением в правительство о необходимости готовить кадры на факультете Школы по особой учебной программе, свойственной специфике работы этого направления разведки. Правда, это случилось, когда Высшая разведывательная школа (Школа 101) была преобразована в институтского уровня разведывательного профиля учебное заведение КГБ.

Институт был сформирован в 1968 году, а через год, покинув штаб-квартиру НТР, «досрочно», профессором основной (разведывательной) кафедры с богатым опытом работы на «разведывательном поле» по обе стороны Атлантики пришел

ближайший коллега Леонида Квасникова — Владимир Барковский.

Конечно, Владимир Борисович перешел в Институт неспроста — его «ушли» туда ревнивые начальники, ибо такой опыт работы за рубежом и в Центре в интересах НТР в среде сотрудников имели единицы. А ведь ему было всего пятьдесят шесть лет.

Но и нельзя сказать, что Барковский тяготился, работая в стенах КИ. Добровольный опыт преподавания для него начинался сразу после успешной оперативной работы в воюющей Англии. Тогда он наведывался в Школу разведки в качестве «преподавателя из Центра». Коллеги по Школе и слушатели вспоминали о нем, как «об импозантном молодом красивом человеке с трубкой, вызывающим симпатию».

Впечатление о личности Барковского-«лектора-из-центра» (1947–1948) оставил секретарь парторганизации РАШ и будущий начальник штаба Михаил Константинович Грачев: ***«Он разительно отличался быстрым умом и реакцией, отличной речью. Умел овладеть аудиторией, зажечь ее; вызывал уважение к себе и доверие к тому, о чем говорил… Прекрасный лектор…»***

И действительно, придя в стены уже ВРШ — Высшей разведывательной школы (1954–1956), а потом многие годы работая со слушателями в КИ (1969–1993), он вел все виды занятий. Его лекции не были со знаком «моно» (от слова «монотонно»), а в виде многогранного рассмотрения факторов из теории и практики разведывательного опыта. Все говорило о его подвижническом отношении в делах по подготовке молодых кадров и слушателей на переподготовке.

Подвижничество? Трудно, казалось бы, поддающееся качественному определению явление. Но об этом свидетельствуют «заметки на полях» в рукописях Владимира Борисовича — ученого и историографа, которые автор данной рукописи свел к следующему: «***Каждая встреча будущего разведчика с ветераном — это передача опыта, опыта, опыта. Но не только. Это и мощное влияние личности ветерана на будущего профессионала. Патриотическая убежденность ветерана в правоте и правомерности разведывательного дела доминирует на всех видах занятий и встреч…»***

Единомышленник идеолога НТР Барковский, как теоретик на кафедре разведки в должности замначальника и в последующем — профессора, смог включить в основу преподаваемого предмета две животрепещущие темы — проблема мастерства разведчиков и человеческого фактора в их работе.

Речь идет об учете в процессе привлечения к сотрудничеству

с разведкой личности обоснованного значения человеческого фактора. Он начал развивать эту тему с американцев. Так, в стенах Института появилась его диссертация об особенностях американского национального характера. В ее структуре — схема «карта мира американцев» — семья, родственники, сослуживцы, друзья, спутники увлечений, коллеги (по профессии, работе, учебе…). Но почему именно американцы? К этому времени директива штаб-квартиры разведки госбезопасности переориентировала работу своих подразделений на новую группу «главных противников» — США, НАТО, Китай.

И вот теперь, с позиции времени, как охарактеризовать многолетний творческий исследовательский труд разведчика-профессора-ученого-историографа? Если одним словом — то трудоголик! Ему принадлежит 35 работ (более 3000 страниц текста!). Таково научное наследие одного из самых «стойких гвардейцев Квасникова», духовная опора которых в разведывательной жизни подпитывала многие сотни «разведчиков от НТР».

БАРКОВСКИЙ Владимир Борисович **(1913–2003). Сотрудник внешней разведки госбезопасности. В годы войны — «разведчик общего профиля» и по линии НТР лондонской резидентуры. Имел на связи 17 ценных агентов (1941–1946). Замрезидента по линии НТР (1948–1950) и резидент КГБ (1956–1963) в Нью-Йорке. Работая в центральном аппарате, выезжал с оперативными заданиями в страны Европы. Преподаватель, заместитель начальника кафедры разведки, профессор в ВРШ-КИ-АВР (1947–1948, 1954–1956, 1969–1993). Историограф НТР советского периода (1984–2001). Награжден шестью орденами. Почетный сотрудник госбезопасности. Присвоено звание Героя России (1996).**

Идеолог и стратег научно-технической разведки Леонид Романович Квасников был призван в разведку госбезопасности в канун войны и шел в нее неохотно. К этому времени он был уже инженером, успешно внедрившим в военное производство несколько своих рационализаторских наработок. И еще — он аспирант МИХМа, но своей научной работы не подготовил…

Но ему по праву, причем в существующей реальности, могло быть присвоено звание как минимум доктора наук. Ну хотя бы «по совокупности» сделанного в делах научно-технической разведки и ее конкретной многолетней эффективности в интересах Отечества.

Этот душевный порыв автора рукописи в отношении

талантливого разведчика-ученого направлен на формально существующую несправедливость в оценке ученых заслуг идеолога и стратега судьбоносного для Отечества явления, каким общепризнанно являются деяния научно-технической разведки с довоенных времен, в годы Отечественной и «холодной» войны.

Две судьбы: два разведчика-ученых, признанных легендарными, уникальными и талантливыми, два Героя России, но столь по-разному оцененные в научном мире. Конечно, если бы Леонид Романович Квасников пришел в стены ВРШ, и Института, то еще тридцать лет мог бы быть сверхполезным делу не только НТР, но и разведки в целом. Но…

Не исключено, что Квасников, решительный и требовательный боец на тайном фронте, не вписался в «систему советников» при главе разведки госбезопасности. Более того, случилось так, что уже в конце семидесятых годов его перестали приглашать на встречи с молодым поколением разведчиков.

Так, в один из торжественных дней Леонид Романович выступил перед слушательской аудиторией с некоторой долей критики положения дел в разведке. И этого было достаточно, чтобы оградить ветерана от встреч с новым поколением разведчиков (кстати, после начала девяностых практика отстранения ветеранов от встреч со слушателями стала нормой, ибо старое поколение, видимо, раздражало своей компетентностью).

По-иному сложилась судьба Владимира Барковского. Одновременно с его приходом на кафедру разведки Института, здесь начал свою плодотворную работу факультет НТР — детище и Квасникова, и Барковского, и Яцкова. Анатолий Антонович возглавил факультет и более полутора десятков лет отправлял на «разведывательное поле» сотни разведчиков. Он был из тех «атомных разведчиков», кто взошел на пьедестал Героев России.

Именно для тех, кто через годы подготовки на факультете НТР будет представлять ее интересы в резидентурах по всему миру, ученый-историограф Барковский определил место этого направления разведки госбезопасности в жизни нашего Отечества и вне его с государственных позиций: ***«НТР можно рассматривать как особое социальное явление, глубоко коренящееся в потребностях обеспечения национальной безопасности и геополитических интересов государства».***

Будучи стойким последователем Леонида Квасникова, творца этого специфического направления разведки, Барковский подчеркивал, что «***формы организации НТР, а также достигаемых ею результатов не афишируются и остаются известными лишь ограниченному кругу компетентных лиц».***

О роли кадров НТР говорил бывший начальник разведки и глава КГБ Владимир Крючков (2004): ***«…мои предшественники по линии этой разведки проделали огромную работу и создали такую кадровую базу, которые позволили нам решать задачи просто удивительного свойства…»*** Так он оценивал работу НТР с позиции государственных и партийных органов страны, имея в виду весь период ее существования (с 1925 года). Хотя в разведку Крючков пришел лишь в 1974 году, но почти полтора десятка лет ее успешно возглавлял (1974–1788) — и ему была прекрасно известна роль НТР в жизни страны. Правительственные органы всемерно укрепляли ее, особенно в послевоенный период, в условиях развернутой «холодной войны» с конечной целью Запада ликвидировать российскую государственность как таковую. И генерал был одним из тех, кто лично патронировал работу и самой НТР, и ее факультета, открывая «зеленую улицу» всем их начинаниям. А их было немало; в частности, разработка структурно-логической схемы учебного процесса, применительно к специфике работы ее кадров по линии научно-технической разведки. А это — тематический план, насыщение всех видов занятий учебными пособиями, включая средства наглядности — плакаты, видеофильмы… И еще — дипломные работы по линии основной дисциплины — разведывательной.

И Леониду Квасникову, и Владимиру Барковскому, и Анатолию Яцкову, и их многочисленным коллегам «по учебному цеху» было чем гордиться. «Всепроникающий снаряд НТР» успешно работал в лице подготовленных ими кадров в интересах всех многогранных сторон советской экономики. А все потому, что с подачи Квасникова Барковский и Яцков смогли обеспечить условия нормальной работы родного факультета в течение 1969–1993 гг.

Позднее Владимир Барковский, уже в роли историографа НТР, говорил с юбилейной трибуны об усилиях «гвардейцев Квасникова» на преподавательском поприще: ***«…эти до недавнего времени кадровые сотрудники НТР, за рубежом, в Центре и в ведомствах прикрытия при работе с территории Союза привносили дух оптимизма и глубокую уверенность в правоту дела чекистов-разведчиков в глазах слушателей».***

Ветеран, разведчик-ученый Леонид Квасников при встречах с молодыми кадрами вместе со своими единомышленниками внушал весьма значимую мысль: разведка — это одна из лучших профессий, где личность каждого может реализовывать свои способности в интересах Отечества.

К началу 80-х годов на факультете НТР сложился коллектив энтузиастов-единомышленников из «гвардии Квасникова» во

главе с разведчиками-атомщиками Яцковым и Барковским. Как шутили, с долей правды, на традиционном факультетском чаепитии: сотрудники факультета имели общий коллективный стаж службы в НТР более чем в 300 лет, из которых значительная доля приходится на работу в «кузнице кадров».

***ЯЦКОВ Анатолий Антонович* (1913–1993). Родом из Одесской губернии. Окончил московский полиграфический институт (1937). Во внешней разведке с 1939 года, в США (1941–1946): работал по линии НТР, в том числе активно по атомной проблематике; во Франции (1946–1949). Длительное время — в ГДР на направлении НТР. Руководящий сотрудник НТР в Центре (1963–1968). Начальник факультета НТР в Краснознаменном институте КГБ (1969–1985). Награжден четырьмя орденами, почетный сотрудник госбезопасности. Герой России в 1996 году (посмертно).**

А особенности в подготовке? Это не только занятия в аудиториях, классах и городе, но и обширные средства наглядности. Ведь слушатели имели в основном техническую подготовку — инженерную, для которых чертеж, схема, таблица, график, плакат — родная стихия. И еще — системный подход, столь свойственный инженерному делу и в исканиях ученых.

Но сегодня приведенная выше цитата «генерала» от разведки и госбезопасности звучит как реквием былому могуществу НТР. Ведь факультет, это специфическое «детище» будущих Героев России, выдержав проверку временем на эффективность подготовки кадров для НТР и других подразделений КГБ, был ликвидирован после событий августа 1991 года. И случилось это под нажимом своих и «либералов из-за бугра» на радость тем, кто грезит не одно столетие о полной ликвидации российской государственности путем ее дезорганизации и превращения в сырьевой придаток «сильных мира сего» на Западе.

Вот почему незадолго до своей кончины главный «гвардеец Квасникова» Владимир Барковский не раз возвращался, без сомнения, к трагическому факту в истории с НТР. Как он говорил, «позорной для государства расправы с научно-технической разведкой». Ветеран говорил, что ***«теперь едва ли найдется сила, которая вытащит страну из „ямы отставания“ в науке и технике. Такого, как это было с успехом в атомной проблематике и кибернетике, уже не будет…»*** Говорил это ветеран с глубокой горечью. Следуя заветам Леонида Квасникова, историограф Владимир Барковский пророчески призывал тех, кто в Институте входил в ветеранскую когорту «гвардейцев

Квасникова»: ***«…в общении с ветераном молодой разведчик впитывает в себя подвижническое начало на труднейшем поприще среди профессий, именуемом разведывательной работой. Профессии, где порой и один в поле воин!»***

К сожалению, как это случается в вузах, этот уникальный факультет не станет памятником лучшим «гвардейцам идеолога и стратега НТР». Его уничтожили те, кто в смутное время грязного потока вседозволенности не смог подняться до высот государственного уровня в вопросе судьбоносной полезности научно-технической разведки для нужд экономической и оборонной мощи Отечества.

Случилось невероятное — в начале 90-х годов руководство Института преступило грань здравомыслия, совершив три действия: во-первых, ликвидировали факультет НТР с двадцатипятилетним опытом подготовки кадров; во-вторых, разогнали уникальные кадры еще «квасниковской закалки»; в-третьих, уничтожили специальные учебные пособия (29 видов) по специфике подготовки кадров НТР. Причем, как это ни парадоксально, не оставив даже ни одного экземпляра в секретном архиве… И произошло это «варварство» на пороге нового столетия в самом, казалось бы, передовом и столь нужном государству ведомстве — Краснознаменном институте, ставшим в одночасье

Академией, но потерявшей в своем титуле орден Красного знамени и имя Ю.В. Андропова.

Хочется повториться: факультет НТР, как важная часть подготовки кадров разведки значительной группой «гвардейцев», двадцать пять лет готовил, духовно обогащал и благословлял на ратный труд «бойцов невидимого фронта». И делали они это из лично выстраданной ими государственной позиции, а она гласит: ***«разведка НТР встроена в систему госбезопасности нашего Отечества — экономическую и оборонную».***

Не один год Леонид Романович опирался в своей работе в штаб-квартире НТР на двух своих заместителей — ярких личностей, профессионалов с творческой жилкой и весьма значительным оперативным и организационным опытом. Это были глубоко уважаемые в среде коллег Валентин Васильевич Рябов и Владимир Борисович Барковский. Оба прошли серьезную школу работы за рубежом и оба стояли у истоков послевоенного расширения усилий НТР во главе со своим старшим коллегой-провидцем Леонидом Квасниковым в борьбе с запретными санкциями Запада на достижения в науке и технике.

Слово о выдающихся «гвардейцах»

Нельзя не упомянуть еще об одном уникальном явлении в «ученой биографии» Барковского. Речь идет об особом научном труде Владимира Борисовича — это вопрос значения «человеческого фактора» в профессиональной деятельности разведки и разведчиков.

В девяностых годах Владимир Барковский, кандидат наук, почетный профессор Академии внешней разведки и Герой России, закончил любопытнейшее исследование по… этике разведывательной деятельности. Недоумевали, что это — обзор или монография, трактат или эссе?! Одно несомненно: этот труд стал «лебединой песней» ветерана, ибо он вторгался, казалось бы, в область ранее никем не затрагиваемую, как ученый, конечно.

С высоты своего жизненного опыта — гражданина, офицера и профессионала, приближаясь к своему девяностолетию, Владимир Борисович имел моральное право высказаться по этому «щепетильному» вопросу. Ибо сама суть разведки, как считается или как видится в глазах «толпы», аморальна, а значит, якобы несовместима с общепринятыми этическими нормами?

Но и собственные дела разведчика Барковского, и его коллег во главе с идеологом НТР Квасниковым, и личное профессиональное отношение с иностранцами-«помощниками» говорят об обратном (ниже будут приведены высказывания «сознательного интеллектуала», длительное время сотрудничавшего с советской разведкой). Почему — Барковский? Ну кому, как не ему, высказаться по этому вопросу, с его-то опытом — и жизненным и оперативным…

Он имел право высказаться. Это право он приобрел за десятилетия совместной работы в коллективах на двух континентах, в штаб-квартире разведки, а главное, его учителями и коллегами были «гвардейцы Квасникова». Не могла научно-техническая разведка достичь таких высот в своей эффективности, если бы «триада человеческого фактора» не была принята во внимание. А это — система отношений в коллективе разведчиков (1), с их источниками информации (2) и, конечно, с собственным внутренним сознанием (3). Итак, «коллектив» — «источники» — «сознание».

(Прим. авт. Вот как трактует понятие «этика» Словарь русского языка АН СССР, 1984 год: «Норма поведения, мораль человека какого-нибудь класса, общественной или профессиональной группы».)

Это право Барковский «подсмотрел» в своих коллективах

«ликуя и скорбя»! Три атомных разведчика — Леонид Квасников, Анатолий Антонович Яцков и Владимир Барковский — неоднократно оказывались свидетелями несправедливостей в отношении их талантливых коллег. «Система» десятилетиями не прощала грехи, будь они настоящими либо мнимыми, не утруждая себя памятью о былых заслугах.

После войны оказался отстранен от дел разведки Павел Михайлович Фитин, возглавлявший разведку с довоенного времени и всю войну, без пенсии. В 1953 году уволен заместитель начальника разведки Гайк Овакимян и начальник отделения НТР Семен Семенов. Причина? Речь, вернее всего, шла о «пятом пункте» анкеты, национальности. И еще по всем этическим нормам оказался сознательно «забытым» ценнейший источник информации в «атомных делах» — Клаус Фукс.

Справка. Драматически сложилась судьба «Твена» — подполковника Семена Марковича Семенова. После США (имел орден) он был послан в Париж, где не сработался с резидентом. Во Франции он получил еще один орден, но, как вспоминали, был донос одного сотрудника торгпредства («чистого», но бдительного) о якобы «неположенных разговорах» и поведении Семенова. Пасквиль попал на благодатную почву: шел 1952 год с его «делом врачей». И это — штрих в вопросе об этике…

Почему такое внимание автора к этим двум личностям — разведчику Семенову и носителю информации Фуксу? Они по своему местоположению в системе НТР уникальны и ценны своим участием во взломе «стены секретности» в американском атомном проекте «Манхэттен», а значит, по участию в появлении не только атомной бомбы, но и эпохи атома в целом. Естественно, встает вопрос о причастности этих двух талантливых личностей к «гвардии Квасникова». А к ним правомерно причислять всех, кто «зримо или незримо» работал «на поле НТР» в рядах близкого окружения идеолога НТР или в резидентурах, в штаб-квартире разведки либо в числе ценных носителей информации… Но и Семенов, и Фукс были лично известны Квасникову!

(Был еще, как ни странно, и личный интерес автора к его будущему коллеге по разведке — Семену Марковичу Семенову. В шестнадцать лет, в 1950 году, автор был прикован к больничной койке тяжелым недугом — туберкулезом тазобедренного сустава. Готовилась операция, после которой — очень серьезная хромота и инвалидность. Сто двадцать уколов пенициллина спасли ногу и подарили

автору интереснейшую жизнь в сорте и аэроклубе, флотского инженера морской артиллерии, военного контрразведчика и разведчика «на поле НТР», преподавателя в «кузнице кадров разведки», на ниве историка спецслужб и писателя… Правда, об этой незримой помощи автор узнал только многие десятилетия спустя. А затем, вместе со своими коллегами, выводил «Замечательного Твена» из забвения…) Насколько объективен был автор в отношении судьбы Семенова, расскажут следующие страницы.

Слово о Семене Семенове. Во-первых — все же, был ли Семенов «гвардейцем Квасникова»? Был, хотя и начал работать по линии НТР еще до прихода в нее Леонида Романовича.

В обширном издании, книге энциклопедического характера «Разведка Великой Отечественной» (2010), разведчик Семенов упоминается неоднократно.

СЕМЕНОВ **награжден орденами за работу в США и Франции. Две статьи о его работе: «Разведчик-студент в Америке» и «США: цена — тысяча жизней солдат». В США он успешно закончил Массачусетский технический институт. Затем остался в стране для работы в «Амторге» — американо-советской фирме.**

Разведчик ИНО ОГПУ Семенов за годы учебы в вузе оброс связями из среды научной и технической интеллигенции Америки. Он изучил десятки из них в оперативном плане и около двадцати привлек к работе на Советский Союз. В основе сотрудничества лежали симпатии этих американцев к Советской России как государству нового типа, прокоммунистические воззрения и антифашистские настроения.

И вот 1942 год. Будучи в Москве, Василий Михайлович Зарубин, новый руководитель «легальной» резидентуры в Нью-Йорке, был много наслышан об инициативном одессите Семене Семенове, работавшим в Америке с 30-х годов.

Семенов имел обширные связи среди лиц еврейской диаспоры, занимавшихся научными и техническими изысканиями. Характеризуя Семенова, предыдущий резидент подчеркивал, что на этого разведчика можно положиться при решении самых сложных разведзадач. Поэтому начальник внешней разведки Павел Михайлович Фитин поручил Зарубину поставить новое задание именно перед Семеновым.

Нужно было добыть информацию и образец по технологии производства чудодейственного препарата — пенициллина, столь

нужного советским госпиталям и больницам для спасения жизней сотням тысячам раненых на войне. Советская сторона столкнулась с таким фактом: американские союзники были щедры лишь на готовые лекарства, отпуская их ограниченные партии России в кредит. Секреты производства препарата раскрывать для русских они не собирались ни даром, ни за деньги. Но передаваемые партии лекарства были каплей в море для нашего фронта в две тысячи километров. Нужен был штамм очищенного американского пенициллина. Было начало 1942 года, и быстрая наладка производства этого лекарства-антибиотика в Союзе являлась вопросом жизни и смерти тысяч советских солдат, погибавших от заражения крови. Семенов нашел подход к источнику информации — научному работнику фирмы-изготовителя пенициллина. Этого сотрудника Семенов привлек к сотрудничеству и получил от него несколько образцов штамма; бесценный груз ушел в Москву.

Это лишь один эпизод в работе разведчика «Твена»-Семенова, который имел в годы войны своим прикрытием «Амторг» и должность представителя «Совэкспортфильма» (в «Амторге», кстати, под прикрытием «Международной книги» работал с января 1942 по декабрь 1945 года Леонид Квасников, будучи непосредственным начальником «Твена» по линии НТР).

Характерна судьба этого талантливого разведчика в Америке. США тридцатых годов были на пике крупных изысканий, и высокоэрудированный в нескольких областях науки и техники Семенов развернулся на разведывательном поприще во всю мощь своих возможностей. Он просил руководство резидентуры лишь об одном — не регламентировать его рабочий день.

«Твен» вышел на проблему создания и эксплуатации большой плутониевой установки по производству сырья для создания атомной бомбы, и через некоторое время в Москву ушел подробный доклад, материалы и чертежи по проблеме разработки атомного оружия (фирма «Дюпон» и университет). Работая с источниками атомной информации, троих из них он привлек к сотрудничеству с советской разведкой («Элвис», «Аден», Анта»).

Затем был крупный ученый «Тревор», консультант-конструктор с авиационных фирм «Локхид» и «Дуглас» (сверхсекретные сведения о бомбардировщике, истребителе-перехватчике, штурмовике и экспериментальном высотном самолете).

В начале 1941 года резидент в Нью-Йорке, опытный разведчик Гайк Овакимян так аттестовал Семенова: ***«Агентурная разведка — это его призвание. Он умел найти подход к любому человеку…»*** А вот оценка его работы в США после перевода во

Францию: ***«Работая с 1938 по 1944 год в США, майор Семенов проявил себя как один из самых активных работников резидентуры. Практически создал линию научно-технической разведки в предвоенные годы. Он получал ценные материалы от десятков агентов по взрывчатым веществам, радиолокационной технике и авиации…»*** И еще — резолюция начальника разведки Фитина на документе: ***«Способный, инициативный, настойчивый и дисциплинированный работник».***

Коллега Семенова по работе в США Анатолий Яцков вспоминал: ***«Семенов был прирожденный разведчик, умел устанавливать контакты с людьми, совершенно безотказно работал…»***

Но… В 1953 году начальник отделения подполковник Семенов был незаслуженно уволен из органов госбезопасности без пенсии. В это время в МГБ шла чистка от лиц еврейской национальности — шло «дело врачей». Вспомнили Семенову и его увлечение кибернетикой, считавшейся в стране в то время «лженаукой». Сыграл свою роль и поступивший из Парижа донос о якобы его «фривольных разговорах» и поведении. Не помог ему даже блестящий послужной список…

В книге-биографии атомного разведчика, Героя России Владимира Барковского имеются такие слова: ***«…Разведка потеряла (и не только одного его) талантливого и столь нужного для дела „на тайном фронте“ преданного Родине человека, гражданина, а главное — профессионала высшего уровня…»***

Потом был труд в котельной ткацкой фабрики, затем до конца своих дней (1986) он работал переводчиком технической литературы в одном из московских издательств. Лишь с приходом к руководству КГБ Ю.В. Андропова была восстановлена справедливость и персональная пенсия республиканского значения, выделена квартира.

К чести Яцкова и Барковского, они не оставили своего старого товарища в то лихое время. Чаще помогали добрым словом, участием, а если удавалось, то и материально. Именно им удалось «пробить» асу разведки достойную пенсию…

Этика… Они «пробивали» персональную пенсию Квасникову, «пробивали» путевки в санатории и места в больницах, квартиры всем этим теперь известным или так и неизвестным «бойцам тайного фронта» в военные и мирные дни.

Еще позднее, уже в девяностые годы, в кабинете истории внешней разведки в ее штаб-квартире в Ясенево и на стендах «атомной разведывательной эпопеи» среди ее шести Героев

появился на равных портрет подполковника Семена Марковича Семенова, признанного при жизни асом разведки, но… не Героя России.

В бытность работы за рубежом и в штаб-квартире НТР через руки Леонида Квасникова прошла ценная информация от Клауса Фукса, ценнейшего «атомного агента».

***ФУКС Клаус* (1911–1988). Агент разведки госбезопасности (1941–1950). Выдающийся германский физик-теоретик, бежал из Германии, поданный Британии (с 1941 года). Из идейных соображений предложил сотрудничество советской разведке. В годы войны работал над созданием атомной бомбы в США (1941–1945) и после войны — над ядерным оружием в Англии (1946–1950). Попал под подозрение и вынужден был сознаться о работе на Страну Советов. Не был выдан британским правительством в США, где его ожидал электрический стул. Приговорен к 14 годам заключения, освобожден досрочно (1959). Проживал в ГДР, работал в институте ядерных исследований на руководящих должностях, академик (1959–1988). Официально не был признан в Союзе, как работавший на советскую программу создания атомного и ядерного оружия.**

1949 год ознаменовался концом ядерной монополии США. В августе 1943 года, в начале работ над англо-американским проектом создания атомной бомбы, президент Рузвельт и британский премьер Черчилль подписали секретное соглашение по совместным работам. Один из пунктов соглашения гласил: «Обе державы не будут сообщать информацию по атомной бомбе третьим странам…»

Центр по созданию сверхсекретного оружия с согласия сторон находился в Америке. В соответствии с этим соглашением в составе британской делегации ученых в США вылетел физик Клаус Фукс. Бежав из фашистской Германии, он получил британское подданство; это дало ему возможность иметь доступ к секретным изысканиям, которые велись в Британии в области атомной энергии. Накануне отъезда он передал объемную информацию о ходе работ «над темой» сотруднику советской разведки. Как уже говорилось, Фукс начал сотрудничать с Советами еще в 1941 году, будучи участником антифашистского движения, — причем по собственной инициативе.

Фукс имел феноменальную память и великолепные аналитические способности. На основе предоставленных ему в Британии материалов он сделал вывод о том, что в Германии

ученые, создающие атомное оружие, идут ошибочным путем и успеха не добьются.

Прибытие советского агента в Лос-Аламос — засекреченный исследовательский центр по ядерной проблематике и созданию атомной бомбы (проект «Манхэттен») — значительно расширило возможности нашей НТР по добыванию ценнейшей актуальной информации. В этом центре с практической базой создания атомного оружия трудилось двенадцать нобелевских лауреатов из США и стран Старого Света. Но даже на их фоне Фукс считался выдающимся ученым.

Ему поручали решение самых сложных физико-математических задач. Глава теоретического отдела атомного центра характеризовал Фукса как одного из наиболее ценных сотрудников: «*…**скромный, способный, трудолюбивый, блестящий ученый, внесший вклад в успех программы „Манхэттен“».***

Именно феноменальные способности Фукса открыли ему доступ в двенадцать секций работы над атомным оружием. И это в то время, когда эти секции в целях сохранения секретности работ между собой не общались.

После окончания войны Фукс занимался анализом взрывов атомных бомб, сброшенных американцами на Хиросиму и Нагасаки. Он был привлечен американской стороной к подготовке программы исследований взрывов на атолле Бикини в Тихом океане. Возвратившись в Лондон в 1947 году, Фукс продолжил заниматься ядерной проблематикой.

И в Штатах, и в Англии с Клаусом Фуксом работал разведчик НТР Александр Семенович Феклисов. Он встречался с агентом раз в три месяца. Аналитические способности ученого проявились с неожиданной стороны — на одной из первых встреч он сказал Феклисову, что вопросы, присланные из Москвы, свидетельствуют о том, что русские ученые сильно продвинулись вперед в деле создания собственной атомной бомбы… Его предвидение оправдалось: 29 августа 1949 года первая отечественная атомная бомба была взорвана. Она была создана в СССР усилиями ученых, инженеров, специалистов и разведчиков, причем при огромной помощи со стороны Клауса Фукса и других занятых «по теме» источников информации по обе стороны Атлантики.

По заключению специалистов материалы, полученные от источников — ученых-атомщиков, и особенно от Клауса Фукса, позволили советскому ядерному центру сэкономить 250 миллионов рублей и ускорить на десять лет процесс появления в Союзе отечественного ядерного оружия.

Известна угроза первого послевоенного президента Гарри

Трумэна, который в ожидании появления в руках Штатов атомной бомбы говорил: «если бомба взорвется, а это так и будет, то у меня появится хорошая дубинка для этих русских!». «Дубинка», казалось бы, была. Но… Достижение Советского Союза окончательно похоронило монополию США в области ядерного оружия, и после войны Советская Россия не позволила Западу разговаривать с нами с позиции силы.

***ФЕКЛИСОВ Александр Семенович* (1914–2007). Сотрудник внешней разведки госбезопасности (1939–1974). Работал по линии НТР в США и Англии (1941–1946, 1947–1950). Руководитель английского и американского отделов разведки (1950–1960). Резидент КГБ в Вашингтоне (1960–1964), участник разрешения Карибского кризиса (1962). Заместитель начальника ВРШ и КИ (1964–1974). Автор записок разведчика. Присвоено звание Героя России (1996).**

Вот и здесь, в случае «разведка — агент», этика, как важнейший человеческий фактор, дала сбой. Барковский, автор работы по этике разведывательной деятельности, с большой горечью говорил об отношении советской стороны к Фуксу-агенту. Да, Фукс был предан и он признался: с ним работал опытный следователь; он смог убедить его «облегчить душу», основываясь на том факте, что Фукс работал с Советами в обстановке войны и после — будучи убежденным в необходимости ядерного баланса сил. Следователь говорил, что он имел право на такую позицию. Британцы категорически отвергли требование американцев в выдаче Фукса в Штаты, где его, без сомнения, ждала смертная казнь.

Барковский отмечал: забота о Фуксе, когда он стал проживать в ГДР, конечно, была — внимание властей, любимая работа (директор НИИ), дом, семья… Но как друга Советской России и источника ценнейшей информации, даже в условиях родственной нам ГДР, советская разведка Фукса не признавала. И Барковский констатирует: «…***считаю, что в провале Фукса мы сами сыграли какую-то роль, которая привела его к признанию… Суть в ином. Фукс годами работал и жил в тяжелейших условиях. Так случилось, что долгое время мы с ним вообще не общались. Фуксу было не с кем посоветоваться, пожаловаться… Он оставался предан делу… Человека приперли к стене. Не доказательствами — психологически. Сломали и выдавили из Фукса признание…»***

Многолетний куратор агента Клауса Фукса Александр Феклисов вспоминал: ***«Мы надеялись, что вот выйдет Клаус из***

тюрьмы и будет отмечен высокой правительственной наградой. Но этого не произошло… В 1964 году я подал рапорт на имя начальника разведки, в котором просил его ходатайствовать перед правительством о награждении немецкого ученого… Но когда стали говорить об этом с М.В. Келдышем, президентом АН СССР, он заявил: „Делать это нецелесообразно, ибо это принизит заслуги советских ученых в создании ядерного оружия“.

Клаус Фукс приезжал в Москву и с ним встречался Леонид Квасников, который поблагодарил Клауса Фукса за большую помощь Советскому Союзу, рассказал, что руководство нашей разведки через немецких друзей все время следит, чтобы в ГДР у него не было проблем в жизни… Вскоре Квасников ушел на пенсию, произошли и другие изменения в руководстве разведки. О Клаусе Фуксе забыли…» И с глубокой печалью Феклисов пишет в своих воспоминаниях: ***«Клаус Фукс и его друзья в ГДР в течение 30 лет ждали, что Советский Союз признает его заслуги. Но этого не произошло…»***

В 1988 году Клаус Фукс ушел из жизни. И в этом же году, после показа телефильма об участии Фукса в создании советской атомной бомбы, корреспондент спросил бывшего президента АН СССР А.П. Александрова, участника событий, показанных в фильме: действительно ли Фукс помогал СССР? Академик ответил: «***Было что-то. Но в общем это не играло существенной роли».***

А ведь в это время уже состоялся обмен Рудольфа Абеля на пилота Гарри Пауэрса и другие обмены. За рубежом об «атомной дуэли» России со Штатами изданы горы книг, статей… Имя Клауса Фукса широко в них фигурирует. И, по мнению Феклисова, справедливым упреком звучат слова вдовы Клауса Фукса: «***Что же вы так поздно пришли? Клаус так ждал вас, даже думал, что никого из советских товарищей, знавших его, не осталось в живых…»***

Что мог ответить будущий Герой России Александр Феклисов? Ведь ему при визитах в ГДР и визите в Москву было запрещено общаться с искренним другом Советской России! В 1941 году, когда войска вермахта стояли у стен нашей столицы, антифашист Клаус Фукс по своей инициативе стал помогать нашей разведке в появлении атомного оружия. И блестяще делал это десять лет.

Замалчивание успеха Клауса Фукса? Оно разбивается о кредо, четко аргументированное историографом Владимиром Барковским и неоднократно высказанное Леонидом Квасниковым: ***«Каждый делал свое дело!».***

Другие изменения в руководстве разведки? Новое руководство шаг за шагом вытесняло талантливых разведчиков и среди них — «атомных», ибо они раздражали своей высокой компетентностью и подвижническим характером в работе. Так и случилось с «великолепной атомной четверкой», отстраненной от активной разведывательной работы еще до срока выхода на пенсию… Как ни печально, но историограф Барковский осуждал эту отрицательную тенденцию: «… ***главным достоинством в делах НТР стала преемственность в ее работе и еще — в кадрах…»***

Говоря «о времени Квасникова», хотелось бы еще раз отметить, что наряду с кадрами разведки весьма специфический характер носили кадры НТР. Заместители начальника НТР Леонида Квасникова — Владимир Барковский и Валентин Васильевич Рябов привнесли в работу особенности, свойственные кадрам этого направления разведки госбезопасности.

Вот как вспоминает один из молодых коллег в отделе НТР в начале шестидесятых годов о своем общении с Валентином Васильевичем.

Слово об одном из «гвардейцев Квасникова». Валентин Васильевич Рябов имел доброе прозвище «Чудак». Но он был «чудаком-на-которых-держится-мир». Это был «чудак» от разведки — умный, проницательный, профессионально грамотный и доброжелательный по натуре.

Он терпеть не мог ловкачей, неискренних людей и бездельников. Распознавал он их мгновенно и повышал свою требовательность и контроль за ними. В то же время Рябов никогда не отрицал права на ошибку, особенно если шел период становления разведчика. Не особенно утруждающие себя работой «мстили» Валентину Васильевичу, распуская слухи о его мнимых «чудачествах». Но Рябов был глубоко уважаем большинством из сотрудников. А его «чудачества» на самом деле были поисками новых путей решения развед-задач.

Однажды он повесил на двери своего кабинета циферблат часов, где стрелки указывали, когда он вернется в кабинет. «Группе химии» он поставил задачу создания мелков для постановки сигналов при моментальных встречах, тайниковых операций и других операциях по связи с агентурой. И один из них, химик по образованию, изобрел то, что нужно, — цветные мелки, исчезавшие с места их постановки через заданный промежуток времени. А это означало, что мелки испарятся и следящие не обратят внимание, кто следует по одному и тому же маршруту за разведчиком.

Рябов стал первым говорить об отставании советской

разведки в использовании ЭВМ. Живым памятником этому неординарному человеку стало Управление по информационной и научно-исследовательской работе в области разведывательных проблем. Но, как это случается, вложившему душу в дело создания действенной и глобальной АИС (автоматизированной информационной системы) Валентину Васильевичу Рябову рабочего места в ней не нашлось.

Заниматься вопросами компьютерного учета Рябов начал после того, как именем британской королевы спецслужбы отказали ему во въезде на Британские острова. А лондонская резидентура была лишена талантливого руководителя линии НТР, одного из ярких последователей ее идеолога и стратега.

И те, кто работал с Валентином Васильевичем, все еще слышали его характерный голос — смесь баса и фальцета: ***«Думай, парень, о прикрытии, как оно работает на тебя, а значит, на разведку…»***

Ушел из жизни Валентин Васильевич внезапно — от сердечной недостаточности, на шестидесятом году…

Что мог бы добавить к сказанному автор? Через многие годы, уже на факультете НТР в Краснознаменном институте, бывшие коллеги Квасникова-Барковского-Рябова вспоминали о Валентине Васильевиче с большой теплотой. Как он, скрываясь в клубах табачного дыма, сидел за столом, на котором авторучки и карандаши «выглядывали» из пенала со множеством склеенных друг с другом монет из различных стран. И любимый нами «чудак», жестикулируя коричневыми от табака пальцами, призывал нас быть творцами, а не просто исполнителями. И как этот призыв перекликался в душе автора с первой беседой на эту же тему с Леонидом Романовичем Квасниковым…

Вопрос о триаде аспектов этики деятельности «атомных разведчиков» можно, конечно, рассматривать шире, чем деяния только «великолепной четверки». Из разведчиков «их времени» выстраивается целая галерея портретов, и этот ряд бесконечен. Ведь неспроста много статей о «легендарной четверке» начиналось со сравнения их заслуг в ряду таких разведчиков, как Рудольф Абель, Конон Молодый, Ким Филби…

Но почему-то не говорится о заслугах «четверки» в связке с четой разведчиков Василия Михайловича и Елизаветы Юльевны Зарубиных и их дочери-разведчицы Зои Васильевны. А ведь они воевали «на тайном фронте» с ними вместе, по их атомной проблематике.

Вот как оценивалась нравственная и весьма полезная жизнь Зои Васильевны — при жизни возведенной в звание «Достояние республики». В день памяти Василия Зарубина в 2004 году в

стенах Академии внешней разведки перед слушателями и преподавателями она была представлена такими словами: ***«… ветеран войны и разведки до войны была абсолютной чемпионкой СССР по пятиборью; в суровые годы войны забрасывалась в тыл врага в состав спецпартизанского отряда Героя Советского Союза Дмитрия Медведева; как разведчица под прикрытием переводчицы работала на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях глав великих держав, а затем — на Нюрнбергском процессе; многие годы была занята обработкой материалов, добываемых нашей разведкой в США и Англии по американскому атомному проекту. Таков ее двадцатилетний вклад в дело отечественной разведки».***

О Зое Васильевне отзываются как о Королеве синхронного перевода, о созданной ею школе, распространенной по всему миру; она высокого полета педагог, автор образовательных технологий и учебников, организатор международного движения женщин за мир и в развитии педагогики…

Леонид Романович был хорошо знаком с Зоей Васильевной по «атомным делам». Ибо цепочка появления материалов «по теме» на столе у главы советского атомного проекта академика Курчатова выстраивалась таким образом: от источников по обе стороны океана к разведчикам — от штаб-квартиры НТР к Зое Васильевне и затем — к узкому кругу ученых и специалистов во главе с Игорем Васильевичем.

Она была одной из немногих, кого Леонид Квасников «допустил» к материалам «атомного дела». Можно считать, что в полном объеме она первой читала (точнее, разбиралась с «иероглифами для простого человека» в области ядерной физики). И в этом она уподобилась разведчику «Дэну» (Барковскому) в его работе с «атомными агентами» на Британских островах. Они оба осваивали специфику терминологии в силу насущной необходимости. И вот что любопытно: только через десятилетия Барковский узнал о «лингвистическом подвиге» Зои Васильевны.

Справка. Как рассказывала Зоя Васильевна автору и позднее на встречах с ветеранами о своем участии в связке «Квасников-Зарубина-Курчатов» с «атомной документацией», возможно, впервые она испытала профессиональный испуг — боязнь не справиться. Дело в том, что однажды ее привели к самому Лаврентию Берии и тот, передав ей «кучу документов», посадил ее в закрытую комнату, сказав: *«Разберетесь — выпущу! Необходимое здесь,*

справочники и еда». **А бумаги оказались по атомной проблематике… И хотя, говорила Зоя Васильевна,** ***«я знала английский язык с детства и в совершенстве, но документы-то были из области ядерной физики… Я чуть не плакала над формулами…»***

Зоя Васильевна также вспоминала: ***«Однажды ко мне зашел Игорь Васильевич Курчатов, посмотрел на мои записи, хмыкнул и спросил, какую я оценку имела по физике в школе? Мне показалось, что моим „отлично“ он не очень удовлетворился…»***

Идеолог и стратег НТР Леонид Романович Квасников ушел из жизни в 1993 году, а продолжатель и историограф его дела Владимир Борисович через десять лет, в 2003-м, и оба в октябре, но с разницей в один день. Подводя итог своей жизни и судеб коллег «их времени», насыщенного главным — преданностью гражданскому, офицерскому и профессиональному долгу, Владимир Барковский говорил о секрете своего трудового долголетия, отмечая, что вся «его четверка» вошла в восьмидесяти- и девяностолетие: ***«Разведка — это такая сфера деятельности, которая здорово укрепляет память. В условиях экстрима, нервного напряжения, риска профессионал вытаскивает, выжимает из себя все силы и ресурсы. Иногда даже ему неведомые, скрытые. Если это удается, разведчик повышает класс…***

Его мозг постоянно работает, в действии. Когда тут стареть? Истязая себя мыслью, вы удлиняете собственную жизнь. И если уж добрались до каких-то вершин, то приобретенные и используемые интеллект, память, умение спокойно и точно анализировать продлевают ваше активное существование».

Автор около двадцати лет готовил открытые книги-обзоры по истории отечественной разведки госбезопасности. И всегда в них отводилось значительное и почетное место работе научно-технической разведки и ее творцов в советский период жизни российского государства.

Историческая справка. Приятно осознавать, что начиналась отечественная НТР в мирное время — еще в начале XIX века. **О становлении НТР и ее полезности Отечеству в 20-30-е годы говорилось с трибуны конференции в Дубне (1996).**

Но НТР — это только часть всей структуры разведки и «механизма» ее работы. Правда, в системе НТР ее работа

имеет существенную специфику — это использование, в частности, научно и технически грамотных специалистов, нацеленных на добывание информации.

XIX век, **потом XX — довоенные годы, военные, послевоенные… Разведка и НТР неустанно работали. Противники России отслеживали успехи нашей разведки. Суть преемственности в работе разведки по всем направлениям заключается в коротком обобщении в устах директора ЦРУ: *«Эта служба обладает традициями, корни которых уходят в далекое прошлое…»* И еще — его рассуждение *«о лучшей агентурной группе Второй мировой войны»* — Кембриджской пятерке. Или мнение его последователя по линии ЦРУ: *«…нам бы иметь в Москве хотя бы одного такого агента, как Абель…»***

А вот как звучит оценка успехов и ученых, и разведки в «атомном проекте», выделенная крупным курсивом в модном журнале 90-х годов: ***«Информация разведки ускорила работы, а это дало выигрыш во времени. Выигрыш жизненно важный, потому что атомный шпионаж и „холодная война“ в 1950-е годы могли перерасти в войну горячую, атомную. Помощь разведчиков ни в коей мере не умаляет заслуги Игоря Васильевича Курчатова и его сподвижников. В невероятно сложных условиях они сумели в короткие сроки создать атомные щит и меч».***

И сегодня снова и снова хочется отмечать тот факт, что за этой помощью разведчиков труднейшая работа Барковского в воюющей Англии и за океаном, Квасникова, Семенова, Яцкова, Овакимяна, Соколова и супругов-интернационали-стов Коэнов в США, а Феклисова в Штатах и Англии… За всем этим — огромная работа «на разведывательном поле» НТР, организованная усилиями Леонида Квасникова. Работа судьбоносной направленности, для оснащения Отечества ядерным оружием. А риск? Конечно, был и немалый. Так, по следам Яцкова шло ФБР, но ему удалось вовремя «эвакуироваться» за пределы Штатов.

И еще — подвиг супругов Коэнов продолжился по другую сторону океана, в Лондоне. Там в послевоенные годы, под руководством разведчика Бэна (Лонсдейла; Молодого) они добывали информацию по ядерной энергетике для атомных подводных лодок, а значит, для появления над Отечеством ракетно-ядерного щита морского базирования.

Источники советской разведки… На них опирался весь построенный Квасниковым «механизм» поступления ценнейшей информации по пяти операциям работы НТР, связанных с атомом,

авиакосмической проблематикой, кибернетикой-электроникой, мощными ВВ, химбакзащитой и многими другими, столь нужными обороне и хозяйству страны и столь «запрещенными» к появлению на нашей территории.

Об источниках «гвардейцев Квасникова» стоит сказать несколько шире. Все «советское» время они сотрудничали за идею — антифашистскую, коммунистическую и социалистическую. И чем выше ставит человеческие ценности потенциальный источник информации, так называемый «сознательный интеллектуал», готовый за них бороться, тем чаще он обращает свои взоры на Советский Союз, а теперь — на Россию, антипод Америки. Именно такие чувства были у источников нашей НТР в Англии и США, а позднее — еще и в ФРГ, Италии, Франции, у людей «малых европейских стран». Правда, когда после победы над фашизмом началась «экономическая война» против соцслагеря, то в движение был приведен «механизм выгоды» (материальная основа сотрудничества) с нашей научно-технической разведкой. А различные формы и приемы этого «механизма» разрабатывались и материализовывались идеологом и стратегом Квасниковым и его «гвардейцами».

Причем это не всегда были кадровые сотрудники линии НТР, но и разведчики других линий, в поле зрения которых, в силу обстоятельств либо задания, появлялись источники для нужд НТР.

Справка. Ветеранский корпус разведки после событий 1991 года создал уникальную организацию — Ассоциацию ветеранов внешней разведки, и там на «цеховой», страноведческой и основе увлечений появились десятки клубов. Так вот, во всех этих клубах находили место бывшие сотрудники линии НТР. О таких сотрудниках тепло отзывались их коллеги из других линий. Это было связано с тем фактом, что линия «Х» (НТР) «не отбирала» источников информации у тех, кто нашел, подготовил и начал работать, а разведчики линии «Х» сами помогали им работать на этой ниве.

А к основе сотрудничества с советской разведкой в виде «механизма выгоды» в делах с разведкой был подключен источник — деловой человек, которому основы «промышленного шпионажа» были понятны. Это к тому, что «деловые люди» доступны разведчикам любой линии разведки, ибо, не имея лично нужной информации, они имеют способности найти источника.

Как тут не вспомнить о том факте, что последователи «дела Квасникова» и де-юре и де-факто подтвердили вывод западных специалистов: ***«Нет такой технической задачи, которую не в состоянии выполнить научно-техническая разведка Страны Советов!»*** Почему — де-юре? Оно условно закрепляло мнение западных экспертов право на работу советской НТР. Ибо это были особые условия: «***Белый дом, Капитолий и Пентагон считали, что война с Советским Союзом на пороге… Враг — Советский Союз, советская цель — наша миссия»?!***

Но именно Ален Даллес, ярый враг Союза и опытный разведчик, глава ЦРУ, вынужден был отдать должное советской разведке (1965): «… ***за сорок пять лет своего существования этот охватывающий весь мир тайный аппарат накопил огромные знания и опыт. Методы его работы досконально проверены с точки зрения их пригодности для достижения целей СССР в разных регионах мира…»***

Для последователей Леонида Романовича, его недавних заместителей и коллег все же наступил «звездный час». Заложенные ими многочисленные оперативные «находки» отечественной научно-техникой разведки в последующие 70-80-е годы отлично проявили себя. Но пришла беда: этой столь судьбоносной для Отечества миссии «подрезали крылья» на пике ее успехов в конце 80-х и в трагические 90-е годы…

В середине 90-х годов в книгу-воспоминания разведчика Леонида Владимировича Шебаршина («Рука Москвы. Записки начальника советской разведки») были включены «Конспективные замечания», сделанные И.В. Сталиным в конце 1952 года в ходе реформирования военной разведки (в то время она входила в состав МГБ СССР). Наиболее вероятно, что Леонид Квасников мог быть знаком с этими «Замечаниями» крупнейшего политического деятеля. Главная их суть: ***«…не строить работу таким образом, чтобы направить атаку в лоб», «полностью исключить трафарет из разведки», «использовать мировую обстановку», «нельзя быть наивными в разведке»…***

Разве не эти принципиальные позиции (а их было более десяти!) воплощали в жизнь разведчик-ученый и его предшественники и последователи с 30-х годов до середины 80-х? Всей своей оперативной жизнью и он, и его «гвардейцы» подтверждали определенное вождем положение, столь важное для страны: «Разведка — святое, идеальное для нас дело!»

Говоря об этической стороне этого документа, эти «Замечания» по классической мере явно не официальный документ, а больше походит на экспромт-эссе. Но именно в этом его ценностная суть — в искренности, ибо схвачено главное:

надежность всех, участвующих в работе; ***надежность*** в информации, добываемой ими; ***надежность*** в доверии органов власти к ним.

Именно это смог в полной мере материализовать идеолог НТР Леонид Романович Квасников. Именно в этом состоит его патриотический и профессиональный подвиг. Подвиг высокого государственного звучания!

Не случайно в середине 90-х годов возникла серьезная дискуссия со стороны «младофизиков» и «псевдодемократов» о роли разведки в создании ядерного оружия в стране. Возник вопрос о степени и этике оценок: чьих заслуг — ученых или разведчиков — больше в создании первой атомной бомбы в Союзе.

Отдавая должное подвигу советских ученых-атомщиков, свою позицию высказал историограф Владимир Барковский, которому инженерная закваска судьбоносно пригодилась в работе по «русскому атому»: ***«Предпочтение отдавалось инженерам. Открытия, сделанные в тридцатые годы физиками разных стран, подсказывали, что мир вступает на качественно новую ступень научно-технического прогресса. А каждый такой шаг, как свидетельствовала суровая практика человечества, сопровождался созданием новых вооружений».***

В защиту «русского атома» решительно выступил Леонид Квасников: ***«То, что наша бомба была копией американской, — это факт, рядом с которым блекнут все комментарии, суждения и попытки смягчить или не смягчить это… Отрицать важность значения добытой развединформации никак нельзя. Ведь речь идет не о борьбе за начальный приоритет, а о прекращении американской монополии, становившейся все более опасной, создававшей угрозу новой войны…»***

Эти два высказывания говорят о том, что существует правда о ценности информации разведки — способность воспринять ее теми, кому она предназначена. «Атомную информацию» разведки наши ученые и специалисты смогли использовать в силу своей высокой компетентности в вопросах ядерной физики, с начала века создаваемой в физической школе царской и советской России.

Конечно, «наследие Квасникова» и всей НТР не забыто. Весь вопрос в том, что именно взято на вооружение сегодняшней разведкой? Ведь усилия, навязанные «капитализированной» России, не просто настораживают. Геополитическая стратегия Белого дома в одном из главных пунктов его стратегии констатирует: «…остается устранение потенциальных соперников

США на мировой арене». Поэтому «самораспад» Советского Союза, единственной страны, которая до поры до времени сопротивлялась американским претензиям на роль «господина мира», стала для Вашингтона ценнейшим подарком…

Трудно представить, что теперь Америка не воспользуется возможностью «окончательно решить русский вопрос» и попытаться российскую государственность низвести до сырьевого придатка Запада с дешевой рабочей силой. Да и планы коалиционной войны против СССР уже подготовлены для расправы с Российской Федерацией, с них только нужно стряхнуть пыль и насытить новейшим оружием, испытанным в балканской бойне против Югославии.

Разведчик-ученый Квасников застал только начало «капитализации» страны, но он не мог не предвидеть тенденцию на дальнейший прессинг в отношении новой России. Он понимал, что страну не оставят в покое, и не важно, кто во главе государства — коммунисты или антикоммунисты, «стихийные демократы». Пока жива 150-миллионная Россия с ее ядерным арсеналом и огромной притягательной силой для противников американского тотального глобализма, Запад не откажется от патологического желания ликвидировать тысячелетнюю российскую государственность как таковую.

Государственник по своей жизненной позиции, Леонид Квасников не сомневался в том, что геополитическая стратегия Америки в отношении России изменится с исчезновением с международной арены соцлагеря во главе с СССР. Так это и случилось в закрепленных документах АНБ США: ***«Россия по своей сути не вписывается в западную демократию…» и «Россию следует рассматривать с позиции Запада, как трофейное пространство…».***

Прозорливый разведчик-ученый Квасников с 30-х годов готовил научно-техническую разведку на упреждение антисоветских действий западных стран по экономическому ослаблению Советского Союза, как в войне, так и в мирное, послевоенное время. Его убежденность зиждилась на указании высшего руководства Союза в том, что «***страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, армию, органы разведки, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением»***(И.В. Сталин).

И сегодня, в стремительно обостряющейся обстановке на международной арене, это указание вождя актуально, как и многие десятилетия назад. Тысячелетняя российская государственность в новых условиях ни в коем случае не должна

забывать этого предупреждения — не быть атакованными враждебным окружением, столь недовольным нашими богатствами, нашей независимостью с выстраданным суверенитетом, с непредсказуемой способностью к многогранному саморазвитию в политике, экономике, социальной и военной сферах.

Жизненное кредо Леонида Романовича было нацелено на совершенствование усилий НТР, как фактора в делах всей разведки госбезопасности и стране в целом. Следующее предупреждение было высказано в конце семидесятых, в продолжение мысли вождя — «не быть разгромленными…», ибо ***«мы находимся на фронте, где нет перемирия и передышек, где борьба идет с довольно большим накалом… Воевать на таком фронте нелегко…»*** (Ю.В. Андропов, председатель КГБ и будущий глава страны, 1978 год).

И эти «способности» Союза всемерно, судьбоносно и масштабно поддерживал патриот Отечества Леонид Квасников, в этом его высшая заслуга — проницательного разведчика-ученого, уникального организатора и высокоответственного государственного деятеля. Таким его знали в узком кругу профессионалов и на правительственном уровне. Было и официальное признание в «закрытых Указах» о награждениях, в числе которых высший орден Отечества — Орден Ленина.

Триумф ученых и специалистов в создании ядерного оружия в стране огромен. Имена их давно уже стали известными. А разведка госбезопасности? Она все эти десятилетия после войны до поры до времени оставалась в тени. Но время наступило, и идеолог НТР Леонид Квасников и его соратники «по атомным делам» в среде разведчиков, в печати, с трибун и экранов телевизоров смогли рассказывать, как это было.

К когорте разведчиков-атомщиков в лице «легендарной четверки» — Леонида Квасникова, Владимира Тарковского, Александра Феклисова, Анатолия Яцкова — стали относить публично Рудольфа Абеля (Фишера), Юрия Соколова и чету Мориса и Леонтины Коэнов.

Два континента, две резидентуры, два коллектива разведчиков стали «разведывательным полем» и профессиональной средой для источников информации «по атому» и не только. И этот факт, по большому счету, станет понятным десятилетия спустя, когда появится доступ к архивам госбезопасности и даже к архивам западных спецслужб, пытавшихся сопротивляться «снаряду советской НТР». И высшая награда Героя России нашла «гвардейцев Квасникова», правда, через десятилетия и некоторых из них — посмертно…

Но война закончилась, прошли награждения и в приказе говорилось, что ***«…сотрудники 1-го (разведывательного) управления НКВД-НКГБ проделали значительную работу по организации разведывательной сети за рубежом и получению политической, экономической и военной информации…»*** (1944).

Вот что характерно: на фоне общего успеха разведки госбезопасности — 566 офицеров только нелегальной разведки завербовали 1240 агентов и информаторов — материалы НТР были представлены отдельной строкой. И если говорилось, что «***разведкой было получено 41*** 718 раз ***личных материалов, включая значительное число документальных…»,*** то отдельная строка гласила: ***«…из 1167 документов, полученных по линии научно-технической разведки, 616 были использованы нашей промышленностью…».***

Факты награждений разведчиков госбезопасности были все же редким явлением. В 1944 году список награжденных — всего 82 человека за всю войну. Двое из них — резиденты и шесть оперработников резидентур в Штатах, двое в Британии и два — резиденты во Франции. Все они представлялись к наградам за годы тяжелейшей, рискованной, временами смертельно опасной работы. Но с высочайшей степенью информационной отдачи на пользу Отечеству.

В списке: Квасников, заместитель резидента в Нью-Йорке и руководитель линии НТР в Штатах — он же куратор разведчика-инженера Барковского в Лондоне и затем в Центре и теперь — начальник НТР. Соратники Квасникова по совместной работе в США и штаб-квартире — Гайк Овакимян, положивший начало создания «атомной агентурной сети»; Семен Семенов, игравший важную роль в работе НТР, фактически по всем ее аспектам и ставший в 1944–1948 годах одним из важных добытчиков американских атомных секретов. А еще — Александр Феклисов, весьма эффективно работавший в Штатах с самым ценным агентом-атомщиком — Клаусом Фуксом; нелегал Исхак Ахмеров с десятилетним стажем работы по Америке. И разведчик-атомщик в Штатах — Анатолий Яцков…

* * *

К моменту оставления Леонидом Романовичем Квасниковым воистину созданного его потом и кровью детища, НТР, можно сделать вывод: реорганизация госбезопасности и появление в ее стенах внешней разведки стабилизировало работу НТР и в силу многих объективных причин с опорой на волю и опыт ее идеолога

сформировало важное направление разведки — научно-техническое.

Подвиг Леонида Квасникова неоднозначен, но среди многих его положительных начинаний — тот факт, что в условиях начала пятидесятых годов он смог сохранить кадровый потенциал и выйти на путь работы по содействию становлению отечественной военной промышленности. Этот путь привел к неоспоримому факту: страна стала обладателем ракетно-ядерного щита, а его последователи продолжили работу по укреплению обороноспособности страны и ее народного хозяйства.

Заключение
Человек, который материализовал идеи

Памятник «легендарной четверке» когда-нибудь будет воздвигнут. Признание их заслуг очевидно. Их подвиг потрясает своей уникальностью по месту и времени в истории безопасности нашего Отечества. Своим удивительным трудом они достигли высот со званием «Золотая Звезда» Героя России и фактически возведены в ранг «Разведчиков столетия атома и космоса».

Поэтому хотелось бы напомнить логический ряд — значимые вехи в деяниях разведки, когда она смогла существенно повлиять на отношения между Востоком и Западом. Ниже приводятся только периоды, к которым с полным правом достойно выполненного долга имели прямое отношение идеолог НТР Леонид Квасников, Владимир Барковский, Александр Феклисов и Анатолий Яцков.

40-е годы. Проникновение в секреты ***создания новых видов вооружений*** в странах антигитлеровской коалиции, включая атомное оружие.

50-е годы. Участие ***в ликвидации американской монополии на ядерное оружие*** и другие средства массового уничтожения.

60-е годы. Активное ***способствование развертыванию советского ракетно-ядерного щита*** в условиях выявленных планов внезапного нападения США и стран НАТО на СССР…

Уже десятилетия прошли со дня ухода от дела и из жизни выдающегося по своей полезности Отечеству Леонида

Романовича Квасникова. И только время вскрыло значимость в деяниях руководимого им коллектива, фактически возвеличив советскую разведку госбезопасности.

Когда говорят о триумфе советской науки и техники, скромно, в тени, годы и годы оставались операции научно-технической разведки. Но ученые, специалисты и… разведчики шаг за шагом возводили наше Отечество на пьедестал триумфа «русской мысли и ее реализации».

Весьма важно отметить, что и первый спутник Сергея Королева, и первый космонавт Юрий Гагарин, и первый выход человека в космос прошли, казалось бы, рядом, еще при жизни разведчика-ученого Леонида Квасникова… Однако только в среде узкого круга лиц — специалистов по вооружению, «атомным делам», кибернетике, космическим технологиям хорошо известна

роль отечественной разведки, ее научно-технического направления в помощи воюющей стране, послевоенному перевооружению, в создании атомной, электронной и космических отраслей промышленности.

И все это в полной мере относится к личности Леонида Квасникова — провидца в идеологии и стратегии работы научно-технической разведки. Казалось бы — как правило, всякая спецслужба работает по заданиям своего правительства. А как быть с инициативой, с проницательностью тех, кто находился «на переднем крае» мирового научного и технического опыта? И провидец-разведчик-ученый Квасников совершил свой подвиг, точнее, серию подвигов, в идеологии и организации работ разведки на передовых направлениях развития мировой научно-технической революции в рамках научно-технического прогресса с его военно-технической составляющей.

Представляется, что только очень внимательное и глубокое изучение особенностей характера личности провидца может дать представление об удивительных ее способностях в уникальных открытиях, ускоряющих приход отечественной науки к высотам оборонного и мирного атома, а «в кибернетических делах» — к автоматике и телемеханике, без которых и на земле, и в воздухе, и в космосе техника осталась бы без движения…

* * *

Остались позади страницы с описанием жизни замечательного человека. Именно о таких людях еще в начале XX века сказано русским философом Ильиным, что «нет экономической истории, есть история людей…». Он относил это определение и к политике.

Если соотнести роль ученого-провидца, идеолога и стратега только в делах разведки, то перед нами встает человек-глыба государственного значения, человек-провидец в государственной безопасности, человек-веха в государственном подходе к вопросам научно-технической разведки. Не потому ли о нем хотелось бы говорить только с высот государственной позиции, ибо он с «большой буквы» — Гражданин, Офицер, Профессионал.

К Леониду Романовичу Квасникову и взлелеянным им «гвардейцам» правомерно относится следующее широкое определение: **они, патриоты Отечества, своими деяниями оставили мощный след в выходе страны в Великую Индустриальную Державу. Они помогли ученым и специалистам создать в обороне страны ракетно-ядерный**

щит, которым прикрыто наше Отечество по сей день в «расхристанной дикой капитализацией» России. И сделали они это, когда уже существовали в планах Белого дома — Капитолия — Пентагона конкретные сроки «плана Троян» по ликвидации Страны Советов тремя сотнями атомных бомб, начиная с 1 января 1950 года…

Из рук «гвардейцев Квасникова» на стол кремлевских руководителей пришли научные и технические сведения по созданию на Западе атомного оружия. Провидец упредил ситуацию, а отечественные ученые-физики, опираясь на свое глубокое проникновение в ядерную проблему, смогли упредить агрессию США против Отечества — взорвали отечественную атомную бомбу. Советская Россия не дала подвергнуть себя ядерной катастрофе.

Через десятилетия участник советского атомного проекта «Уран» и создатель отечественной водородной бомбы академик Юлий Борисович Харитон вспоминал о вручении правительственных наград участникам работы над отечественной атомной бомбой. В торжественной обстановке Кремля глава Советского Союза И.В. Сталин, удовлетворенный тем фактом, что монополия США на атомное оружие прервана, высказал тревогу страны за все годы «до бомбы»: «Если бы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испытали бы этот заряд на себе!» В длиннющем списке отмеченных наградами, среди ученых-атомщиков, нашлось место и шестерым разведчикам: Леониду Квасникову — орден Ленина, Владимиру Барковскому, Анатолию Горскому, Семену Семенову, Александру Феклисову и Анатолию Яцкову — ордена Трудового Красного Знамени.

Леонид Романович Квасников, аспирант МИХМа — Московского института химического машиностроения, не без сопротивления пришел на работу в разведку госбезопасности (в ее «техническую» группу). Позднее ученые, специалисты и разведчики признавали, что с первых шагов в разведке Квасников, не столько де-юре, сколько де-факто, исповедовал приоритет ученого знания над организацией практической деятельности. И позднее о нем станут говорить: ***«Это был человек с инженерным образованием, глубокими знаниями физики и редчайшей проницательностью…»***

Время показало, что разведчик-ученый смог синтезировать «триаду» свойств личного характера: человеческие качества — научные знания — профессиональная потребность. Но главное, подтверждающее его ранг провидца, — это феноменальная способность материализовывать идеи.

* * *

Когда речь заходит об информационной отдаче его коллег и его единомышленников-последователей, то проявляется ряд особенностей, которые можно было бы назвать «триадой признаков Квасникова». Ведь материализация идей осуществляется ради чего-то и на что-то опирается. И здесь все логически оправдано. Итак, «триада»: идеолог НТР — наступательность НТР — «инструментарий» НТР. Но…

Но разведчик-ученый Квасников оказался в нужное время и в нужном месте, чтобы материализовать идеи, стратегию и тактику проявления усилий НТР. А это не только время научно-технического прогресса, но и преддверие и канун мировой войны. И до, и во время, и после войны разведчик-ученый до блеска развил три составляющие в делах любой разведки — знать, предвидеть, упреждать.

Информационная отдача в интересах Отечества — научная и техническая — с обоих берегов Атлантики, из Старого и Нового Света, пошла потоком, ибо Леонид Квасников смог творчески увязать целесообразность в делах НТР с наступательностью в делах всей разведки, придав им «движение» с помощью эффективного аппарата — сил (разведчиков), средств (агентов) и проводимых ими методов (операций).

Ярчайший след в делах НТР Квасников оставил нам не только о **том времени,** но и в виде **сегодняшнего наследия.** О нем с гордостью замечают, что «Леонид Романович, несостоявшийся конструктор, сумел филигранно сконструировать разведывательную сеть, которая работала как часы, добывая разведывательную информацию…». Естественно, не только по атомной проблематике.

* * *

Широк диапазон отзывов об НТР, этого «детища» разведчика-ученого. Глава разведки и госбезопасности Владимир Крючков подчеркивал особую ее роль в оборонной и народно-хозяйственной деятельности страны. Руководитель ЦРУ Аллен Даллес отмечал успехи русской разведки и ее серьезные достижения в годы войны. А французский контрразведчик решительно отмечал, что ***«русская НТР соперников не имеет…».***

Академик Евгений Велихов, не понаслышке знающий, что такое атомная бомба, особо подчеркивал значение научной разработки в области атомного оружия, указывая фактические

работы по ее появлению в Союзе, как предтечу достижений по выходу страны в космос. Академик Берг отдает должное заслугам НТР в стремительном развитии в стране кибернетики.

Многолетний руководитель НТР, и как идеолог, и как организатор, и как связующее звено между разведкой и производителями — учеными и специалистами, испытал на себе «и гнев, и ласку» высоких лиц страны. Но все же, находясь «под грозным оком» всесильного наркома — самого Берии, не без его согласия был награжден Орденом Ленина.

Бытует мнение, что все же Берия, проводя серьезную чистку в рядах госбезопасности, высоко ценил заслуги разведчика-ученого, в первую очередь в «атомных делах». И что не без участия Берии Квасников стал на десятилетия «посредником» между разведкой и Игорем Курчатовым в атомном проекте «Уран». Это было не просто указание наркома для подобной работы разведчика-ученого, а доверие к высокой компетентности в делах и разведки, и атомных. Но ведь так обстояло дело и по другим направлениям работы НТР — по всем пяти ее аспектам. И тем не менее…

(Прим. авт. В начале 1946 года начальник разведки Павел Фитин обратился к Берии с предложением о награждении сотрудников, работавших по атомной тематике, в том числе и признанного лидера Леонида Квасникова. Реакция Берии была мгновенной и крайне резкой: «О *чем ты говоришь! Какая награда? Я собираюсь его в подвал спустить как вредителя, втянувшего нашу страну в непомерные траты. Ведь бомбы-то у нас еще нет».* В этом эпизоде, как в капле воды, отображена вся нервная атмосфера появления в нашей стране отечественной атомной бомбы. Говорили, что у Берии к моменту проведения взрыва первой бомбы даже было якобы два списка участников: если удача, то награды, а если нет, то… нары?!)

Высокий успех НТР под эгидой разведчика-ученого, особенно в послевоенный период (1948–1963), зиждится на его нетерпимом отношении к неспособности коллег рассчитать, казалось бы, непредсказуемую ситуацию. Он исключал из дел НТР случайность. И эффективность деяний НТР за многие годы с непосредственным участием Квасникова носила исторический характер в жизни страны. Вероятно, Леониду Романовичу было знакомо емкое определение Марка Тулия Цицерона: «если человек думает, что в историческом движении общества имеют место случайности, то он полный идиот». Казалось бы, «общество» — и «разведка», но основа идиотизма одна. Разведчик-ученый в случайности не мог верить!

Что же вело по оперативной жизни разведчика-ученого?

Вернее всего, это был духовный долг перед Отечеством и целесообразность по форме служения ему. Мыслители древнего времени и недавнего прошлого так определили поведение личностей в условиях преданности делу, которому они служили. Это высказывания русского и советского педагога А. Сухомлинского: ***«средоточием нравственности является долг»*** и древнегреческого философа Аристотеля, фактически предвосхитившего кредо самого разведчика-ученого: ***«целесообразность — это сила, которая превращает возможность в действительность».*** Напрашивается категорический вывод: именно на эти два основополагающие фактора опирался Квасников при осуществлении материализации идей и выстраивая стратегию работы в делах НТР.

Долг и целесообразность! Помноженные на предвидение появления атомной проблематики, в делах кибернетики. И еще с войны «забота» НТР о будущем отечественной авиации и ракетостроения — выхода страны в космос…

Случилось это потому, что идеи разведчика-ученого смогли быть реализованы через его коллег-«гвардейцев»: Семенова, Яцкова, Барковского, Феклисова, нелегала Дейча с его «Кембриджской пятеркой» (именно члены «Пятерки» первыми «услышали» указание Квасникова, добыли и принесли в разведку убедительные сведения о работах на Британских островах над атомным оружием). И была «бабушка-агентесса» с сорокалетним стажем, с ее работой в области атомного проекта англичан и с «крылатым металлом» в вопросах авиастроения. И уже в начале шестидесятых годов — доступ разведчика-нелегала к секретам производства атомных реакторов для подводных лодок НАТО…

Организующее начало в масштабной работе НТР было заложено еще в годы войны, когда разведчик-ученый, сам работая в Штатах, стал строить ее деятельность в рамках пяти операций, вершиной которых стала операция «Энормоз» (атом).

* * *

«Разведывательное поле» деятельности разведчика-ученого и его коллег, как уже говорилось, лежит в мировой сфере экономических отношений. А это — научно-техническая революция и научно-технический прогресс с их тревожной «ветвью» — военно-научной революцией. Противостояние Запада с Востоком выразилось в уродливой форме запретов в виде санкций против Восточного блока во главе с Советским Союзом.

Еще с первых дней существования Страны Советов Запад

решительно усилил попытки разрушения российской государственности под предлогом борьбы «с инородным телом» в семье «западных демократий». Страна оказалась на десятилетия в экономической блокаде. Война принесла новые экономические трудности для нашего Отечества.

Разбогатевшая на двух мировых войнах Америка продолжила попытки поставить национальные богатства России под свой контроль. И против ослабленной войной нашей страны усилиями Штатов был создан «запрещающий монстр» КОКОМ — Комиссия по контролю за поставками в страны соцлагеря передовых технологий (по 1200 позициям, 1951 год). Однако развернуться в полную силу КОКОМ не дала «система Квасникова», девизом которой де-факто стало (и до сих пор существует): если КОКОМ — «броня», то НТР — это «снаряд». По оценке только западных специалистов по спецслужбам, «русский снаряд» победил «броню КОКОМ», причем с четким определением: ***«русскому промышленному шпионажу в мире нет равных…»***

Вот только один пример работы «по высшему пилотажу» НТР в области космических заданий, причем только одной агентурной группы в 60-70-е годы. Это информационная (документация, установки и образцы) помощь в развитии отечественной космической программы: аппаратура для военных целей, навигационные приборы, жизнеобеспечение космонавтов на орбите, материальная часть ракет, имитация условий космоса на Земле… Комплектные документы и установки поступали из Европы — Англии, Франции, Австрии и ФРГ, Швейцарии и Швеции; из-за океана — США и Канады, а на Востоке — из Японии. Именно это имел в виду глава разведки Владимир Крючков, говоря, что «***система НТР была встроена в хозяйство страны».***

* * *

Так что означает «идеолог НТР»? Причем — до, во время и после Великой Отечественной войны и в дни «холодной войны». Обобщая все сказанное, коротко подвиг разведчика-ученого представляется в конкретном виде таким:

♦ предвидел появление «атомного ВВ»;

♦ создавал упреждающие ситуации в создании атомной промышленности в стране;

♦ упредил отставание страны в кибернетике;

♦ активнейшим образом участвовал в превращении атомной и кибернетической проблемы в помощь при создании в стране

Эры Космоса;

♦ сумел годами взращивать и сохранять кадры научно-технической разведки.

В глазах ученых, специалистов и профессионалов спецслужб личность Квасникова воспринимается как личность идеолога, стратега и тактика НТР в интересах широкого спектра промышленного развития страны — оборонного и народно-хозяйственного.

Леонид Романович Квасников был масштабной личностью в разведке и остается Человеком Века в отечественной и мировой истории развития науки и техники с середины XX столетия. И потому его имя ассоциируется с успехами отечественной разведки, в которых плеяда «гвардейцев Квасникова» и их последователей блестяще выполнила свой долг перед Родиной. Они смогли на десятилетия ускорить успех страны на оборонном индустриальном поле.

* * *

И несколько слов о «гвардейцах Квасникова» как явлении в делах НТР. В 1991 году, в дни начала разрушения советского государства, журнал «Курьер разведки» в многозначительных статьях «Секреты атомной бомбы» и «Вокруг атомной бомбы» говорит о когорте «атомных разведчиков» так:

♦ их целью было: во что бы то ни стало проникнуть в секреты атомной бомбы;

♦ их было четверо: Леонид Романович Квасников, Владимир Борисович Барковский, Анатолий Антонович Яцков, Александр Семенович Феклисов — и с задачей они успешно справились;

♦ они скромные, обыкновенные люди, с обостренным чувством гражданственности и ответственности;

♦ в них преобладает хладнокровие, трезвость расчетливости, зоркость дальновидности;

♦ эта четверка — люди твердой позиции, благородного поступка, достоинства, чести и проницательного ума.

Долг и целесообразность через прозорливость…

И в результате — крупная государственная победа! Через десять лет после ухода из жизни идеолога НТР, о научно-технической разведке в своих воспоминаниях говорил руководитель внешней разведки и глава госбезопасности генерал-полковник Владимир Александрович Крючков (2004):

«НТР — составная часть научно-технической революции.

Мы встроили работу НТР в нашу народнохозяйственную структуру. По линии этой разведки проделали огромную работу и создали такую базу и такую кадровую основу, которые позволили нам решать задачи удивительного свойства. Эта разведка была самым рентабельным хозяйством в нашей стране…»

Так было сказано о «детище Квасникова» руководителем с двадцатилетним стажем работы в разведке, несколько лет стоящим во главе всей системы госбезопасности. Он, именно Квасников, смог десятилетиями материализовывать идеи в действительность. И делал это блестяще!

То, что в 1940 году выглядело причудой бывшего аспиранта, оказалось гениальным предвидением — началом операции, которая спасла страну и мир от ядерной катастрофы. Леонид Романович Квасников, идеолог и стратег НТР, провел ее от начала до конца.

Удивительна Страна Советов — ей всегда везло на преданных талантливых людей…

Леонид Романович похоронен в колумбарии Ваганьковского кладбища в ячейке с двумя родственниками.

В 1996 году высшая награда Отечества нашла Героя. По статусу Героя России его прах имеет право быть захоронен на Аллее Героев Троекуровского кладбища. Однако, а это и печально и странно, пока разведчики НТР, Совет ветеранов и Ассоциация ветеранов во главе с Комитетом памяти Героев этот вопрос оставляет открытым… Хотя прошло более двадцати лет с момента ухода Леонида Романовича из жизни, и сегодня его захоронение незаслуженно упрощено…

(Прим, авт.: практика перезахоронения имеет место с прахом Владимира Барковского и его жены.)

Послесловие
Что осталось «за кадром»?

…Бомбу сделали ученые, а разведчики только получали информацию о том, что и как делается в Америке. Но благодаря нашей работе были существенно сокращены сроки изготовления первой советской атомной бомбы…

Герой России Владимир Барковский, историограф НТР, 1999.

В феврале 1995 года вышел президентский Указ «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР». Речь шла о периоде до 1954 года: семи государственным организациям — РАН, Госархиву, Минатому, Минобороны, ФСБ, СВР, Гостехкомиссии — было поручено подготовить сборник на основе рассекреченных документов.

В 1995 году и в июне 1996 года шести разведчикам-атомщикам было присвоено звание «Героев России»: Леониду Романовичу Квасникову, Владимиру Борисовичу Барковскому, Александру Семеновичу Феклисову, Анатолию Антоновичу Яцкову и разведчикам-интернационалистам Морису и Леонтине Коэнам. Они многие десятилетия отдали работе по линии научно-технической разведки, особенно информационному обеспечению советских ученых и специалистов секретными сведениями о работах на Западе над ядерным оружием.

В дни появления Указа о присвоении ему и его соратникам высшей награды Родины Александр Семенович, в частности, говорил: ***«Очень сожалею, что столь почетную награду не получили при жизни Леонид Романович и Анатолий Антонович, замечательные разведчики-профессионалы и мои товарищи по нью-йоркской резидентуре…»*** Он подчеркнул, что работа сотрудников внешней разведки чаще всего остается в тени и отмечается зачастую лишь спустя многие годы. ***«Такова специфика нашей профессии…»*** — говорил Герой России…

Есть Указ и есть «этика с ее человеческим фактором»…

События августа 1991 года позволили «псевдодемократам» уничижительно говорить о заслугах отечественной разведки в делах создания атомной бомбы.

В разгар бесплодного спора «кто важнее в появлении в стране ядерного оружия — ученые или разведчики», на страницах прессы выступил создатель водородной бомбы академик Юлий Харитон: «*… **по существу, в те годы в кратчайшие сроки была создана новая отрасль науки и техники — атомная. Изготовление первой атомной бомбы требовало огромных усилий многих ученых, инженеров, техников, рабочих…»*** (1994)

В начале 90-х годов до сознания каждого участника в создании отечественного ядерного оружия — ученого, инженера, производственника и разведчика — неоднократно доводил, как аксиому, мысль разведчик-атомщик Анатолий Яцков: «***Бомбу делали ученые, а не разведка: разведывательная информация сама по себе ничего не стоит. Она может быть полезной только тогда, когда попадает на благоприятную почву…»***

«Благоприятной почвой» была готовность нашей науки воспринять информацию разведки. Ученые и разведчики работали в одной упряжке и делали одно общее дело. Казалось бы, и сама разведка выступает в лице одного из ее руководителей в поддержку версии: ***«Атомная бомба — не такое устройство, которое можно где-то подсмотреть, а потом скопировать. Если бы наша наука не подошла вплотную к постижению тайн атомного ядра, она просто не могла бы понять и оценить информацию, которую добывала разведка по ядерной проблематике»*** («НГ», 10.06,1994).

Официальную позицию о роли разведки в «атомных делах» историограф Барковский изложил на конференции в своем докладе «Участие научно-технической разведки в создании отечественного атомного оружия». В нем он ссылался на компетентное мнение Анатолия Яцкова (Дубна, май 1996).

И тем не менее, споры — спорами, но в канун нового столетия в РАН и Минатоме проводился в Москве симпозиум, посвященный 275-летию АН и 50-й годовщине первого испытания советской атомной бомбы. Тогда с трибуны был сделан доклад ***«Атомная бомба как академический проект. Создание в СССР ядерного оружия можно уподобить технологическому подвигу».*** Вице-президент РАН Владимир Фертов говорил: ***«Только из фундаментальной науки могли возникнуть новые направления типа атомный проект…»***

Но… участвовала и разведка. Лаборатория № 2 заработала в марте 1943 года. А информация от разведки шла с 1940 года, хотя она и не попадала сразу в руки ученых. Это к слову о

«спусковом крючке», нажала на который именно разведка. И, как замечал Барковский, именно в это время ***«в СССР был создан Специальный комитет по проблеме атомного оружия во главе с Лаврентием Берией, а научным руководителем „Уранового проекта“ назначили Игоря Васильевича Курчатова. Он получал нашу (разведывательную) информацию регулярно до самого дня своей смерти».***

Барковский разъяснял причину столь непопулярного на первых порах мнения в среде ученых-атомщиков о факте якобы участия разведки в «атомных делах»: ***«Кроме Курчатова, никто не знал, что в деле создания оружия помогала информация разведки. Он корректировал всю работу в соответствии с полученными сведениями и реализовывал их в виде советов или ориентировочных соображений… Благодаря его тактике все считали, что бомбу сделали сами ученые, и никто им не помогал…»***

Но были и такие оценки полученных от разведки материалов: ***«Наличие такой информации на многие месяцы сокращает объемы наших работы и облегчает выбор направлений»*** (А. Иоффе) или ***«полученные материалы заставили нас по многим вопросам пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской физики направления работ…»***(И. Курчатов).

И не потому ли, в который раз, правомерно мнение историографа-государственника Владимира Барковского в его категорическом утверждении о позиции разведки в этом запутанном «атомном ажиотаже»: «***Конечно, бомбу сделали наши ученые, а разведчики только получали информацию о том, что и как делается в Америке. Но благодаря нашей работе были существенно сокращены сроки изготовления первой советской атомной бомбы…»***

Вокруг атомной бомбы. В новом столетии вопрос об участии научно-технической разведки госбезопасности в создании отечественного ядерного оружия все еще не поддерживается в некоторых ученых кругах, а об ее участии в «делах космоса» вообще не говорится. Так, уже в первой половине 2016 года на экраны телевидения вышел замечательный документальный фильм о президенте АН СССР Мстиславе Келдыше. И гордость создателей фильма — участвующих ученых, историков науки, комментаторов очевидна и похвальна.

Один эпизод в этом фильме привлек внимание автора данной рукописи. Тогда ведущий комментатор говорил о замечательном «профессиональном союзе» трех ученых под знаком **«К»: *Келдыше, Курчатове, Королеве.*** Эти «три К»,

блестящие отечественные умы, завораживали автора, но в этом «замечательном треугольнике» он почувствовал некоторую «уязвимость» в его «устойчивости». Явно не хватало еще одного **«К» — *Квасникова.*** Ведь тогда «треугольник» превращался бы в «квадратуру круга»…

Все трое академиков: Мстислав Келдыш (академическое физико-математическое сопровождение), Игорь Курчатов (атомный проект) и Сергей Королев (космические программы) в разной степени, но постоянно опирались на действенную помощь отечественной научно-технической разведки, двадцать пять лет возглавляемой ее идеологом и стратегом Леонидом Квасниковым, а затем — его единомышленниками.

И трудно отделаться от мысли: это и есть «момент истины» и для Леонида Квасникова, и для научно-технической разведки, и для разведки, и для Отечества…

И не звучит ли пророчески, если будут **высоко признаны заслуги Леонида Квасникова** и в «делах с атомом», и в кибернетике, и в участии с ракетно-ядерным щитом и с программами космоса?! Они, его успехи, заслуживают адекватной оценки… рядом с тремя «К».

В стране должны широко помнить о подвиге разведчика-ученого, а ученые — что гений атомного величия нашего Отечества Игорь Курчатов «получал… разведывательную информацию регулярно до самого дня его смерти…».

В этой рукописи участие НТР в «делах с кибернетикой» и «делах с космосом» затронуты, но не так широко, как по атомной проблеме, ибо это особый разговор.

Основные даты официальной жизни Леонида Романовича Квасникова

1905, 2 июня — в семье конторщика на станции Узловая Московско-Донбасской ж.д. родился сын Леонид.

1922 — окончил 7 классов школы-восьмилетки в Пензе, работал на стройке железной дороги.

1923–1926 — учился в профтехшколе НКПС в городе Туле, помощник машиниста и машинист паровоза.

1930–1934 — студент Московского института химического машиностроения, окончил с отличием; инженер химзавода в городе Дзержинске Нижегородской области.

1935–1938 — аспирант МИХМа, работал в спецкомиссии Наркомата оборонной промышленности; внедрил автоматизированную технологию снаряжения боеприпасов.

1938–1939 — сотрудник Иностранного отдела ГУГБ НКВД, заместитель начальника; член ВКП(б), лейтенант ГБ.

1940 — начальник отделения НТР НКВД, командирован в Польшу под прикрытием советско-германской комиссии.

1941–1943 — начальник отделения НТР НКГБ-НКВД; старший лейтенант ГБ, «Заслуженный работник НКВД».

1943–1945 — заместитель резидента в Нью-Йорке по линии НТР; ответственный за работу по проникновению в американские атомные центры; майор ГБ, подполковник ГБ, полковник ГБ; орден Красной Звезды.

1946–1954 — начальник отделения НТР НКГБ-НКВД-КИ при МИД; полковник, ордена Ленина (1949), Красной Звезды (1954).

1954–1963 — начальник 10 отдела (НТР) ПГУ КГБ при СМ СССР; ордена Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды; «Почетный сотрудник госбезопасности».

1963–1966 — старший консультант Группы консультантов при начальнике ПГУ.

1966 — отправлен в отставку, сотрудник ВНИИ межотраслевой информации.

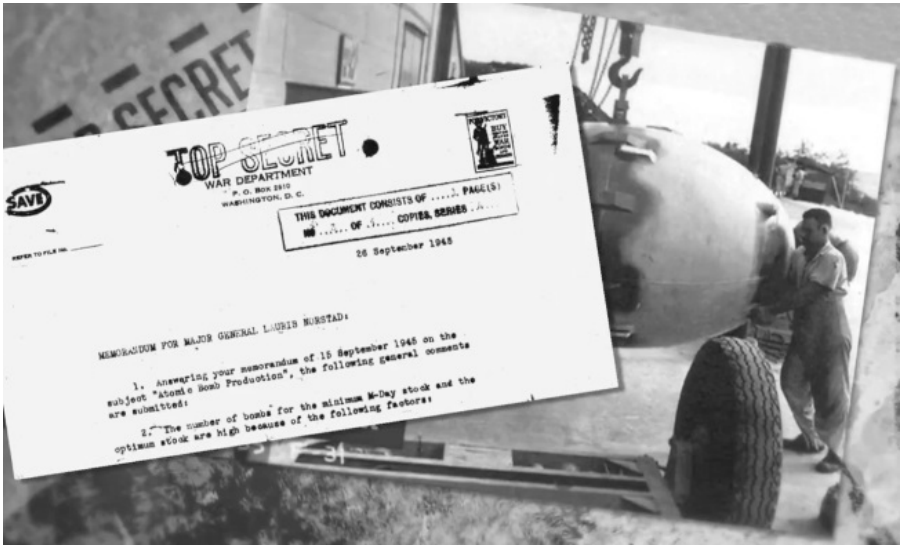
1985 — награжден орденом Красной Звезды.

1993, 15 октября — Леонид Романович скончался, похоронен в колумбарии Ваганьковского кладбища.

1996 — Указом Президента РФ присвоено звание «Герой России» с вручением «Золотой Звезды» (посмертно).

1990-2000-е — открыты стенды в Краеведческом музее и средней школе станции Узловая, в МИХМе.

Иллюстрации



1948 г. Меморандум Пентагона о количестве атомных бомб для атаки СССР

1948 г. Приложение к «Меморандому» — карта со стратегическими объектами в СССР

1945 г. Майор Квасников после работы в Нью-Йорке (1943–1945 гг.)

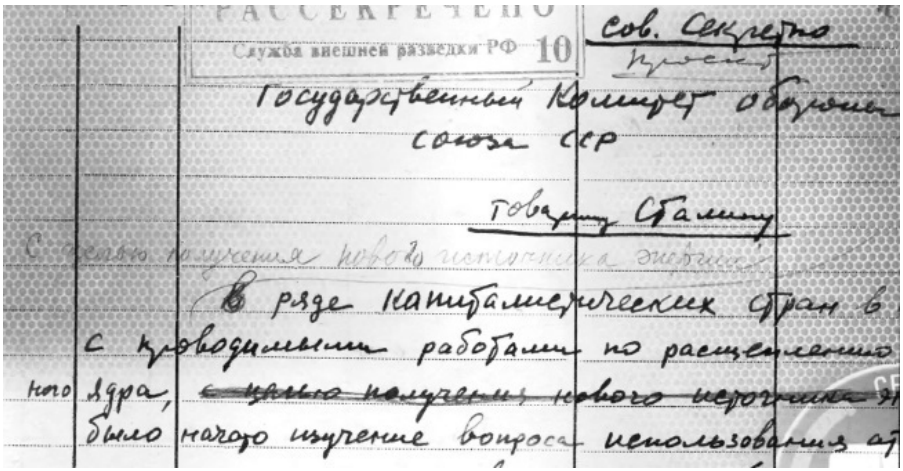
1905 г. Мать — Мария Харлампиевна

1905 г. Отец — Роман Романович

1938 г. Леонид Романович Квасников во время прихода в госбезопасность

1940 г. Майор Квасников Николай Романович

1945 г. Памятник — свидетель атомной бомбардировки города Хиросимы



1942 г. Записка в ГКО Союза ССР тов. Сталину о положении дел с работой над атомным оружием в странах Европпы и США (личная рукопись Л.Р. Квасникова)

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР

В целях воссоздания объективной картины становления отечествен атомной промышленности и истории создания ядерного оружия в СС

п о с т а н о в л я ю:

1. Принять предложение Российской академии наук и Государствен архивной службы России, поддержанное Министерством Российс Федерации по атомной энергии, Министерством обороны Российс Федерации, Федеральной службой контрразведки Российской Федера Службой внешней разведки Российской Федерации, Государствен технической комиссией при Президенте Российской Федерации, об изда официального сборника архивных документов по истории создания ядерн оружия в СССР за период до 1954 года и рассекречивании соответствую архивных документов.

2. Правительству Российской Федерации:

в месячный срок образовать рабочую группу Правительственной комис по комплексному решению проблем ядерного оружия для изучения архив документов, связанных с историей создания ядерного оружия в СССР, выработки предложений по их рассекречиванию;

обеспечить подготовку и издание официального сборника архив документов по истории создания ядерного оружия в СССР за период 1954 года.

3. Контроль за исполнением настоящего Указа возложить Правительственную комиссию по комплексному решению проблем ядерн оружия.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль
17 февраля 1995 года
№ 160

РОСАРХИВ

Указ об издании сборника по истории ядерного оружия в СССР

1943–1950 гг. Главные фигуранты — цели Советской разведки: генерал Грове, руководитель Центра Атомных исследований в Лос-Аламосе и руководитель проекта «Манхеттен — Оппенгейнер»

1925 г. Машинист Тульского депо

1939 г. Сотрудник госбезопасности. Польша

1990 г. Леонид Романович с правнучкой Ольгой Михайловной Жуковой, хранительницей архива прадеда

1990 г. Почетный сотрудник 1930-1970-х годов

1998 г. Герой России Л.Р. Квасников на почтовой марке

«Великолепная атомная четверка»

1996 г. Мемориальная доска Л.Р. Квасникова, «дополненная» Звездой Героя

Клаус Фукс, талантливый физик и математик, консультант 12-ти лауреатов Нобелевской премии центре атомных исследований в Лос-Аламосе; сотрудничал с Москвой в Англии и США в 40-х 50-х годах

Клаус Фукс, Лондон, 1950 г.

Павел Михайлович Фитин, руководитель разведки Госбезопосности в эпоху атома в годы войны